

Рой Кин - Автобиография

Тереза сказала мне по телефону, что я стал «опозоренной звездой чемпионата мира Роем Кином». Я был изгнан с мирового первенства домой. Я стоял в аэропорту корейского города Сайпан. Журналисты и фотографы роились вокруг меня. Я молчал. Я был спокоен. Нет никакого позора в том, что говоришь правду. Это было трудно — видимо, поэтому, я думаю, люди и держали язык за зубами. Я долгое время держал язык за зубами. Ну, сравнительно долго, конечно.

Я знал, что в Лондоне меня уже ждут журналисты. Это будет завтра. С одной стороны, я был спокоен, но с другой, я весь горел. Я готовился к этому чемпионату мира. Во всех матчах отборочной кампании я из кожи вон лез, чтобы попасть в финальную часть. Теперь, когда мне почти тридцать один, я знал, что это, по-видимому, будет моя последняя попытка на мировом первенстве. Я знал, что уровень организации в ирландской сборной был далек от идеала, все это знали. Но даже по ирландским

понятиям в то, что произошло в последнюю неделю, было трудно поверить. Под маской спокойствия в моем сердце клокотали ярость и боль.

Я был разозлен непрофессионализмом, царящим в лагере сборной Ирландии, отсутствием амбициозности, отбыванием номера и отношением к турниру, попадание на который должно быть целью каждого футболиста. Мы — ирландцы и делаем все по-своему. В этом наш гонор. Мир любит нас, говорили мы себе. Но не были ли мы похожи на артистов кабаре, приглашенных на вечеринку? Когда матчи становились по-настоящему серьезными, мы, как правило, уходили в сторону. Уезжали домой, чтобы справить еще одну вечеринку после одной победы, которой мы обычно добивались, и смотреть окончание чемпионата по телевизору. Отлично. Но для этого ли мы отдавали все силы в отборочной группе, выбивали из турнира сборную Голландии, завершали кампанию без единого поражения вслед за сборной Португалии? Нет, это не для меня. Я был игроком «Манчестер Юнайтед». Мы праздновали лишь победы.

Мне было больно. За Терезу, за мою семью в Корке. Я потратил

30000 евро, подарив моим родным братьям Денису, Джонсону и Пэту вместе с двоюродным братом Джоном Линчем мечту — поездку на чемпионат мира. Теперь они туда не поедут. Я все им испортил. Как и моим маме и папе. Я позвонил им. Они засели дома, не отрываясь от экрана, смотря Sky Television, слушая радио, читая газеты об их опозоренном сыне. Я мог с этим справиться. Для них же это было пыткой.

Наконец-то я в самолете. Спасибо «Манчестер Юнайтед»! Я позвонил Энн Уили в клуб. Она заказала билеты на самолет. Чтобы избавиться от толпы назойливых журналистов, она купила мне билеты через Гуам, а не через Токио. Гуам, Гонконг, Лондон, Манчестер. Тереза, мои дети Шэннон, Караф, Эйдан и Ли. И Триггс, моя собака. И покой.

Когда мы прибыли в Гонконг, кто-то уже дожидался меня из авиакомпании British Airways. Энн Уили узнала о задержке рейса и заказала мне билеты на следующий самолет в Лондон. Первый класс. Кровать. Я готов отойти ко сну. Я никогда не забуду British Airways. Они были просто супер на протяжении всего полета. Я не мог уснуть. Мысли бешено проносятся в моей голове. Я посмотрел фильм с Дензел Вашингтон в «Тренировочном дне». Так себе. Две стюардессы были приятны в общении со мной. «Мы поддерживаем вас на все сто», — сказали они. Они готовили завтрак. Я пришел на кухню, чтобы поболтать с ними. Что-то там ждет меня в Лондоне?

Когда я сошел с трапа самолета, меня ждала машина от British Airways, которая должна была отвезти меня в другой терминал аэропорта на самолет в Манчестер. Когда я сел в машину со своим багажом, мимо прошел носильщик. Я ждал от него какой-нибудь колкости. Думал, что он какой-нибудь болельщик «Арсенала» или «Шпор». «Отлично, Кино! — улыбнулся он. — Не вешай носа!». Эта небольшая ремарка дала мне огромный заряд бодрости. Спасибо ему за честную игру. Несомненно, он зарядил меня на следующий сезон!

Меня незаметно провели в зал для отправлений в Мидленд. Вошел Майкл Кеннеди, мой агент. Он сказал, что полетит в Манчестер со мной. «Нет, в этом нет необходимости», — настаивал я. Он сказал, что из Интернета на меня льется поток грязи. О моей личной жизни.

Что?!

Моей жене Терезе постоянно названивает какая-то женщина. Я позвонил домой. «Не беспокойся, — сказала Тереза, — просто приезжай».

Майкл сообщил, что пресса проявляет к моей личной жизни огромный интерес. Я должен буду выступить с заявлением. Я сказал ему, что хочу попасть домой.

В аэропорту Манчестера меня ждала машина «Юнайтед». Через пять минут я был уже у своих. Дом находился в осаде. Журналисты, автомобили телеканалов с тарелками. Я подумал: ни черта себе! Это что — приезд Билла Клинтона?

Тереза сказала мне, что не может выйти из дома.

«Собаку не выгуливали уже дня два».

Я ждал в течение часа, поиграл с детьми, а затем взял Триггс. Мне нечего стыдиться. Моя жизнь должна снова войти в привычное русло.

«Пойдем, моя девочка. Мы идем гулять».

I

Я родился 10 августа 1971 года, став в семье четвертым ребенком из пяти, в Мэйфилде, северном пригороде города Корк. Позднее мои мама и папа, мои старшие братья Джонсон и Денис, я, моя старшая сестра Хилари (мой младший брат Пэт родился позже) переехали в Лотэмор Парк, также в Мэйфилде. Моя мать Мари (урожденная Линч) была родом из известной спортивной семьи.

Мой отец проработал какое-то время на местной трикотажной фабрике «Санбим Уолси», но вскоре она обанкротилась. После этого, когда найти работу было тяжело, мой папа, как и многие другие мужчины, принимался за любое ремесло, какое только подвернется, включая подработку в компаниях «Гиннес» и «Пфайзер» — двух крупнейших работодателей в Корке. В семидесятые и восьмидесятые, когда один мировой финансовый кризис сменялся другим, экономика Ирландии переживала трудные времена. Корк же страдал больше других.

Подрастая, я понимал, что денег всегда не хватало: например, у нас не было машины. Но, если быть честным, я никогда и ни в чем не нуждался. Моя мать Мари и мой отец были заботливыми, любящими родителями. Мои старшие братья и сестра воспитывали меня. Возможно, из-за того, что я был младшим в семье (пока не родился Пэт), я был избалован.

Я ходил в местную начальную школу Святого Иоанна. В классе я уж точно не блистал. Я вел себя тихо и радовался, что меня не замечали. Для меня и моих друзей на первом месте в жизни стоял спорт, а не образование. Жизнь начиналась только со звонком, извещавшим об окончании учебного дня.

Спортивные традиции Корка имеют глубокие корни и отличаются разнообразием. В нашем доме всегда почитался британский футбол. Другие предпочитали гаэльский футбол и ирландский хоккей на траве. Спорт зачастую являлся причиной глубокой разобщенности. Гаэльские игры считались по-настоящему ирландскими, и подразумевалось, что другие игры, такие, как футбол и регби, таковыми стать никогда не могли. Иностранские игры, особенно отождествлявшиеся с Британией, не были в почете. Конечно, Джек Чарльтон вскоре изменит положение вещей.

Наше семейство было страстным поклонником британского футбола. Мой отец был игроком основного состава в «Крофтоне» и «Норд Энде» — двух местных юношеских клубах. Отец моей матери и два ее дяди являлись обладателями золотых медалей юношеского чемпионата под эгидой Федерации футбола Ирландии. Два ее брата — Мик и Пэт Линч играли за «Рокмаунт» — один из старейших и самых известных юниорских клубов Корка. Поэтому мне и моим братьям было грех не играть. Одной из известных шуток в моей семье были разговоры о том, какими великими футболистами были мой папа и дяди. Я и мои братья постоянно посмеивались над этим, поскольку казалось, что «тогда» каждый игрок был великим.

Как и большинство жителей Корка, я горжусь своим происхождением и корнями. На вопрос об их происхождении люди в Корке неизменно отвечают так: «Урожденный ирландец, житель Корка милостью Божьей».

Смех — вот что я часто отождествляю с моим домом и городом. Смех во времена радости и горя. Настоящий или притворный. Смех по любому поводу, над всяким дурачком, которому не посчастливилось родиться в Мятежном Графстве (так называют графство Корк. — В.С.). Мания величия — это черта любого здравомыслящего жителя Корка. А уж жительницы — тем более.

Перед тем как окончательно выбрать футбол, я попробовал свои силы в ирландском хоккее на траве и боксе. Старшая команда Корка по хоккею на траве неоднократно становилась победителем Всеирландских игр, а такие игроки, как Джек Линч и Кристи Ринг, считались народными героями не меньше, чем Стэнли Мэтьюз и Том Финни в Англии. Моя карьера в хоккее закончилась ужасно. В совершенно безобидной ситуации конец моей клюшки сломался, и щепка вонзилась в ногу, в результате чего травму пришлось залечивать добрые полгода.

Я ходил на тренировки в боксерский клуб Брайана Диллона на Диллон-Кросс. Я провел всего четыре боя в ирландской лиге новичков и во всех случаях выходил победителем. К тому времени, когда мне можно было боксировать, я был самым подготовленным в физическом отношении боксером. И самым охочим до борьбы. Но у меня имелась одна проблема, поскольку я уже регулярно играл за «Рокмаунт». Мой тренер по боксу поставил меня перед жестким выбором: либо футбол, либо бокс. Итак, бокс был забыт.

Однако он сыграл важную роль в моем становлении спортсмена. Прыжки и боксерские приемы сделали меня весьма подвижным и проворным. Кроме того, я обрел некую уверенность при столкновении с агрессивной средой. Я все еще был низкорослым для моего возраста, но боксерская техника ведения боя и приученность к дисциплине дали мне психологическое преимущество: я мог постоять за себя, несмотря на свой низкий рост и застенчивость.

Когда мне предстояло выбрать между футболом и боксом, я ни секунды не сомневался, каким будет мой ответ. Не было сомнений и в том, что я буду играть за «Рокмаунт» вместо клуба моего района «Мэйфилд», где играли все мои школьные друзья. То, что мои братья Денис и Джонсон играли за «Рокмаунт», стало одной из причин выбора именно этого клуба. Однако настоящим объяснением этому был тот факт, что «Рокмаунт» находился на подъеме. Я пришел в клуб, когда мне было восемь и вот-вот должно было стукнуть девять, но уже тогда я рвался к победам. Поскольку «Рокмаунт» гремел по всей округе, в него приходили лучшие игроки всех пригородов Корка. Чтобы добираться до клуба, мне было необходимо преодолевать расстояние в семь миль. Моя мать всегда с легкостью давала мне деньги на автобус. А если мне нужны были бутсы, она доставала их словно по мановению волшебной палочки. Возможно, они были не лучшей марки, но более чем подходящи для меня.

Мне очень нравилось надевать майку и настоящие футбольные бутсы. Играть на полях с настоящей (хотя и грубой) белой разметкой, воротами и сеткой. Все было по-настоящему. Я даже любил судей за то, что они разрешали споры, которые в обычных наших играх в Мэйфилде приводили к бедламу и взаимным упрекам. Приход в «Рокмаунт» был огромным шагом в моей мальчишеской жизни. Ведь в конце концов я стал футболистом.

В десять лет я играл за команду, составленную из игроков не старше 11 лет. Я намного уступал в росте и весе, но я мог дать другим фору в том, что касалось отношения к игре. Я отдавал все свои силы. Я мог бежать, точно пасовать, я мог отнимать мяч. И это правда: после марафонских игр, к которым мы привыкли в Мэйфилде на полях не лучшего качества, тридцать пять минут каждого тайма матча за команду до 11 лет казались легкой прогулкой.

Все в Мэйфилде болели за английские клубы. Моим клубом были «Шпоры» («Тоттенхэм Хотспур». — В.С.). Почему? Потому что большинство моих приятелей болели за чертовы «Манчестер Юнайтед», «Ливерпуль» или «Арсенал», который выиграл дубль в год моего рождения. Гленн Ходдл был моим любимым игроком. В один из самых счастливых дней моего детства я смотрел по телевизору, как «Шпоры» выиграла у «Манчестер Сити» в год столетия финала Кубка Англии. Победный гол Рикардо Виллы, который он забил, пройдя в слаломе с мячом мимо защитников, стал великолепной развязкой интереснейшей игры.

Хотя мне нравилось подражать ярким игрокам, таким, как Рики Вилла или Гленн Ходдл, моя игра была не похожа на их манеру. Я был больше рабочей лошадкой, чем яркой личностью. Я сражался за голы, сражался за каждый мяч, когда мы его теряли. В общем, я был очень активен на поле. Я прислушивался к советам наших тренеров Тимми Мерфи и Джена О'Салливана, особенно когда они говорили об отношении к игре. Их принцип был прост, но в нем была истина: выйди на поле без настроения — и неважно, каким мастерством ты обладаешь, ты точно проиграешь. Я верил им. Я до сих пор им верю.

По окончании моего первого сезона в «Рокмаунте» я был назван лучшим игроком года. Я был невероятно горд тем, что смог продолжить традиции семьи Кинов в клубе, где раньше играли мои братья и дядьки.

Во второй сезон моего пребывания в клубе мы выиграли чемпионат для одиннадцатилетних и взяли Кубок. К тому времени «Рокмаунт» подписал контракт с Полом Маккарти, Аланом О'Салливаном, Дэмьеном Мартином и Леном Дауни (все они впоследствии играли за различные сборные Ирландии). Они составляли костяк команды, которая выигрывала Кубок и чемпионский титул шесть лет подряд. Конкуренция в школьном футболе Корка была просто потрясающая, а мы оставались непобежденными в течение пяти сезонов.

Когда мне было двенадцать, я перешел в «Общественную школу Мэйфилда». Мой брат Джонсон уже сделал там фамилию Кин знаменитой.

Учитель: «Имя?»

Я: «Кин. Рой Кин».

Учитель: «Джонсон твой брат?»

«Да».

«Ага!» И эта его ухмылка не требовала дальнейшего объяснения. На мне лежала печать того, за кем надо особенно пристально следить.

Мое безразличие к учебе не осталось без последствий. В пятнадцать мне было нужно пройти «Промежуточный экзамен». Если я его провалю, то со школой будет покончено. В этом случае мне бы оставалось ишачить либо жить на пособие по безработице. Если же я сдам мой «Промежуточный», то мне будет позволено в будущем сдать «Итоговый экзамен», который открывал путь к приличной работе, чувству социальной защищенности и всем сопутствующим этому благам. Но — здесь вновь стоит напомнить о передрыгах в экономике страны — ни сдача «Промежуточного», ни сдача «Итогового» экзаменов не гарантировали хороший заработок уже через несколько лет. Но и этот факт не может служить оправданием моего пренебрежения учебой.

Во мне было больше веры в то, что я стану профессиональным футболистом, чем в то, что я справлюсь с «Промежуточным».

Большинство молодых игроков лелеют мечту о карьере профессионала в Англии. Для достижения этого только успешной игры в Корке было недостаточно. Первым шагом для попадания в английский клуб было избрание в сборную Ирландии для игроков до 15 лет — приз, который, казалось, уже был в кармане у школьников Дублина. Но успех «Рокмаунта» не мог остаться незамеченным. Я, Алан, Лен, Пол и Дэмьен получили приглашение на просмотр в местную и национальную сборную для игроков до 14 лет. К несчастью, мне не удалось достичь поставленной цели. Говорили, что я был слишком мал. Некоторым не нравился мой характер. Ирония в том, что у меня как раз был «характер» и темперамент именно потому, что я был слишком мал. Когда нужно было вступать в борьбу за мяч, я не отступал. Поскольку я был низкорослым, я поставил перед собой цель как можно раньше научиться хорошо отбирать мяч в каждой игре. Я заработал репутацию, которая была мне по душе — «с ним шутки плохи». Подобная репутация шла мне на пользу. Она оказывала мне огромную помощь. Еще были те,

кто рассчитывал на победу в борьбе со мной, но, по мере того как проходило время, таковых находилось все меньше и меньше.

Я провалил свой «Промежуточный экзамен». Было больно. И хотя вряд ли можно было ожидать другого, я чувствовал, что подвел себя и родителей. Возможно, это был еще не конец света, но, безусловно, это обстоятельство поставило знак вопроса над моим будущим. Время, энергия и воображение, которые я должен был направить на уроки и домашние задания, были вместо этого вложены во многие часы занятий футболом. Сегодня дети более смыслены или, по крайней мере, должны быть таковыми. Образование и карьера футболиста вовсе не являются взаимоисключающими.

Появление в сборной до 15 лет было важным событием для молодого футболиста. Если тебя включали в ирландскую команду, ты автоматически оказывался как бы на витрине, которую изучали скауты английских клубов. Это был решающий сезон. Появление в ирландской сборной было важнее, чем сдача «Промежуточного экзамена». В предыдущий сезон я играл за сборную графства Корк для 14-летних, которая выиграла национальный Кубок, разыгрываемый между графствами. Перспектива попадания в сборную страны выглядела вполне реальной, а если на твоём счету появится матч за сборную, то у тебя имеются хорошие шансы получить приглашение на просмотр в английский клуб.

Однажды после школы я пришел домой вечером и увидел улыбающегося отца, держащего в руках местную газету «Ивнинг Эхо»: «Ты попал, мальчик, ты едешь на просмотр в Дублин».

На просмотре я показал хорошую игру. Когда я был заменен примерно за пятнадцать минут до окончания матча, я думал, что это случилось лишь потому, что те, кто отбирал в команду, увидели достаточно, чтобы убедиться в моей необходимости. Возвратившись в Корк, я с нетерпением стал ждать новостей о приглашении на итоговый просмотр. Когда же они пришли, то оказались для меня плохими. В списках тех, кто был вызван на него, Р. Кина не было, сколько я ни старался его в нем разыскать. Я был убит. Это было самым большим разочарованием моей жизни. Дверь в мою мечту захлопнулась перед самым носом.

Моя мать была очень обеспокоена, смотря на то, что происходит в моей жизни. На некоторое время я потерял присущий мне кураж. Я получил еще один удар, когда Пол Маккартни связался со мной и сказал, что выбил для меня просмотр в «Брайтоне». Я должен был ехать в Дублин на поезде, затем сесть на самолет рейсом до Лондона, после чего вновь на поезде доехать до Брайтона. Вечером за день до моего запланированного отправления Пол позвонил мне и сказал, что просмотр отменен. Изучив рекомендацию Пола, представители «Брайтона» отказались от этой затеи. Они слышали, что я был слишком низкорослым, чтобы стать профессиональным футболистом.

Весь разбитый, я погрузился в полужизнь, бесцельно проводя долгие дни. Я вставал с постели в час, чтобы получить первую радость наступающего дня — посмотреть серию «Соседей», которая начиналась в 13.30. После этого я шел на прогулку с моим псом Беном — черной дворняжкой, заменившей собою Счастливого, другую дворняжку, названную так, потому что она была бродячей собакой, которой посчастливилось наткнуться на Роя Кина. Я любил своих собак, по-настоящему их обожал (как и по сей день). В отличие от людей собаки не говорят всякую ерунду. Они не предадут тебя или испортят тебе настроение. В ответ на то, что ты даешь, ты получаешь столько же и даже больше. Бен, как Счастливчик и другие собаки, которых я заводил, был преданным и любвеобильным псом. И смешным тоже. У них у всех был свой, неповторимый характер. Для меня их самой волшебной чертой было то, что им все равно, кто ты — капитан «Манчестер Юнайтед» или безработный. Прогулка с Беном была лучшим моментом моего дня. Я все еще любил футбол и тренировался и играл с таким же энтузиазмом, несмотря на чувство, что я упустил свой шанс, который, может быть, был последним.

Я не получал пособия по безработице по одной простой причине: мне не было восемнадцати. Деньги были проблемой. Мои мать и отец не имели тогда достаточно средств, но я никогда не нуждался по-настоящему ни в чем. Братья также иногда «субсидировали» меня время от времени. Я принимался за любую физическую работу, когда таковая находилась. Самая легкая была в баре «У Гелвина» в Блэмпле. Как кто-то написал, что я пришел туда, чтобы наращивать мускулы, нося бочки с пивом со

склада в бар. Правда же заключается в том, что я выбрал эту работу из-за денег — 3,5 фунта в час — и проводил время, потихоньку воруя шоколад и набивая себе им рот. Я проработал там три недели.

Самая дрянная работа, за которую я взялся, была у одного деляги, который нанял нас, чтобы мы соскребали ржавчину с металлических листов. Нам для этого выдавали по паяльной лампе безо всякой спецодежды! Это была опасная работа, но хорошо оплачиваемая — 50 фунтов в неделю. Я продержался там три месяца. Потом весной пошел собирать картофель, ездя на велосипеде по пятнадцать миль туда и обратно. Это была убийственная, адская работа, в наследство от которой я получил большую спину, которая и по сей день меня беспокоит.

Возможно, заметив мое отчаяние и обеспокоенность футбольным будущим, Тимми Мерфи, Джен О'Салливан и Джон Дели, который теперь тренировал нашу команду «Рокмаунт», посоветовали мне написать письма с просьбой о просмотре в английских клубах. Я это сделал, и ответы говорят сами за себя.

«Боимся, что у нас нет вакансий в настоящее время, но мы хотели бы поблагодарить тебя за твой интерес к нам и хотели бы пожелать тебе успехов в будущем». («Дерби Каунти»).

«Я благодарю тебя за твое письмо, но сожалею, что мы не можем тебе ничем помочь. В настоящее время у нас заполнены все штатные места для игроков, и мы не будем проводить просмотров в ближайшее будущее». («Шеффилд Уэнсдей»).

«К сожалению, я не могу выполнить твою просьбу о просмотре в «Астон Вилле», так как у нас уже есть все необходимые игроки на твоей позиции». («Астон Вилла»).

«Я весьма сожалею, но вынужден тебе сообщить, что после недавней реструктуризации нашего юношеского подразделения я могу предложить просмотр в начале сезона лишь мальчикам младше 15 лет. Мне очень жаль тебя разочаровывать, но, как и большинство других клубов, у нас имеется большое количество скаутов, следящих за играми футболистов всех возрастов, и если у тебя есть задатки профессионального футболиста, ты имеешь все шансы быть замеченным». («Челси»).

«Я уверен, ты поймешь — мы получаем буквально сотни подобных писем каждую неделю... Обычной практикой является положительный ответ на письма игроков, у которых имеются определенные заслуги или же которые имеют отличные рекомендации близких к футболу людей. Поэтому я сожалею, что не могу предложить тебе просмотр». («Ноттингем Форест»).

Вспоминая те дни, я понимаю, что стало главной причиной моих неудач, даже не беря в расчет мой рост, чего не видели своим опытным глазом скауты. Я был универсалом и считал себя командным игроком. Я мог забивать голы, но не был ярок и замечен со стороны. Хотя я мог контролировать середину поля, я не часто шел на прорыв, обводя одного футболиста за другим, и не разрезал оборону на части длинным пасом на тридцать пять метров. Я читал игру, перехватывал передачи, перекрывал пространство сопернику, делал незамысловатые пасы. Я беспрестанно работал от штрафной до штрафной, защищаясь и атакуя. На каждый великолепный гол, который я забивал, приходились сотни мелких действий — как оборонительных, так и наступательных, которые оставались незамеченными сторонним наблюдателем. Я был в работе каждую секунду игры, полон решимости и абсолютной концентрации. Решимость была моей фирменной чертой. Концентрация была невидима для других. Чтобы это заметить, нужен был весьма натренированный глаз.

Помощь пришла, как всегда, откуда ее не ждешь.

В 1989 году правительство Ирландии совместно с Футбольной ассоциацией страны открыло курсы для молодых элитных футболистов. Каждый из двадцати четырех клубов национальной лиги (двенадцать из каждого дивизиона) мог послать на курсы своих многообещающих молодых игроков. Я прочитал об этом и увидел свой шанс. Это же сделал и мой приятель Лен Дауни, который вот-вот должен был подписать контракт с «Корк Сити», нашим местным клубом национальной лиги. Лен был типичным представителем Корка. Но и Рой Кин также был парнем не промах, прошедшим школу улиц.

Представители «Сити» также обратились ко мне с предложением подписать контракт, а я даже подписал это чертово предварительное соглашение. Я знал, что они могут послать лишь одного футболиста в Дублин на курсы FAS. Поэтому, когда Лен сказал мне, что «Сити» посылает на курсы его, меня это сильно огорчило.

Слава Богу, Эдди О'Рурк связался со мной в тот же день. Эдди совмещал работу плотника и тренера юношеской команды «Ков Рэмблерс», клуба второго национального дивизиона. Он знал меня несколько лет и видел во многих поединках со «Спрингфилдом», школьным клубом Кова, являвшимся главным соперником «Рокмаунта», постоянно занимающим второе место в те годы, когда мы выигрывали дубль.

«Не хотел бы ты прийти в «Ков Рэмблерс», Рой?» — спросил Эдди.

«Я уже подписал контракт с «Сити», — ответил я.

«Когда?»

«Вчера!»

«Подожди. Я позвоню в ассоциацию, чтобы узнать, заявлен ли ты».

Знай бы я, сколько зависело от этого звонка, я бы тотчас же умер.

«Корк Сити» и не позаботился отправить в ассоциацию тот документ, который я подписал. Я сказал Эдди, что я подпишу контракт с «Рэмблерс» только в том случае, если они предоставят мне место на курсах FAS. Он дал свое согласие. Сделка была совершена, а документы отправлены в Дублин экспресс-почтой.

Ков был раньше известен как Куинзтаун и среди прочего тем, что стал последним портом захода для лайнера «Титаник» перед тем, как тот затонул, совершая свой печально известный вояж через Атлантику в 1912 году. В течение следующих восьми месяцев я тренировался как настоящий профессионал и получал 30 фунтов в неделю плюс компенсацию за расходы на дорогу и еще 40 фунтов призовых (10 за победу, 5 за ничью), когда попал в первую команду «Кова», что произошло уже в течение нескольких недель.

Курсы проходили в Палмерстауне, западном районе Дублина. Уход из дома переживался мной особенно трудно, хотя я и не улетал на Луну. Я все еще терялся при встрече с незнакомцами, и поэтому присутствие Лена Дауни облегчало мое существование.

В смысле тренировок и постоянных поездок режим курсов был просто нечеловеческим. После воскресных игр за наши местные клубы Лен и я отправлялись в Дублин на первом поезде в понедельник утром. Мы тренировались ежедневно с десяти до двенадцати и с двух до четырех. Работа более интенсивная и состояла из рутинного набора занятий, направленных на совершенствование каждого аспекта игры. Утро мы начинали с разогрева и растяжек. Затем работа с мячом, сменявшаяся играми, в которых мы разделялись на четыре группы по шесть человек и проводили матчи три против трех со специальными воротами меньших размеров. Мы играли, по моим ощущениям, не на жизнь, а на смерть.

Морис Прайс был одним из руководителей наших курсов. Кроме того, он входил в тренерский штаб Джеки Чарльтона в первой сборной Ирландии, которая годом ранее вышла в финальную часть чемпионата Европы в Германии, а ее футболисты и тренеры вернулись домой национальными героями после победы над сборной Англии со счетом 1:0 в Штутгарте. Разумеется, я хотел произвести впечатление на тренера, который был так близок к центру нашей футбольной вселенной.

Самым ярким событием курсов становились матчи с различными ирландскими юношескими командами, проводившими с нами тренировочные игры в рамках подготовки к международным встречам. Эти матчи были ужасным зрелищем: мы, ребята с курсов FAS, должны были доказывать свою состоятельность в играх с соперниками, многие из которых играли за ведущие английские клубы.

Распорядок дня был просто изматывающим, особенно для нас, парней из глубинки, которые тренировались, ездили, играли за свои клубы.

Я наслаждался тяжелой работой на тренировках. Переезды из Корка в Дублин меня изматывали. Но в моем кармане водилась пара фунтов, заработанных игрой в футбол. Я был профессиональным игроком, хотя и находился у самого подножия того, что казалось крутой горой. Снова необходимо отметить, что безработица и все ей сопутствующие неприятные последствия были тогда неотъемлемой чертой рабочего класса Ирландии. Среди моих знакомых в Мэйфилде, да и в моей большой семье, приличная работа ценилась высоко. Я пробился в первую команду «Рэмблерс» и был способен положить в карман около 50 фунтов в неделю.

Национальный второй дивизион был тяжелой школой для семнадцатилетнего паренька. Большинство игроков представляли собой нацеленных на жесткую борьбу полупрофессионалов, которые даже в плане мастерства и мышления играли на таком уровне, которого я не ожидал увидеть. Уважение как со стороны одноклубников, так и соперников, было трудно заслужить. Любые игры на публику с мячом незамедлительно наказывались. Попробуй только расслабиться — и они тотчас же прижмут тебя к стенке. Соперники не брали пленных!

Через шесть месяцев после начала курсов, весной 1990 года, я почувствовал, что заметно прибавил как игрок. С самого начала я поставил перед собой цель — стать лучшим футболистом курсов. Но ежедневно тренируясь с 23 лучшими молодыми футболистами страны, я понял одно: одних способностей для этого было недостаточно. Чтобы достичь успеха, нужно было обладать силой духа и силой тела.

Физическая подготовка шла сама собой, если учесть тот объем работы, который я выполнял. Но с духом было все иначе и сложнее. Не все могли выдержать постоянные тренировки холодным зимним утром на грязном поле под пронзительным восточным ветром, продувающим Центр отдыха. Но я знал, что если смогу заставить себя преодолеть эти психологические барьеры, которые для других становились непреодолимой преградой, то добьюсь важной победы. Каждый день, когда работа подходила к концу, я чувствовал прилив настоящего удовлетворения, находящегося по ту сторону барьеров, которые ты преодолевал.

В то время как первая команда «Ков Рэмблерс» застряла в середине турнирной таблицы, юношеская команда под руководством Эдди О`Рурка брала один этап за другим в Кубке страны для 18-летних. Именно там я был способен применить те навыки и прогресс, которых я добился. Я прибавил в росте и силе. Я уже не был коротышкой. В течение нескольких месяцев я вырос из мальчика в мужчину. Я всегда имел сильную волю, а теперь у меня были еще и мускулы для ее поддержки. Камикадзе превратился в футболиста, который обладал пониманием игры, ее приливов и отливов. Контролируя свои эмоции, я мог контролировать ритм игры. Я не был Гленном Ходдлом, да и он уже не был моим любимым футболистом. Хотя я все еще оставался болельщиком «Хотспура», примером для подражания стал для меня Брайан Робсон из «Манчестер Юнайтед». Его умение играть в отборе, то, как он забивал голы, и вездесущее присутствие на поле в составе «Манчестер Юнайтед» и сборной Англии было доказательством того, что ты можешь стать великим игроком, даже не имея в запасе пары-тройки эффектных трюков с мячом. Робсон не был ярком. Он внушал уважение.

Моей главной целью в сезоне было попадание в сборную Ирландии для игроков моложе 18 лет. Важным фактором для выполнения этой цели было хорошее выступление в Кубке. Когда нам выпало по жребию сыграть с «Бельведер Бойс», лучшей командой Дублина, мы с отчаянием восприняли эту новость. Хорошая же новость заключалась в том, что мы выступали в качестве хозяев поля, но я был раздосадован ничьей — 1:1, несмотря на то, что сравнял счет.

В день переигровки, 18 февраля 1990 года, с самого начала все пошло наперекосяк. Автобус, который должен был забрать нас в Кове, опоздал. На дорогах было много пробок. Большую часть дороги мы провели, то и дело нервно смотря на часы. Удастся ли нам успеть к началу матча? Мы приехали в Фэйрвью Парк — большой и продуваемый со всех сторон ветрами общественный парк — за минуту до стартового свистка. «Бельведер» разгромил нас 4:0. Это был полный гребаный бардак, кошки-на-хрен-

мышки, и так похоже на Корк — подарить большим мальчикам из Дублина легкую задачу, с которой они легко справились в своей типичной заносчивой манере. Если я играл как чокнутый в тот день, то лишь потому, что чувствовал себя единственным игроком в команде.

«Бельведер» пользовался шумным успехом — в Фэйрвью Парк собралось много народу, чтобы посмотреть матч. Я играл для себя. Даже когда я понял, что игра проиграна, я не сбавлял оборотов. Я покажу, думал я про себя, этим ублюдкам из Дублина, как нужно, мать их, играть. Я был словно одержим странным сочетанием гнева, отчаяния и гордости за себя. Это чувство может изменять ход игр, и даже в самой безнадежной ситуации с помощью него можно найти выход. Но не в тот день в Фэйрвью.

После матча мы пошли в бар, чтобы выпить по стакану апельсинового сока и закусить сэндвичем. Джон О'Рурк, вице-президент «Рэмблерс», подошел и сел рядом со мной: «Рой, на игре был скаут из «Ноттингем Фореста». Он сказал, что они хотят вызвать тебя на просмотр». Сердце мое не забилося от счастья. Где этот скаут? — была моя первая реакция. Если он был так впечатлен моей игрой, то почему бы ему самому об этом не сказать?.. Воспоминания о «Брайтоне» все еще были живы в моем сердце.

«Он сказал, что с тобой свяжутся», — продолжил Джон. Он просто передавал то, что ему сказали.

Прошло несколько недель, и мне позвонили из «Кова», спросив, смогу ли я встретиться со скаутом из «Фореста» Ноэлем Маккэйбом в гостинице «Айлинг». Мне сразу же понравился Ноэль, как только он открыл рот. Он был честен и открыт в беседе со мною. Он предлагал мне приехать на просмотр, а не контракт, что не в его компетенции. «Но ты игрок, типичный для «Фореста», сынок. Ты можешь без затей пасовать мяч, работать от штрафной до штрафной и забивать голы. Ты подойдешь Брайану Клафу», — заверил меня Ноэль. Он произвел на меня впечатление искреннего и прямого человека.

Теперь та радость, которую я подавил в себе в Фэйрвью, рвалась наружу. Я каким-то неведомым чувством понял: вот оно, свершилось. Мой шанс в конце концов настал. Я готов. Я поклялся после фиаско с «Брайтоном», что поверю в свою английскую мечту, когда буду держать билет в руках. И я не сомневался, что Маккэйб сдержит свое слово. Я едва вновь не столкнулся с еще одним разочарованием в жизни. Я получил билет. Но когда приехал в Ноттингем, никакого матча для просмотра не было. Каждый день там я его ждал, каждый день занимался с тренером юношеской команды Арчи Джеммиллом. Где же Брайан Клаф?.. Лайам О'Кэйн?.. Ронни Фентон?

По истечении недели мне дали билет в один конец домой. «Мы с тобой свяжемся», — сказали мне.

«Ну, как все прошло?» — спрашивали меня в «Кове».

«Ничего там не проходило», — отвечал я.

Я связываюсь с Ноэлем Маккэйбом. Он звонит в «Форест». Произошла нестыковка. Я вернусь туда в апреле.

Когда я вернулся в «Ноттингем», то потренировался пару дней с резервистами клуба. Мне сказали, что я буду играть за «Форест» против «Транмер Роверс» в Лиге графства Мидленд. На игре будут Лайам О'Кэйн и главный скаут «Фореста» Алан Хилл. Сейчас или никогда!

Стадион «Транмер» был пуст. Мне было наплевать. Я научился сам себе создавать окружающую атмосферу в голове. Играя на «огородах» Мэйфилда и тренировочном поле Палмерстауна, я обнаружил в себе способность подогреть самого себя независимо от окружающей обстановки и всех этих надоевших оправданий за плохие стадионы в Национальной лиге. В матче против «Тренмера» серым днем поздней весны то, что я так долго учил и что, казалось, не имело большого значения, проявило себя в полной мере. Я хорошо играл, пасовал, бежал, стелился в подкатах, выигрывал безнадежные мячи в воздухе. Меня заменили на 70-й минуте. Это мы уже проходили. Но в этот раз я чувствовал, что все идет, как надо.

На следующий день Брайан Клаф сказал мне, что собирается выкупить мой контракт. Были сделаны приготовления для переговоров с «Ков Рэмблерс». Я боялся, что они запросят слишком много. Я полагал, что стою около 5000 фунтов.

Джон О'Рурк и вице-президент Джон Мид возглавили делегацию «Ков Рэмблерс» на переговорах с «Форестом». Клуб прибег к помощи бывшего игрока «Челси» и сборной Англии Джона Холлинза, который был знаком с ведением подобных дел.

Переговоры со стороны «Ноттингема» возглавлял Ронни Фентон. Когда начались торги, я пытался не выдавать волнения. Парни из «Кова» говорили о больших деньгах. Дела пошли не в нужном направлении, пока Брайан Клаф не вошел в кабинет. На нем был старый, потрепанный зеленый свитер, а рядом с ним — его золотистый ретривер. Я играл с собакой, а остальные говорили о деньгах. Клаф распорядился, чтобы Ронни Фентон дал «джентльменам из Ирландии» выпить.

«Он хорош?» — спросил Клаф Фентона, показывая на меня.

«Он может немного играть, босс», — последовал ответ Фентона.

Теперь в разговоре фигурировали крупные суммы. Сначала 20000 фунтов, потом еще 10000 после десяти первых игр, и еще 10000, когда я сыграю 20 матчей за «Форест». «Ков» получит еще 7000, когда на моем счету будет пять мячей за сборную Ирландии.

«Сделка сделана, мистер Клаф», — услышал я от Джона О'Рурка.

«Эти деньги ведь не пойдут в твой карман, не так ли?» — рывкнул на него Клаф.

«Мистер Клаф, нам нужно было взять выходной, чтобы приехать сюда. Это стоит нам денег», — ответил О'Рурк.

«О'кей, Ронни, дай им денег». Обратившись к нашей делегации, он добавил: «Можете звать меня Брайан. Теперь давайте выпьем». Поворачиваясь ко мне и собаке, он гаркнул: «Кроме тебя. Зови меня мистер Клаф». «Крутой парень», — подумал я.

«Форест» подписал со мной трехлетний контракт с зарплатой в 250 фунтов в неделю, 50 из которых шли на оплату аренды дома, где проживали еще два футболиста. Я получил также подъемные в размере 1 500 фунтов за год. Честно говоря, я бы согласился играть и за малую часть того, что получил. Мистер Клаф сказал, чтобы я приехал на предсезонную подготовку в июле. Ощущая себя миллионером, я вернулся в Корк. В течение следующих нескольких недель я пил и ел намного больше положенной нормы.

II

Я сполна заплатил за свои празднества, когда вернулся в расположение «Фореста». Первая неделя была сущим адом. Несколько дней мы совсем не видели мяча, бегали, уделяя в первую очередь внимание выработке выносливости, физической подготовке, а в паузах проводили восстанавливающие упражнения.

Наконец нам выдали мячи. Я пережил самое худшее — физическую пытку, а теперь начал получать удовольствие от работы.

«Форест» выиграл Кубок Лиги за неделю до моего прихода. В первой команде играли можество выдающихся футболистов. Стюарт Пирс, Дес Уокер и Стив Ходж выступали за сборную Англии, Найджел Клаф уже стучался в двери сборной. Было заметно, что Пирс обладал сильным характером. Он только что вернулся с чемпионата мира, где не забил решающий послематчевый пенальти в полуфинале. Но это обстоятельство нисколько не повлияло на его авторитет.

В составе резервистов я тренировался вместе со Стивом Стоуном, Яном Уоаном и Скотом Джеммилом, сыном тренера юношеской команды Арчи, которые выделялись среди других. Филип Старбак был еще одним выдающимся игроком дубля, сыгравшим пару матчей за первую команду.

Брайан Клаф редко посещал тренировки. Лайам О' Кэйн проводил занятия с первой командой, а Арчи Джеммилл тренировал нас. Хотя Клафа не было видно, его присутствие чувствовалось. Его золотистый ретривер Дел, как обычно, появлялся на поле, сигнализируя о его приближении. Неожиданно все начинали работать с еще большим рвением. Кроме меня. Я всегда жал на всю железку.

Я обожал свою работу, если можно было так ее назвать, и с каждым днем чувствовал себя все сильнее и сильнее, привыкая к работе профессионала.

Моя теперешняя жизнь казалась мне раем.

В раздевалке дублеров мой юношеский восторг разделялся далеко не всеми. Я был удивлен и даже шокирован отношением к делу некоторых игроков. Они постоянно брюзжали. Некоторые были недовольны тем, что их не сфотографировали вместе с первой командой, считая это за дурную примету перед началом сезона. Возможно, так и было, но какого хрена! С этим можно было как-то справиться! Послушать их, так Арчи Джеммилл был уродом, а Брайан Клаф — бездельником. Мы испытывали тяжелые нагрузки. Сезон еще не начался, а эти парни уже ныли, ища оправдания своим неудачам. Я поклялся никогда не быть нытиком. Если бы только эти парни знали, сколько ребят отдали бы свою правую руку, чтобы сидеть здесь в этот чудный летний день и получать деньги за игру в футбол.

Когда первая команда отправилась на предсезонную подготовку в Италию, я уехал с игроками моложе 21 года на турнир в Голландию. «Спортинг» (Лиссабон), «Барселона», «Эйндховен» и «Хаарлем», принимающий соревнование, были нашими соперниками. Мы легко переиграли «Спортинг» со счетом 2:0 в первом матче. Я чувствовал себя как рыба в воде. Португальцы хорошо обращались с мячом, но были слабы в «физике».

Потом мы разгромили «Эйндховен» 5:1, а я забил свой первый гол в профессиональной команде. В следующей игре мы проиграли «Хаарлему» 0:2, который выставил основной состав вместо молодых игроков. Тем не менее мы вышли в полуфинал, где нам предстояла встреча с «Барселоной». Испанцы вышли вперед уже на первых минутах матча. Но как только мы взвинтили темп, они начали симулировать и «нырять». Мы загнали их до смерти, играя уверенно в отборе и распасовывая мячи, в результате чего одержали победу со счетом 3:1.

В финале мы снова играли с «Хаарлемом». Игра была напряженной. Фил Старбак забил ответный гол с «точки», сделав счет 1:1, что означало проведение послематчевых пенальти. Все помнили о том, что случилось на прошедшем чемпионате мира, когда сборная Англии вылетела из турнира, проиграв в полуфинале в серии пенальти ФРГ. Мы не играли по тем же ставкам, но я ничуть не сомневался, что сдам мой первый серьезный экзамен в качестве игрока «Фореста», и успешно его прошел.

Моей первой задачей на сезон стало получение места в основном составе дублеров «Фореста». Поэтому турнир в Голландии придал мне уверенности. Первая предсезонная игра дома была против любительского клуба. Я начал матч на скамейке запасных. Это немного огорчило меня, так как на игре присутствовал Брайан Клаф, а я хотел произвести на него впечатление. Он пришел в раздевалку и попросил Арчи Джеммилла выйти.

Лишь некоторое время спустя узнал об их разговоре.

Клаф: «Я бы хотел посмотреть на ирландца. Замени своего сына (тот играл в полузащите)».

Арчи: «Я выставлю его во втором тайме».

Вскоре после начала второй половины встречи я увидел, как Клаф подходит к бровке: «Арчи! — рывкнул он. — Выпускай ирландца». В последующие пятнадцать минут ничего не произошло. Я

повесил нос. За двадцать минут до конца игры Арчи увел с поля Скотта и выставил меня. По моим ощущениям, я находился на поле лишь из-за того, что мое присутствие приходилось терпеть, но показал все, на что был способен в оставшееся время.

Мои первые недели в «Форесте» лишь подтвердили то, о чем я догадывался: мир был полон тех, кто постоянно блефует, и нытиков — парней, которые носят звание профессионала и при этом не отвечают требованиям, подтверждающим их статус. А они еще возмущались поведением Арчи Джеммилла, который играл за сборную Шотландии и выигрывал чемпионаты страны вместе с Кубком чемпионов! А также тренером, который выиграл два чемпионата со скромными клубами — «Форестом» и «Дерби» и два Кубка чемпионов. Это вам не шутка!

Я не был образцом добродетели, что и докажет время. Но уже в самом начале карьеры я понял разницу между уважением со стороны таких людей, как Джеммилл, Клаф и Стюарт Пирс, и тем, когда ты просто называешь себя профессионалом. Я хотел быть похожим на них и достичь их уровня и знал, что мне предстоит много работы.

Но для этого мне не понадобилось много времени, как я полагал. Через несколько дней последовали драматические и волнующие события. В субботу «Форест» открыл сезон в первом дивизионе, сыграв на своем стадионе с «Куинз Парк Рейнджерс» — 1:1. Найджел Джемсон забил гол с пенальти. Я был заинтересованным зрителем. Окружающая обстановка была великолепна, а газон походил на идеальный ковер. Именно таким я представлял себе футбол в первом дивизионе. Результат огорчил «Форест», который все еще был среди ведущих клубов страны, задавая тон в чемпионате на протяжении нескольких предыдущих лет.

В матче дублеров я вышел на поле, когда оставалось десять минут, и ничего не смог сделать. После игры я присоединился к остальным игрокам, отправлявшимся на кутеж в город. Пропустив несколько пинт пива, я свалился в кровать. Было почти два часа ночи.

На следующее утро я пришел на тренировку. Первая команда играла в тот день на «Энфилде» (стадион «Ливерпуля». — В.С.). Как только я появился на «Сити Граунд», испытывая небольшое похмелье от вчерашнего, ко мне и Филу Старбаку, сидящим в раздевалке, подошел Ронни Фентон. «Вы едете на «Энфилд», — сказал он. — Да, и не забудьте свои бутсы».

Вот те на!

Ну, подумал я, Фил сыграл пару матчей за первую команду — он был талантливым игроком, поэтому привлечение его на игру было естественным ходом вещей. Я, видимо, нужен был для того, чтобы набраться опыта, носить сумки и помогать нашему менеджеру, занимавшемуся формой. Но... Стюарт Пирс, Стив Ходж и Терри Уилсон, как выяснилось, были травмированы.

Первая команда приехала в Ливерпуль предыдущим вечером, поэтому я и Фил сели в машину Ронни Фентона. По дороге в Ливерпуль мы заехали в Дерби за тренером. Брайан Клаф жил в большом отдельном доме. Мне было поручено позвонить в дверь.

«А, ирландец, как дела?»

«Отлично, босс».

Он заходит в дом и приносит мне полную трехчетвертную бутылку молока.

«Вот, ирландец. Выпей».

Господи, я ненавижу молоко!

«Я не люблю молоко, босс».

«Выпей».

«Заткнись, Рой... и выпей его!»

«Спасибо, босс». И содержимое бутылки устремляется мне в желудок.

Между тем мистер и миссис Клаф обмениваются крепкими словечками. Очевидно, у нее было больше куража, чем у меня.

«Давай, ирландец, мы уходим».

«Пока, миссис Клаф. Приятно было познакомиться».

По приезде в отель, где размещалась первая команда, мы пошли на предматчевый обед. Я держался рядом с Филом, который был единственным игроком, знакомым мне. Я чувствовал себя еще не совсем готовым к тому, чтобы отвечать всем необходимым требованиям.

«Энфилд» казался весьма вместительным. За час до начала игры на стадионе слышен гул голосов. Команда «Ливерпуля» считалась аристократом английского футбола. Ян Раш, Питер Бердсли, Джон Барнс, Рэй Хафтон и Ронни Уилан. Они все выступали за различные сборные. Такое положение нравилось Брайану Клафу. Если другие команды были повержены еще до того, как они видели знаменитую надпись «Это «Энфилд», ведущую из коридора на поле, то Клафу нравилось вступать в противоборство с легендами «Энфилда», и он передавал свою решимость игрокам.

Чтобы хоть как-то быть полезным, я принялся помогать нашему менеджеру носить сумки.

«Ирландец, что ты делаешь?»

«Помогаю», — был мой ответ.

«Бери футболку с седьмым номером. Ты играешь».

«Извините?»

«Ты играешь».

Это был шок.

К счастью, у меня не было даже времени, чтобы задумываться о том, что мне предстоит дебют в первом дивизионе. Против лучшей команды Британии. На «Энфилде». За сорок пять минут можно много чего сделать. Например, представить себя основным игрокам «Форест», которые понятия не имели о том, кем был этот «ирландец».

В ходе разминки на поле я отвечал на вопросы. «Повтори, как тебя зовут, сынок?»

«Рой», — отвечал я.

Они были великолепны! Их отношение было доброжелательным и означало лишь одно: «Удачи, сынок!»

Странно, но я был спокоен, когда покидал раздевалку. Клаф, как всегда, был взвинчен. Он не боялся отстоять свое мнение и, принимая во внимание все обстоятельства, не давил на меня.

Несмотря на то, что «Ливерпуль» с легкостью нас обыграл в тот вечер со счетом 2:0 — Раш и Бердсли забили по голу, я чувствовал, что сделал все как надо.

Множество болельщиков на «Энфилде» понимали толк в футболе, играть перед ними было одно удовольствие. Моя игра вызвала положительные отклики со стороны зрителей, которые, несмотря на свою приверженность одной команде, не стеснялись выражать свои чувства, когда было необходимо оценить хороший футбол: и не важно, кто играл. Но в тот вечер на «Энфилде» я стал свидетелем и почти полного отсутствия патриотизма. Дублинец Ронни Уилан, приветствуя начало карьеры своего молодого соотечественника из Мэйфилда Роя как-там-его-зовут, едва не снес ему голову, отбирая мяч. Я поучаствовал и в столкновении с Рэем Хафтоном. Эта встреча ирландцев, от которой трещали кости, также была лишена взаимной приязни.

Считанное количество раз в карьере я был рад уходить с поля после поражения. Мы сделали все, что было в наших силах. И если ребята не знали моего имени в начале матча, то теперь я чувствовал, что они его запомнили.

Когда я позвонил своему отцу после игры, чтобы рассказать ему о том, что играл против «Ливерпуля», он был так же шокирован, как и я пару часов назад.

«Как все прошло, сынок?» — спросил он.

Я ответил: «О'кей».

Теперь, когда я испытал вкус настоящего футбола, моей целью стало место в основе первой команды.

Когда я встретил Брайана Клафа в раздевалке «Сити Граунд» на следующее утро, он спросил, как меня зовут. «Рой», — ответил я. Затем он снял ботинки, которые были грязными после прогулки с его собакой. «Ты не почищишь их для меня, а, Рой?» Я был рад подчиниться его просьбе. Я понимал, зачем он это делает. Я сохранил за собой место в составе и в гостевом матче с «Ковентри» в следующую субботу. Мы сыграли вничью, которая могла бы стать победой, если бы я использовал отличный шанс в конце матча. В следующем туре я дебютировал на домашнем стадионе в матче с «Саутгемптоном». Мои мама и папа вместе с двумя дядьками приехали на игру. Утром я пошел посмотреть на игру дублеров. Арчи Джеммилл пришел в ярость, увидев меня у бровки.

«Что ты здесь делаешь? У тебя сегодня важный матч. Иди домой и отдохни».

Когда тебе девятнадцать, а утром предстоит дебютировать на стадионе твоей команды, не так-то просто отдохнуть. Особенно когда твоя семья едет из Корка, чтобы присутствовать на этом важном для тебя событии.

«Сити Граунд» и болельщики «Фореста» навсегда останутся в моем сердце. Игроки часто говорят, что они не замечают зрителей. И это правда — чем больше опыта ты набираешься, тем меньше на тебя действуют трибуны, играешь ли ты на своем стадионе или в гостях. Но неотъемлемой частью игры является общение с трибунами — либо ты заставляешь их замолчать, либо отвечаешь взаимностью на страсть своих болельщиков, особенно той части, которая разбирается в футболе.

Моя первая игра на «Сити Граунд» завершилась за десять минут до финального свистка, когда Брайан Клаф меня заменил. Мы вели со счетом 3:1. Я принимал участие в первом голе и неплохо провел матч. Если учитывать все обстоятельства, особенно то, что на игре присутствовала моя семья, то о таком дебюте можно было только мечтать. Болельщики проводили меня с поля, аплодируя стоя. Я был рад и в то же время смущен. Я находился в раздевалке и собирался пойти в душ, когда ко мне подошел Арчи Джеммилл и сказал, что босс хотел бы, чтобы я вышел к полю. С удивлением я пошел вслед за Арчи. Я был еще больше удивлен, когда Брайан Клаф обнял меня и чмокнул в щеку, к радости и изумлению публики.

Это был удивительный финал великолепного дня. Присутствие моих родителей и братьев, а также Ноэля Маккэйба, который специально приехал, чтобы увидеть мою первую игру на стадионе «Форест», напомнило мне, как сильно изменилась моя жизнь за последние полгода с тех пор, как «Ков Рэмблерс» были разгромлены 0:4 в Фэйрвью Парк.

В будущем у меня будут небольшие размолвки с Брайаном Клафом, но я никогда не забуду того, что и как он сделал для меня. Он был себе на уме, готовым к тому, чтобы быть жестким нонконформистом, выступающим против общественного мнения. В день матча с «Саутгемптоном» Клаф вел себя подчеркнуто вежливо с моим семейством. Несмотря на все свои заслуги, Клаф мог быть простым человеком, что не часто случается с живыми легендами.

В течение следующих нескольких месяцев переходный период в моей жизни полностью завершился. Неделю за неделей я играл против игроков и клубов, за которыми я наблюдал по телевидению в прошлый сезон. В октябре мы играли с «Тоттенхэмом» на «Сити Граунд». Моя первая встреча с клубом, за который я болел. И с Полом Гаскойном, чьи слезы на чемпионате мира прошлым летом сделали из него идола. Ему поклонялась вся страна, и он вызвал новый интерес английской нации к футболу, что привело к созданию премьер-лиги с многомиллионными контрактами от «Sky Television».

Партнеры Газзы по сборной Стюарт Пирс и Дес Уокер предупредили меня перед игрой, что он попытается спровоцировать меня. Так оно и случилось — он оскорблял меня словесно, крича, что я был ирландским уродом, который ни хрена не смыслит в игре. Многие из его слов прошли мимо моих ушей. Я не понимал его акцента. На самом деле он был очень забавен. Увы, такой сверходаренный игрок впустую потратил свою энергию на то, чтобы меня раззадорить.

Брайан Клаф с пониманием относился к моим просьбам отпустить меня домой на несколько дней. Обычно я подходил к нему с этим вопросом после субботнего матча, завершившегося для нас удачно, и его ответ практически не отличался от прежних: «Иди, сынок, увидимся в четверг».

Единственное, что беспокоило меня, так это то, что я пока не забил ни одного гола за «Ноттингем». Лишь в декабре я отметился первым голом в матче чемпионата против «Шеффилд Юнайтед» на «Брэмолл Лейн». Но, к сожалению, мы тогда проиграли. Мой следующий гол во встрече с «Уимблдоном» оказался победным.

Вскоре Брайан Клаф вызвал меня к себе в кабинет. По условиям моего контракта мне предоставлялась клубная машина. «Ирландец, возьми это», — сказал он, бросив на стол связку автомобильных ключей.

Мне досталась новая с иголки машина марки «Форд Орион». Я был на седьмом небе от счастья. Это было еще одним символом прогресса и доказательством того, что последние шесть месяцев не были сном. И я заботился о моей машине, как о ребенке. Каждое воскресенье я ее чистил. Часто я выезжал без определенной цели, чтобы просто получить удовольствие от моей «тачки».

В матче Кубка Англии с «Кристал Пэласом» я впервые ощутил атмосферу этого соревнования, которое в 1991 году имело огромное значение для футболистов. Выход в финал на «Уэмбли» являлся заветной мечтой каждого профессионала и каждого болельщика в Англии. Успех в Кубке Англии был особенно важен для Брайана Клафа — это был единственный крупный трофей, который он еще не выигрывал.

По жребию мы должны были играть на поле «Кристал Пэласа». Мы зацепились за нулевую ничью. В переигровке на «Сити Граунд» мы вели в счете 2:1, когда я слишком слабо отправил мяч назад голкиперу Марку Кроссли, что привело к ужасным последствиям. Марк сумел выбить мяч, но прямо на Джона Салако, который перекинул мяч через вратаря с сорока пяти метров. Мать их!

Когда я вошел в раздевалку после матча, Клаф ударил меня в лицо. «Не отдавай мяч назад вратарю!» — заорал он, стоя надо мной, когда я лежал на полу. Я чувствовал боль и был ошарашен — слишком ошарашен, чтобы что-то предпринять, и лишь кивнул головой, соглашаясь. Мой медовый месяц с Клафом и профессиональным футболом закончился. Иногда в раздевалках становится невыносимо, многое там не прощается. Нокдаун от Клафа был частью моих уроков. Понимая, какое давление он испытывает, я не держал на него обиды. Он не извинился, но на следующей неделе мне предоставили несколько выходных, чтобы я поехал домой в Корк.

После второй переигровки с «Кристал Пэласом», в которой мы одержали победу со счетом 3:0, «Форесту» выпало играть в гостях с «Ньюкаслем» в 1/16 финала. Все матчи в Ньюкасле проходили в тяжелой борьбе. Через четверть часа мы пропустили два безответных мяча.

В лице Стюарта Пирса мы имели футболиста, который действительно отвечал всем определениям профи. Пирс был лидером, настоящим профессионалом, что он доказал в кубковой встрече. Он вел за собой других своим примером. Он заражал всех своей непримиримостью. Когда некоторые игроки начали опускать головы, Пирс это замечал и подбадривал их. Одним нужно было крепкое словцо, другим — дружеское похлопывание по плечу.

Мы отчаянно сражались на стадионе «Сент-Джеймс Парк», чтобы исправить положение. Несмотря на то, что Стюарт Пирс играл на позиции левого защитника, он был главной движущей силой команды. В такие моменты этот «Одержимый», казалось, играл, словно психопат. Он жестко действовал в отборе. Он мог заставить дрожать слабых духом нападающих. Своей великолепной левой он легко управлялся с мячом.

В том матче с «Ньюкаслем» его вклад в успех стал решающим. Он сократил разрыв в счете. Найджел Клаф восстановил равновесие за две минуты до перерыва. Именно за такую игру Брайан Клаф и ценил Стюарта Пирса.

Большинство соперников тушевались при столкновении с Пирсом. Этот кубковый матч стал важным уроком для меня. Воля к победе и желание являются важными компонентами игры. Сила духа в нашей борьбе с соперником была намного важнее, чем простое мастерство.

Мы с легкостью обыграли «Ньюкасл» в переигровке со счетом 3:0. И снова в следующем круге нам предстояло сыграть в гостях — на этот раз с «Саутгемптоном».

Вскоре после игры с «Ньюкаслем» я был вызван в зарубежное турне сборной Ирландии. Эта поездка совпала по времени с гостевой игрой «Фореста» против «Бансли» в коммерческом турнире «Зенит Дэйта Системс Кап». Нет необходимости говорить о том, что Брайан Клаф рассчитывал на меня. «Форест» был моим источником средств к существованию, поэтому я известил Футбольную ассоциацию Ирландии, что не смогу приехать. Мне позвонил Морис Прайс, мой тренер на курсах FAS. Он убеждал меня в том, что мне нужно поехать. Я объяснил ему, что обязан играть за «Форест».

«Послушай, Рой. Большой Джек сказал, что если ты откажешься от поездки, ты больше никогда не будешь играть за сборную Ирландии», — ответил мне Прайс.

На некоторое время почувствовав замешательство, я быстренько пораскинул мозгами. Мне понадобилось не более тридцати секунд, чтобы принять решение. «Если он говорит, то пусть будет так, Морис», — ответил я настолько вежливо, насколько было возможно в данной ситуации. Я обязан Брайану Клафу и «Форесту» всем, что у меня есть. Я гордился своим ирландским происхождением, но «Форест» выдавал мне зарплату. Именно ему я должен быть верен. Я был огорчен тем, что Чарльтон таким образом пытался запугать такого игрока, как я.

Мы сыграли вничью в 1/8 финала Кубка Англии с «Саутгемптоном», а Найджел Джемсон оформил хет-трик в повторной встрече, что позволило нам добиться легкой победы. Финал на «Уэмбли» теперь казался достижимой задачей, несмотря на то, что нам предстояло сыграть с «Норвичем», и снова в гостях.

По дороге на «Кэрроу Роуд» наш автобус сломался. Мы должны были пройти пешком последние три мили до стадиона. Во главе процессии, к удивлению фэнов «Норвича», шел Брайан Клаф. Поскольку до «Уэмбли» обеим командам оставалось лишь два матча, игра проходила в вязкой и жесткой борьбе. Снова Стюарт Пирс стал нашим источником вдохновения в этом тяжелом матче, в котором соперник постоянно держал нас под прессингом. Снова его присутствие на поле стало важным слагающим нашего успеха.

Ничья 0:0 была для нас приемлемым результатом. Но переигровка не понадобилась, так как я забил гол под занавес матча. Еще одна битва выиграна, одержана еще одна победа духа, воплощенная в Стюарте Пирсе, нашем лидере.

Довольный собой, я попросил Брайана Клафа предоставить мне несколько дней выходных для поездки домой. «Увидимся в пятницу», — был короткий ответ Клафа.

III

Наш полуфинальный матч с «Вест Хэмом» на «Вилла Парк» оказался самым легким во всем турнире. После первых пятнадцати минут, когда футболисты «Вест Хэма» поразили стойку ворот, у них уже не осталось куража. Им, конечно, не помогло и удаление их центрфорварда Тони Гэйла на пятнадцатой минуте. Но уже к тому времени мы стали выигрывать все микродуэли по всему полю, снова ведомые примером Стюарта Пирса.

Традиционно полуфинальные матчи Кубка Англии проходят в упорной борьбе. Возможность выхода в финал на «Уэмбли» заставляет команды играть с оглядкой. Боязнь проиграть чувствуется особенно остро — никто не хочет совершить ошибку, которая могла бы поставить крест на исполнении их мечтаний. Сочетание хитрых тактических задумок Брайана Клафа и решимость «Одержимого» помогли нам выйти на поле в подобающем состоянии духа. Смысл слов Клафа был прост и успокаивающе действовал на нервы: «Это просто еще одна игра, играете в свой футбол и выигрываете». Он ни словом не обмолвился о том, что Кубок Англии является единственным основным трофеем, которого недостает в его коллекции призов, хотя об этом писали все газеты. Кроме того, он не стал упоминать о статистике, которая говорила не в нашу пользу и о чем также писала пресса: «Форест» выигрывал только два из одиннадцати полуфинальных матчей Кубка Англии, в которых он принимал участие.

Осматривая раздевалку, я не чувствовал страха. Стюарт Пирс, Дес Уокер и Стив Ходж выступали за сборную Англии. Гари Чарльз, я, Найджел Джемсон и Гари Кросби, несмотря на свою молодость и недостаточный опыт, получали заряд энергии от старших одноклубников, и в особенности от Стюарта Пирса. Но было и еще кое-что, заставившее меня удивиться. Кроме того, что Стюарт Пирс, Дес Уокер и Брайан Клаф не испытывали никакого страха, они рвались в бой и с нетерпением ждали матча. «Вперед, пошли! Играйте в удовольствие — ведь мы трудились именно для таких ответственных матчей», — казалось, говорили они.

Я испытывал только положительные эмоции, когда вышел из раздевалки, чтобы принять участие в самом важном матче моей карьеры. Именно к этому я всегда стремился.

«Вест Хэм» играл во втором дивизионе, имея шансы на выход в первый. Гари Кросби, я, Стюарт Пирс и Гари Чарльз забили по голу, и мы одержали победу со счетом 4:0. В другом полуфинале «Тоттенхэм» обыграл «Арсенал». Брайан Клаф предпримет еще одну попытку взять Кубок Англии. Уже через год после встречи с Ноэлем Маккэйбом я готовился к «Уэмбли».

За две недели до финала Кубка я повредил связки лодыжки в матче чемпионата. Это был серьезный удар. Я страстно хотел играть против «Хотспур» на «Уэмбли». Но я знал, что руководство «Фореста» не выставит меня на матч, пока я не докажу свою готовность. В понедельник я должен был играть в составе дублеров, чтобы определить мое состояние. Я сыграл тот матч с повязкой на лодыжке. Почти нормально.

В четверг, пренебрегая здравым смыслом, Брайан Клаф назвал стартовый состав еще за два дня до финала. Я был назван в числе других и был поставлен на место игрока сборной Англии Стива Ходжа.

Мы приехали в Лондон в четверг. Когда мы прибыли в отель, Рон Фентон сообщил, что я и Стив будем жить в одном номере. Я не знал, что этим психологическим экспериментом хотел доказать Брайан Клаф. Я никогда раньше не делил номер со Стивом, и в этих обстоятельствах каждый из нас явно чувствовал себя неудобно. Как и я, Стив не был разговорчивым парнем. Мы не хотели обсуждать то,

что засело в нашем мозгу и больше всего нас беспокоило: его вывод из состава и мой огромный шаг от курсов FAS до финала на «Уэмбли».

Другим важным вопросом для всех футболистов «Фореста» были билеты на финал. Наш лимит из двадцати билетов гарантировал стать источником головной боли каждого. Друзья, семьи, родственники, любой, кто когда-то делал тебе одолжение (или делал когда-то одолжение твоим друзьям, семье или родственникам), — все хотели заполучить билеты на финал. Это было вопросом жизни и смерти, тяжелым бременем для игроков, готовившихся к важному футбольному матчу.

Моя лодыжка все еще беспокоила меня. Атмосфера в номере была напряженной. Но я могу с определенностью сказать, что за сорок восемь часов до финала я больше всего трясся из-за билетов. От моей семьи, друзей и знакомых я получил заявку на сорок пять билетов. Я точно наживу себе врагов. Сейчас трудно поверить в то, что мои воспоминания о первом важнейшем матче в карьере были связаны с поисками драгоценных билетов. Казалось, что на матч приезжает весь Кورك. То, что должно было стать значительной вехой в моей карьере, превратилось в ночной кошмар.

Только за сорок пять минут до начала матча я начал готовиться к игре.

Поиски билетов негативно сказались на моем состоянии. Когда мы выходили на поле вслед за Брайаном Клафом, я был разбит. Я был выжат как лимон и не чувствовал под собою ног, потратив всю свою энергию в предыдущие восемь часов. Да и моя лодыжка находилась не в лучшем состоянии.

Пресса приготовила свою программку к финалу «Шпоры» — «Форест». Комментаторы говорили, что «Уэмбли» является подходящим местом для того, чтобы Пол Гаскойн доказал, что он стоит того обожания, которое Англия испытывала к нему после его слезного ухода с чемпионата мира годом ранее. Пробьет ли час Газзы в этом матче? Другие обстоятельства матча, как писали в газетах, касались Брайана Клафа. Сможет ли он завершить свою великолепную карьеру тренера, заполучив Кубок, который ему так и не удалось выиграть?

Выходя на эту «великую сцену», было трудно сконцентрировать свое внимание. Болельщики вели себя шумно, но они были далеко. Брайан Клаф резво маршировал впереди нас, держа под руку Терри Венейблса.

Принц Чарльз пожал мне руку.

Газза похож на сумасшедшего.

Через две минуты после начала матча Гаскойн «вырубил» Гари Паркера ударом ногой в грудь, взяв на вооружение один из приемов кунг фу. Мы посмотрели на судью. Тщетно. Его глаза блестели. Как и у Гаскойна. Было видно, что он вышел из-под контроля. Маньяк. Сумасшедший. Через десять минут Гаскойн был на носилках. Гари Чарльз выбил мяч задолго до того, как к нему подоспел Гаскойн. В результате он травмировал себя самого. Как выяснилось позже, это повреждение крестообразных связок, которое он сам себе и нанес, также наложило отпечаток на всю карьеру Газзы — он уже больше не вышел на прежний уровень. Невероятно, но и на этот раз арбитр не наказал его за грубую игру против Чарльза!

Как всегда, Стюарт Пирс был великолепен. Когда Газза уходил в туннель, Пирс забил отличный гол со штрафного.

Мы вели в счете с преимуществом в один гол после первого тайма. Меня мучила моя лодыжка, но я не хотел признавать, что не смогу продержаться еще сорок пять минут. Вторая половина встречи была ужасна. В первом тайме Марк Кроссли спас ворота после одиннадцатиметрового в исполнении Гари Линекера. Но «Шпоры» давили на нас. Ответный гол был неизбежен. Так и случилось, и игра перешла в русло дополнительного времени.

Несмотря на больную лодыжку, я собрал все силы, но не мог толком помочь команде. Мои ноги устали от этого газона, болельщики оставались далеким пятном, создавая шумовой фон, в результате чего утратилась близкая с ними связь, характерная для обычных субботних матчей. Когда Дес Уокер забил автогол и подарил «Шпорам» победу, это казалось адекватным финалом кошмарного дня. Билеты, лодыжка, Газза, номер гостиницы с парнем, которого я выбил из состава! В раздевалке я был опустошен.

Я получил два урока от этого финала Кубка. Первый только усилил мое убеждение в том, что футбол прежде всего является командной игрой. То, как тренер «Шпор» Терри Венейблс реорганизовал свою команду после ухода Газзы, было весьма впечатляющим. Если бы Газза остался, мы бы могли его нейтрализовать, не оставив «Шпорам» ни единого шанса для угрозы нашим воротам. Однако соперник перестроил свои ряды и добился результата благодаря тому, что вся команда «Шпор» была лучше, чем сумма всех его отдельных слагаемых. Кроме того, я понял, насколько тебя могут отвлечь от футбола различные дела — в моем случае это были билеты. Мне понадобилось много времени, чтобы использовать эти уроки в жизни. Я также ощутил, насколько шумиха в прессе вокруг Кубка может засосать тебя, заставив забыть, что финал Кубка — это всего лишь очередной футбольный матч. Настоящим проигравшим в нашем случае был Пол Гаскойн, который пострадал за то, что хотел оправдать надежды прессы и вынести это тяжелое бремя на своих хрупких плечах.

Я знаю, что, несмотря на поражение «Фореста», этот опыт шел мне на пользу. Поражение на «Уэмбли» опустило меня с небес на грешную землю.

Сразу же после финала Кубка Англии я был призван в ряды сборной Ирландии, которая в товарищеском матче принимала сборную Чили на стадионе «Лэнсдаун Роуд». Это была моя первая встреча с Джеком Чарльтоном, или, как его называли, Большим Джеком, успехи которого со сборной Ирландии сделали из него национального героя. Я был рад, что меня позвали в сборную, но мое первое пребывание в команде не было чем-то запоминающимся. Ирландия не знала поражений на «Лэнсдаун Роуд» на протяжении пяти матчей. Чилийцы едва не прервали эту серию. Лишь гол Дэвида Келли за десять минут до конца встречи позволил нам завершить матч вничью. Мой вклад в игру команды нельзя было назвать особенным.

Подход Чарльтона к футболу резко отличался от того, который мы привыкли видеть в «Форесте». Игра в пас не стояла для него на первом месте. Он требовал, чтобы на каждом участке поля создавался численный перевес; он делал акцент на то, чтобы разоружить соперника, а не играть в созидательный футбол. Его тактика заключалась в том, чтобы забрасывать длинные мячи за спину защиты соперников, а затем бороться за них на чужой половине поля, где, надеялся он, мы сможем заставить их ошибаться. Подобный примитивный подход, исполнителями которого были несколько выдающихся игроков, помог сборной Ирландии к тому времени выйти на два крупных турнира — Евро-88 и Италия-90. «Дави их!» — таково было убеждение Джека. «Не ошибаться, не рисоваться на своей половине поля», — казалось, говорил он.

Точно не зная, чего от меня ждут, кроме физических усилий, которые я с радостью прилагал, я хотел понять, может ли Чарльтон предложить еще что-то, кроме своей «магической формулы». Время показало, что это был весь его ресурс тактических установок.

После успешного первого сезона Брайан Клаф предложил мне новый контракт, предусматривающий зарплату в 700 фунтов в неделю плюс 15 000 фунтов, которые выдавались при подписании соглашения.

В октябре я сыграл свой первый официальный матч за сборную Ирландии, которая в отборочной встрече чемпионата Европы играла со сборной Польши. Чтобы пробиться на Евро-92, была нужна победа. Ведя в счете 3:1, мы пропустили два гола в конце матча и подарили полякам очко, которое они, честно говоря, заслуживали. Матчи в сборной Ирландии были для меня довольно странными уроками.

В самих футбольных устоях Чарльтона крылось одно противоречие. С одной стороны, он требовал от нас, чтобы мы не теряли мяч, а с другой стороны, настаивал на том, чтобы мы играли в длинный пас, из-за чего большую часть игры мячом владел соперник. Его мысль заключалась в том, чтобы заставить

соперника ошибаться. Идя вперед, прессингуя, мы не давали наладить ему свой собственный темп игры. Творческий подход к игре не входил в планы сборной Ирландии Чарльтона. Он не поощрял отклонения от его установки на игру. Всегда был риск, что ты можешь привести его в бешенство, если попытаешься сделать что-то оригинальное. Было ясно, что он не доверял даже самым лучшим игрокам в команде Ирландии и не позволял играть им в тот футбол, к которому они привыкли в своих клубах. Именно за это поплатились некоторые наши выдающиеся игроки, включая Лайама Брэйди и Ронни Уилана, чья карьера в сборной была завершена после того, как они попали в немилость к Чарльтону.

Нам требовалось время, чтобы привыкнуть к тому футболу, которого требовал от нас Чарльтон. Болельщики сборной Ирландии были великолепны как на домашних матчах, так и на выезде. Мы никогда не добивались больших успехов в футболе, поэтому им была необходима прежде всего хорошая игра, а не результат. И если быть до конца честным к Чарльтону, надо обязательно сказать, что мы добивались множества хороших результатов во встречах со странами, которые располагали большими футбольными ресурсами, чем Ирландия.

Чарльтон не верил в то, что мы имеем в своем составе высококлассных футболистов, которые не только могут сравняться в мастерстве с футболистами европейских команд, но и превзойти их в любом компоненте игры.

Мое восприятие футбола противоречило бытующему в Ирландии мнению о том, что Джек Чарльтон — это футбольный гений, который сумел на сто восемьдесят градусов изменить положение в сборной и добиться с ней хороших результатов, заставив футболистов изменить свое понимание игры.

Во втором сезоне с «Форестом» я дважды играл на «Уэмбли» — в финале «Зенит Дэйта Системс Кап» и «Рамбелоуз Кап» (Кубке лиги). Брайан Клаф подписал контракт с Тедди Шерингемом из «Миллуолла», добавив остроты нашим атакам.

«Рамбелоуз Кап» был важен для команд премьер-лиги. Я забил победный гол в дополнительное время в полуфинальном матче против «Тоттенхэма» на «Уайт Харт Лейн». С каждым матчем я чувствовал себя сильнее и более подготовленным в ходе своего второго сезона профессиональной карьеры. Теперь у меня была сложившаяся репутация, я был известен, и поэтому игроки соперника уделяли мне больше внимания. Я не переставал учиться. Как избавляться от опекуна, как контролировать ход игры, как выбирать время для забегов в штрафную соперника. Но, возможно, самое главное — из своих уроков я извлек то, что в каждой игре тебе необходимо выигрывать дуэль с соперником на твоём участке поля.

Мне повезло, что я попал в хорошую команду, которой неоценимую поддержку оказывал великий тренер. Стюарт Пирс, Дес Уокер, Найджел Клаф и Тедди Шерингем были высококлассными игроками. Было ясно, что, хотя нам трудно тягаться за чемпионство с ведущими клубами, включая «Ливерпуль», «Арсенал», «Манчестер Юнайтед» и «Лидс», мы можем играть с ними на одном уровне, когда в ударе. Однако в целом в сезоне «Форест» не имел возможности им адекватно противостоять.

Мы заняли восьмое место в чемпионате и проиграли «Манчестер Юнайтед» в финале «Рамбелоуз Кап». Мы снова были не в духе, играя на «Уэмбли», и хотя мы сражались, но все же «Юнайтед» выиграл матч со счетом 1:0.

Несмотря на то что мы дважды играли на «Уэмбли» и более или менее удачно завершили чемпионат, на «Сити Граунд» и вокруг него царил дух, что «Форест» играет ниже своего уровня. Было объявлено о создании премьер-лиги. Был подписан контракт с телекомпанией «Скай Телевижн». Эта сделка сулила сказочные барыши ведущим клубам, которые отделились от остальной лиги.

Под руководством Брайана Клафа «Форест» выиграл в свое время чемпионат и два еврокубка. Подобное невероятное достижение было достигнуто без вливания финансов в трансферные сделки с известными игроками. Действительно, это было похоже на чудо. Беспокойство о судьбе «Фореста» в премьер-лиге было сопряжено со все более возрастающим ощущением у болельщиков того, что Брайан Клаф был уже не тем легендарным тренером, способным в новых условиях добиваться успехов с клубом, который не имел возможности приобрести сильных игроков.

В раздевалке игроки относились к Клафу по-разному: некоторые его опасались, другим он не нравился, а третьи ворчали, что они его часто не видят. Мое мнение о Клафе было обусловлено тем обстоятельством, которое было для меня определяющим: он предоставил мне шанс, и я был обязан ему всем тем, что у меня есть. Сколько тренеров поставят на кон свою репутацию, выставив девятнадцатилетнего неопытного юнца в основной состав, да еще на «Энфилде»?

Наблюдая за настроениями в раздевалке, я начинал понимать еще четче, что множество профи считали, что весь мир им чем-то обязан. Приходить на тренировку, посмеяться и побрюзжать в течение пары часов, а потом окунуться в уют своих домов или пойти по магазинам, или прямо в гольф-клуб... После хороших результатов они купались в славе. Когда же игра не клеилась, они винили в этом других. Это меня раздражало. Я уверен, что мой сравнительно поздний приход в профессиональный спорт стал главным фактором, повлиявшим на формирование моей позиции по отношению к Брайану Клафу да и ко всему футболу. Я был одержим большим желанием, чем другие, хотя и не более Стюарта Пирса. Чем больше я наблюдал за Пирсом, тем больше я поражался его профессионализму. Игроки жаловались на него. «Пошел ты, Пирс», — стонали они, когда он требовал от них больших усилий — будь то на тренировке или в игре. Они шептались между собой, что он был «скупым ублюдком» с кучей денег (так и было!). Ну и что с того? Нам платили за работу, и Стюарт Пирс вел других своим примером. Он никогда не требовал того, к чему сам был не готов.

Я глубоко уважал Клафа за его познания в игре. Возможно, он с каждым днем все реже и реже появлялся на тренировках, но во время матча его присутствие и его зоркий глаз коренным образом меняли положение. Если ты не до конца выполняешь свою задачу, Клаф это замечал. На первый взгляд безобидная ошибка, которая приводила к пропущенному голу через три или четыре минуты спустя, неудачная попытка отбора, отсутствие в нужное время рывка или паса будут им справедливо указаны как причина гола. И не нужно показывать на других пальцем, что было второй натурой большинства игроков. Он знал это, и вы знали, что он знал.

Каждый футбольный матч состоит из тысяч мелочей, которые вместе определяют итоговый результат. Тренер, который не может заметить этих деталей, как это делал Клаф в своей клинической манере, просто блефует. Игра полна теми, кто занимается блефом, кто только и знает что кричать: «Засучите рукава!», «Настройтесь правильно на игру!», и говорить о том, что ты должен быть горд тем, что носишь эту футболку. Тренер, который постоянно использует эти клише — а таких множество, — не знает самого главного. Брайан Клаф подмечает мелкие детали, факты, микроэпизоды и делает из всего верные выводы.

У Клафа был свой подход и к другим вещам. Однажды, когда его не было на тренировке, помощники достали груз, чтобы мы с ним поработали. После получаса занятий появился Делл, собака тренера, за которой шел он сам, как обычно, одетый в свою куртку, зеленый тренировочный костюм и высокие сапоги. «Что это за хрень?» — спросил Клаф Лайама О'Кэйна, показывая на груз. Не успел Лайам открыть рот, как Клаф распорядился: «Уберите это отсюда и достаньте мячи». В этом была его сила. И, как я считаю, слабость, поскольку игра претерпевала изменения, пока мы готовились войти в премьер-лигу. Увы, как и для Маргарет Тэтчер, которую Клаф презирал, его времена прошли.

Примерно в то время я заметил одну красивую девушку в городском ночном клубе. Ее звали Тереза Дойл. Я пытался ей понравиться, но она меня будто не замечала. У нее был серьезный роман с одним парнем, и великий футболист Рой Кин не производил на нее никакого впечатления. Полагаю, что у меня тогда была репутация неудачника, хотя я не мог толком объяснить, почему. Я знал одного из ее друзей, который сказал мне, что Тереза была дочерью помощника дантиста. В конце концов она порвала свои отношения с другим парнем, и мы стали выходить в общество вместе. Я был влюблен. Мы стали близкими друзьями. Тереза, несмотря на то, что родилась в Ноттингеме, имела ирландские корни. Ее родители, Брэй и Ласк, были родом из графства Дублин.

Мы резво начали новый чемпионат, переиграв «Ливерпуль» со счетом 1:0 в матче, впервые транслировавшемся по Sky Television. Гол на свой счет записал Тедди Шерингем. Потом начался кошмар из серии в шесть поражений. Увы, Шерингем в сентябре перешел в «Тоттенхэм».

В октябре мы замыкали турнирную таблицу, пропустив двадцать два гола в десяти матчах. «Форест» переживал глубокий кризис.

В эти непростые времена мое положение осложнилось. Газеты начали гадать, какой из ведущих клубов собирается меня заполучить. Упоминались «Блэкберн», «Арсенал», «Астон Вилла» и «Ливерпуль». В прессе писали, что эти клубы готовы побить трансферный рекорд Англии, чтобы подписать со мною контракт.

Если «Форест» вылетит из премьер-лиги и, как говорили многие, Брайан Клаф уйдет из клуба, то что станет со мной? У меня был контракт и зарплата в 700 фунтов в неделю, что было намного меньше, чем у других игроков. До завершения срока контракта оставалось полтора года.

Примерно в то же самое время мне позвонил знакомый Кенни Далглиша и сказал, что главный тренер «Блэкберна» хотел бы со мною встретиться. Алан Ширер только что отказался перейти в «Манчестер Юнайтед» из «Саутгемптона», выбрав «Блэкберн», чье стремление выиграть премьер-лигу спонсировалось Джеком Уокером. В доме Дэвида О`Лири была намечена встреча с Далглишем и его помощником в «Блэкберне» Рэем Хартфордом. Мне был задан вопрос о ситуации с моим контрактом в «Форесте». Когда я сказал, что мне предложили новый контракт, они начали уговаривать не подписывать его. А уж если я подпишу сделку, то нужно было включить в нее пункт, который разрешал бы мне покинуть «Форест» в случае вылета из премьер-лиги. Мне ясно дали понять, что «Блэкберн» был готов установить трансферный рекорд английского футбола в 3,5 миллиона фунтов.

Я знал, что подобные закулисные переговоры были против правил, но такие сделки часто имели место.

В газетах писали, что я требовал один миллион фунтов за три года в «Форесте». Примерно так оно и было. Через посредников Кенни Далглиш передал, что моя зарплата в «Блэкберне» будет 250 000 фунтов в год, а 500 000 я получу при подписании контракта.

При личных встречах я и Брайан Клаф ладили друг с другом, даже несмотря на его резкие высказывания в мой адрес в прессе. «Кин — словно ребенок, проснувшийся рождественским утром и обнаруживший яблоко, апельсин и сладости в носке. Он хочет еще,— сказал Клаф в одной из местных газет. — Он очень талантливый молодой человек. Ему все дается легко, и в футболе его любят все, особенно игроки «Фореста». Кин в настоящее время является самой привлекательной собственностью в игре, но он обанкротит этот клуб. Мы сделали ему предложение. У него есть свои мысли на этот счет, но он принадлежит нам еще восемнадцать месяцев, и на данный момент переговоры заморожены. Я ничего не хочу знать о глупых условиях контракта и о том, что он сделает, если мы вылетим. Я хотел бы, чтобы он подписал разумный контракт, который наш бюджет может себе позволить».

Стюарт Пирс, чья преданность клубу и авторитет были неоспоримы, пришел ко мне на помощь после одной из утренних тренировок. Он обошел всех игроков, задавая им один и тот же вопрос: «Вы довольны своим контрактом?». Один за другим игроки давали положительный ответ. Тогда Пирс гаркнул: «Если вы довольны, тогда оставьте Роя в покое. Он имеет право на то, чтобы получить больше». Я был весьма признателен Пирсу.

Мои переговоры с Роном Фентоном втайне от прессы продолжались. Он не стал спорить с моими доводами о том, что я стоил «Форесту» всего 47 000, а теперь клуб мог продать меня более чем за три миллиона. Он также признал, что моя зарплата в 700 фунтов в неделю была одной из самых низких среди игроков первой команды. Оставалось два камня преткновения: пункт, по которому я мог уйти из «Фореста» в случае его вылета из премьер-лиги, и мое требование на 125 000 при подписании контракта.

В ходе очередных переговоров Брайан Клаф вошел в офис Рона Фентона. Он спросил, как движутся дела. Рон рассказал ему о наших разногласиях. Без колебаний Клаф сказал: «Рон, дай Рою то, что он просит». Через полчаса контракт был подготовлен. Я был рад подписать соглашение сроком на три с половиной года, хотя в душе не думал, что смогу отыграть его до конца.

С приходом Sky Television и созданием премьер-лиги зарплаты футболистов росли в астрономической прогрессии. Слезы Газзы в Италии-90 сделали футбол модным. На игру стали обращать большое внимание и, конечно, на нас, игроков.

Дальнейшее существование «Фореста» в премьер-лиге теперь зависело от последних двух игр. Поражение в домашнем матче от «Шеффилд Юнайтед» или проигрыш на поле «Ипсвича» означали расставание с лигой. То, что мой контракт позволял мне уйти из клуба в случае его вылета, никоим образом не сказывалось на моем рвении и желании того, чтобы «Форест» остался в премьер-лиге. Напротив. Кто-то в клубе сообщил прессе об условиях моего контракта. Это привело к тому, что некоторые стали сомневаться в моей самоотдаче в борьбе за выживание. Поэтому в двух последних играх мне нужно было доказать обратное.

Во время нашей подготовки к встрече с «Шеффилд Юнайтед» Брайан Клаф объявил о том, что уходит в отставку в конце сезона.

«Шеффилд Юнайтед» обыграл нас со счетом 2:0. Сознывая цену поражения, многие наши футболисты играли, словно замороженные.

Имея такой подбор игроков, теоретически мы не должны были вылетать. Однако энергия и вера в тренерский гений Брайана Клафа непостижимым образом покинули клуб.

Через несколько минут после вылета из премьер-лиги некоторые игроки, молясь в душе, уже перебрасывались шуточками. Я не мог поверить своим глазам и ушам. Их карьера катилась под гору, а они думали, в какой ресторан им пойти! Я испытывал смешанное чувство вины и боли. Фрэнк Кларк, сменивший Брайана Клафа на посту тренера «Фореста», заявил: «Именно благодаря своему профессионализму Рой Кин прилагал все силы, чтобы оставить «Форест» в премьер-лиге». Он был не прав. Я делал это лишь из чувства самосохранения.

Через несколько недель болельщики «Фореста» выбрали меня лучшим игроком сезона — в предыдущие два года этой чести удостоивался Стюарт Пирс. Я был рад, что фаны «Фореста» поняли, что, несмотря на условия моего контракта, моя самоотдача в борьбе за выживание была полной.

В ходе тяжелого сезона я усвоил один урок: футбол не должен никому и ничего. Никто не мог поверить в то, что команда Брайана Клафа может вылететь. Теперь даже такой одаренный игрок, как Стюарт Пирс, оказался за чертой премьер-лиги. Был ли футбол в таком случае жестокой игрой? Он может быть таковым, если ты потеряешь бдительность, понизишь свой уровень хотя бы на пять процентов и начнешь думать, что ты «слишком хорош, чтобы вылететь». В нашей команде «Фореста» не было недостатка в талантах. Однако она вылетела из премьер-лиги.

Хотел ли я перейти в «Блэкберн»? У Кенни Далглиша были деньги миллионера Джека Уокера, но «Блэкберн» был относительно скромным клубом. Говорили, что и другие клубы, как «Арсенал» и «Ливерпуль», также проявляли ко мне интерес. Теперь с уходом Брайана Клафа я был еще более решительно настроен пустить в действие условие моего контракта, которое позволяло мне покинуть клуб. Меня с разных сторон атаковали агенты, но я им сопротивлялся, хотя и знал, что мне будет нужна помощь в переговорах с «Блэкберном» или же другим клубом, который захочет меня приобрести.

Дэвид О'Лири был одним из ведущих игроков сборной Ирландии. Он стал жертвой философии Чарльтона «бей-беги», в которой высококлассные центрхавы считались опасным излишеством. Его мнение о Чарльтоне во многом совпадало с моим: над этим тренером можно было только смеяться. Однажды вечером я спросил у Дэвида, кто представляет его интересы. Он ответил, что все его дела решаются Майклом Кеннеди, юристом по имущественным вопросам из Лондона. Дэвид был бы рад познакомить меня с Майклом, если я того пожелаю.

Кроме того, я также обратился в Ассоциацию профессиональных футболистов с просьбой представлять мои интересы в будущих сделках. Будучи озабоченной ростом влияния со стороны частных агентов, Ассоциация объявила о том, что готова содействовать игрокам в трансферных переговорах.

Агенты отпугивали меня не только теми суммами, которые они запрашивали за услуги. Судя по тому, что я видел, футбольная карьера игроков для агентов не стояла на первом месте. Чем чаще игрок переходил из клуба в клуб, тем больше денег зарабатывал его представитель. Футболист, не определившийся со своим будущим, да еще которого хотят видеть в своих рядах несколько клубов, представляется для агентов потенциальным источником доходов. Слухи о переходах, подогреваемые агентами и проглатываемые воскресными газетами, очень тяжело переносятся такими игроками. В этих играх футболисты были простыми пешками, которым досаждают охочие до жареных фактов газеты и алчные посредники. Решительно настроенный против того, чтобы мною манипулировали, я обратился в Ассоциацию. Другим вариантом был Майкл Кеннеди.

Фрэнк Кларк был назначен на место Брайана Клафа. Кларк раньше играл за «Форест» и считался компетентным во многих делах. По прибытии из сборной Ирландии я встретился с Кларком и заверил его, что, несмотря на условия моего контракта, я буду полностью предан клубу, пока нахожусь в нем. Кларк сказал, что понимает мое положение. Будучи скупым на слова, он, однако, дал понять, что, если какой-либо клуб премьер-лиги захочет выплатить за меня необходимую сумму, «Форест» не будет стоять на моем пути. Мы поняли друг друга. Теперь дело за «Блэкберном».

Кенни Далглиш не заставил себя ждать. После коротких торгов стороны сошлись на сумме в 4 миллиона фунтов. Мне было позволено начать переговоры с «Блэкберном». В переговорах мне помогал Брендан Бэтсон из Ассоциации. По условию контракта с «Форестом» после перехода мне выплачивалась сумма в 600 тысяч. Главным вопросом обсуждения с «Блэкберном» стала моя зарплата.

Я слышал, что Алан Ширер получал 500 тыс. в год, поэтому я требовал того же. Обсудив этот вопрос, я согласился на 400 тыс. в год. Сделка была совершена в пятницу вечером. Далглиш был крупной фигурой в футболе. Великим игроком, который в свое время также успешно тренировал «Ливерпуль». Джек Уокер отдал в распоряжение Далглишу свою чековую книжку для формирования команды, способной бороться за чемпионство в премьер-лиге. Далглиш заверил меня, что если я подпишу контракт с клубом, то вольюсь в ряды команды, которой по силам получить множество призов. Его интеллект и спокойный характер произвели на меня неизгладимое впечатление.

После соглашений всех условий я был готов подписать контракт. Но когда Далглиш позвонил на «Ивуд парк» (стадион «Блэкберна». — В.С.), то там не оказалось никого из руководства — рабочий день закончился. «Не беспокойся, — сказал он. — Ты можешь подписать бумаги в понедельник». Мы пожали друг другу руки.

Я уехал в Корк на выходные. В субботу новости о моем переходе в «Блэкберн» появились в газетах. Трансферные выплаты побили британский рекорд. Жизнь круто изменилась с тех пор, как я уехал из дома. Но, к счастью, моя семья и друзья остались преданными мне. Я был очень рад, что они ничуть не изменились в этом отношении.

С Денисом Джонсоном мы отправились в город в субботу вечером, чтобы отметить мой переход. Мы начали с «Темпликра», перед тем как направиться в центр, где завершили ночные похождения в «Сайдтрэкс».

В воскресенье я проснулся, страдая от похмелья. На следующий день мне предстояло поехать в «Блэкберн», чтобы подписать бумаги. После этого я был настроен провести отпуск.

В обед зазвонил телефон. Пэт поднял трубку. На другом конце провода был Алекс Фергюсон. Мое семейство страстно болело за «Манчестер Юнайтед». «Рой, это Алекс Фергюсон. Ты уже подписал контракт?».

«Нет, но мы ударили по рукам, и я должен подписать бумаги завтра».

«Почему бы тебе не приехать в Манчестер и поговорить сначала со мной?».

Ух ты! «Манчестер Юнайтед». Чемпион премьер-лиги. Мои мама, папа и братья стояли в зале и смотрели на меня. Похоже, что их хватил удар.

«Да, но я уже согласился», — сказал я Фергюсону.

«Ты ничего не подписал. Приезжай и поговорим».

С этого момента мне уже не хотелось подписывать никакого контракта с другими клубами. В глубине души я осознавал, что не смогу отказаться от контракта с самым знаменитым клубом в мире. Но разумом я понимал, что мне не нужно терять голову.

На следующее утро, после очередной бурной ночи в городе, я полетел в Манчестер. Алекс Фергюсон встретил меня в аэропорту. Мы приехали в его дом, который располагался неподалеку. Там был Брайан Кидд. После обеда и болтовни ни о чем Фергюсон предложил сыграть в снукер (разновидность бильярда. — В.С.). Он был неплохим игроком, и хотя я от него не отставал, подумал, что было бы разумно ему проиграть.

Мне он сразу понравился. Для тренера «Манчестер Юнайтед» он был слишком прост в общении, обладал чувством юмора и имел весь набор положительных человеческих качеств. Было ясно и то, что он хотел получить в свою коллекцию трофеев еще больше призов.

«Рой, «Манчестер Юнайтед», с тобой или же без тебя, станет сильнейшим клубом в Англии. С тобой мы сможем добиться успеха в Европе», — сказал он. Это было сильным аргументом.

Он спросил о моих представителях. Я сказал об Ассоциации профессиональных футболистов. Фергюсон предложил, чтобы мы пока не обсуждали детали предстоящей сделки. «Оставь это мне», — настоял он. Мы пришли к соглашению, согласно которому я должен буду сказать Далглишу об аннулировании договора. После этого мне предписывалось занять выжидательную позу, пока «Юнайтед» ведет переговоры с «Форестом». Это не будет так-то просто, отметил Фергюсон, но заверил меня, что в итоге мы достигнем взаимной цели.

Я позвонил Кенни Далглишу, чтобы сказать ему о том, что передумал переходить в «Блэкберн». Он пришел вне себя от ярости.

«Какого хрена это все значит?!»

Я рассказал ему о нашей беседе с Фергюсоном.

«Мы же ударили по рукам. Теперь ты не можешь отступить!» — закричал он.

«Постойте. Я очень сожалею, очень, — принес я ему свои извинения. — Но мне необходимо подумать о своем будущем. У меня есть на это право».

«У тебя нет права ни на что, за исключением того, чтобы выполнить свое обещание, которое ты дал мне в пятницу».

«Мне жаль, но если вы вовремя подготовили бумаги, я бы подписал их в пятницу».

«Никто не смеет подобным образом вести себя со мной. Никто не смеет так вести себя с Кенни Далглишем. Ты — ублюдок, и тебе это просто так с рук не сойдет», — Кенни уже не был так спокоен.

Я чувствовал себя не в своей тарелке. Но я уже достаточно набрался опыта в моей короткой профессиональной карьере, чтобы знать, что все заинтересованные стороны редко желают соблюдать договоренности. Игроки надували тренеров, тренеры надували игроков, их, в свою очередь, обманывало руководство. Агентов презирали за их пронырливость, но клубы были только рады иметь дело с ними. И Кенни Далглиш еще будет требовать, чтобы я соблюдал договор, которого не подписывал! Тот самый

Кенни Далглиш, который несколько месяцев назад вел со мной закулисные переговоры за спиной Брайана Клафа. Чем больше он обрушивался на меня со своими гневными тирадами, тем меньше меня мучила совесть.

Следующий звонок был от Фрэнка Кларка. Кларк на людях должен был показывать, что делает все, чтобы оставить меня в клубе, но он знал, что я уйду в любом случае, и теперь ему было необходимо извлечь для «Фореста» как можно большую выгоду. «Что происходит, Рой? — начал он. — Мне только что позвонил Кенни Далглиш. Он говорит, что ты передумал».

Я подтвердил, что после переговоров с Алексом Фергюсоном я изменил свое решение. Фергюсон также позвонил Кларку. В отличие от «Блэкберна», который был готов заплатить 4 миллиона фунтов, «Манчестер Юнайтед» собирался отдать за меня немногим более 3 миллионов фунтов. Для «Фореста» это было неприемлемо, заявил Кларк. Поэтому он хотел, чтобы я подписал сделку с Далглишем в интересах «Фореста». Я объяснил, что должен делать то, что отвечает интересам моей карьеры.

Этот спор несколько подпортил мои с Кларком отношения. Он четко дал понять, что с «Юнайтед» не будет никакой сделки, если этот клуб не предложит столько же, сколько и «Блэкберн». Я настаивал на том, что хотел бы перейти именно в «Юнайтед». Патовая ситуация.

Я собирался в отпуск вместе с Тони Лафланом, Гари Бойером и Рэймондом Бюрном — тремя молодыми футболистами, с которыми я играл за «Форест», уже на следующий день. Мы ехали на Кипр понежиться на солнышке. Я еще раз переговорил с Алексом Фергюсоном. Он заверил меня, что право выбора остается за мной. Я должен решать, за какой клуб играть. Если я не буду метаться, то в конце концов все выгорит. Но не метаться для меня значило то, что следующий сезон я начну в майке «Фореста». Я решил положиться на Фергюсона. Ехать в отпуск и ни о чем не думать.

На следующее утро в 6.30 раздался телефонный звонок. Я подумал, что что-то случилось дома в Корке. Это был Кенни Далглиш.

«Тебе это не сойдет с рук, — начал он. — «Блэкберн Роверс» замотает тебя по судам и отсудит у тебя все до последнего пенни!». Между ним и Алексом Фергюсоном никогда не было нормальных отношений, и это, как ничто другое, его раздражало. Он начал обзывать меня. Он снова и снова повторял, что никто не может «трахнуть» Кенни Далглиша и выйти сухим из воды. Я сообщил ему, что уезжаю в отпуск и что дело закрыто.

«Куда ты едешь?» — поинтересовался он.

«Далеко, где светит солнце», — последовал мой ответ.

«Мы отыщем тебя и подадим в суд», — заявил он. Но ему не удалось меня найти.

Когда я вернулся на предсезонную подготовку в «Форест», Фрэнк Кларк был настроен решительно. Я был вынужден тренироваться с резервистами, и мне дали понять, что я буду наказан за «преступление», состоящее в отказе перейти в «Блэкберн». Кларк объявил меня персоной нон грата. Фергюсон советовал мне не терять самообладания. «Юнайтед» и «Форест» играли в покер. Предложение «Юнайтед» в 3,5 миллиона фунтов было на полмиллиона меньше того, что предлагал «Блэкберн». Если я буду и дальше терпеть, то «Форест» встанет перед дилеммой: 3,5 миллиона фунтов или же ничего не стоящий актив, тренирующийся с дублем.

За три сезона я провел 154 игры в «Форесте», забил тридцать три гола, играя на позиции полузащитника. Я стоил клубу 47 тысяч фунтов. Ему светила чистая прибыль в три миллиона. Были ли его представители рады? Нет. В их мире игроки были человеческим материалом, который покупался и продавался, как скотина. Думать о себе или же самому принимать решение для продолжения своей же карьеры считалось преступлением. Газеты, по науськиванию Кларка, теперь писали обо мне как о «мятежном Рое». Для тренеров, менеджеров и журналистов было в порядке вещей самим выбирать себе

карьеру по душе. Футболисты должны были делать то, что по душе другим. Если ты стоишь на своем, твоя «игра» становится возмутительной.

На второй неделе предсезонной подготовки нервы «Фореста» сдали. Клуб принял предложение «Манчестер Юнайтед» в 3,75 миллиона фунтов. Теперь мне было необходимо вести переговоры о личных условиях контракта с «Юнайтед». Его предложение

в 250 тысяч фунтов в год было на 150 тысяч меньше «Блэкберна». Брендэн Бэтсон из Ассоциации не мог выжать большего из «Юнайтед». Я считал, что разница в деньгах слишком ощутима. Помня о разговоре с Дэвидом О'Лири, я позвонил Майклу Кеннеди.

Майкл прилетел в Манчестер на переговоры с Мартином Эдвардсом. Он смог заставить «Юнайтед» повысить зарплату до 350 тысяч в год.

Я полюбил «Олд Траффорд» с того момента, как ступил на его газон.

IV

Стоимость моего трансфера стала поводом для множества статей в прессе. Теперь 3,75 миллиона фунтов — гроши. В 1993 году это была огромная сумма. Даже для «Манчестер Юнайтед», нового чемпиона премьер-лиги.

Я осознавал, что являюсь самым дорогим игроком в Британии, но у меня от этого не кружилась голова. Я был убежден, что только прибавлю, играя с лучшими футболистами.

Через день после подписания контракта мы должны были лететь на десятидневное предсезонное турне по Южной Африке. Я предложил Алексу Фергюсону, чтобы я остался поработать над своей «физикой». Но он настоял на моей поездке вместе с командой. Тренируясь лишь с дублерами «Фореста», а порой и в одиночку, я ощущал, что недоработал.

«Не беспокойся, — заверил меня Фергюсон, — тренировки и матчи придадут тебе нужный тонус, а поездка поможет поближе познакомиться с ребятами».

Осматриваясь в автобусе на пути в аэропорт Манчестера, я был поражен зрелостью и уверенностью игроков «Юнайтед». В «Форесте» Стюарт Пирс был мужчиной среди мальчиков. Здесь же была команда настоящих мужиков: Брайан Робсон, Эрик Кантона, Стив Брюс, Гари Паллистер, Пол Инс, Петер Шмейхель, Брайан Макклеер, Денис Ирвин и Марк Хьюз. Все обладали харизмой и профессиональным подходом к делу. Сильные личности, источающие веру в себя. Среди них я чувствовал себя мальчишкой. Да я и был мальчишкой — до 22-летия мне оставалась пара недель. Я не забывал, что первой задачей остается попадание в основной состав.

Меня также поразил и постоянный ажиотаж, где бы ни появлялся «Юнайтед». Уезжая в аэропорт тем утром, я понял, что значит быть игроком «Манчестер Юнайтед». По будним дням «Олд Траффорд» превращался в улей. Люди вставали в очередь за билетами на ближайший матч. В магазинах по продаже сувениров собирались толпы народа. Туристы фотографировались на фоне огромного стадиона. Люди приезжали со всех концов планеты. Среди них были ирландцы, китайцы, американцы, лондонцы, мужчины, женщины, старики и молодежь. Многие из них просто стояли у стадиона, смотря на мемориальные часы в память о Мюнхене. Я тоже глазел во все стороны! Это место было великим. Часы напоминали тем, кто стоит под ними, об авиакатастрофе в Мюнхене, в которой погибли восемь молодых футболистов легендарной команды Мэта Басби. Как я вскоре понял, даже самым великим игрокам и закоренелым профессионалам история клуба не может быть безразлична. Футболист «Манчестер Юнайтед» постоянно чувствует на себе ответственность, которую на него возложили традиции клуба.

В аэропорту Манчестера собрались люди, чтобы увидеть нашу посадку в самолет. Когда мы прибыли в Йоханнесбург, нас ждали несколько сотен болельщиков и две телевизионные команды. В нашем отеле

воздух был пропитан ажиотажем, а работники гостиницы и те, кто в ней проживал, немедленно бросали свои дела, чтобы поглазеть на знаменитых игроков «Манчестер Юнайтед». Оказавшись в подобной атмосфере, я почувствовал себя, словно в кино. Свет, действие, звезды. Ну и, конечно, массовка. Я играл роль молчаливого персонажа и полностью был в нее погружен. «Манчестер Юнайтед» был, безусловно, больше чем футбольный клуб.

Поскольку я был знаком с Денисом Ирвином по играм в сборной Ирландии, я поселился с ним в одном номере. Он тоже был из Корка, хотя и из другого района города. Оба мы не были горазды на разговоры и отлично ладили.

Я никогда раньше не тренировался настолько интенсивно. Брайан Кидд проводил тренировки. Он был великим футболистом, который в 1968 году вместе с командой выиграл Кубок чемпионов. Игроки его уважали и любили. Он был коренным жителем Манчестера, обладающим тонким чувством юмора и добрым характером. К нему всегда можно было обратиться по любому вопросу. Тренировки были интересными и варьировались день ото дня. В работе всегда чувствовалась целенаправленность, а в двусторонних играх и ежедневных упражнениях все имело свой смысл. Это намного отличалось от бесцельных часов, потраченных на тренировочном поле в «Форесте».

Так как в команде было множество сильных личностей, неудивительно, что почти во всем, что бы мы ни делали, чувствовался момент острой состязательности. Мы серьезно подходили к играм «пять на пять» в конце тренировки. Зачастую они начинались вяло, но вскоре футболисты брались за свое дело на полном серьезе. Поводом для войны могла стать жесткая игра в отборе. После этого кто-нибудь обязательно распался, и Брайану Кидду приходилось вмешиваться.

Я бегал изо всех сил, стараясь подтянуться к удивительно одаренным игрокам, находившимся вокруг меня. Эрик Кантона был великолепен. Как и Райан Гиггз. Райан был на два года младше меня, но в смысле мастерства и зрелости он дал бы мне фору на несколько световых лет вперед. Он был сильной личностью, смешным и дерзким, наделенным необычайным талантом, который использовал на всю катушку, чтобы посмеяться над другими во время тренировки.

Хотя я чувствовал себя несколько оробевшим и немного испуганным уровнем мастерства моих одноклубников, мне нравилась атмосфера, царящая в команде. Я понимал, почему «Юнайтед» носил звание чемпиона: команда состояла из отличных игроков; тренировки проходили на высоком уровне; Алекс Фергюсон лишь своим присутствием внушал вдохновение и уверенность; футбольные знания Брайана Кидда и его юмор, который помогал всем в трудную минуту; ну и не самый последний, как мне кажется, фактор — все были счастливы играть за эту команду.

Нытье здесь не проходило. Деморализация и подавленность, которые ощущались в раздевалке «Фореста», жалобы и стоны, а также все эти разговоры неудачников на «Сити Граунд», которые высасывали из тебя последние остатки духа, полностью отсутствовали на «Олд Траффорд». На что можно было жаловаться? Футболисты верили в то, что играют за лучший клуб мира. Фергюсона и Кидда уважали, а их власть не подвергалась сомнению. Брайан Робсон был капитаном и пользовался авторитетом.

Робсон и Стив Брюс помогали мне освоиться в коллективе и почувствовать себя его частью во время предсезонного турне. Для меня это было важно по ряду причин, и не самая последняя из них заключалась в том, что, как и множество других игроков, я в свое время старался подключить дополнительные скорости, играя против «Манчестер Юнайтед». В моем случае это означало более жесткую игру в отборе. Я не раз вступал в перепалки с Робсоном, Гари Паллистером и Полом Инсом. Не забыл я и стычку с Петером Шмейхелем. Но зла на меня никто не таил. Я тогда еще не знал, что после победы в чемпионате Фергюсон посоветовался с ведущими игроками о новых приобретениях в межсезонье. Многие из них поддержали тренера, когда он проявил ко мне интерес.

После работы на тренировках и пары товарищеских матчей пришло время расслабиться. А эти люди знали, как расслабляться. Во главе с Робсоном мы провели пару незабываемых «сейшенов» в Южной

Африке. Мы ни от кого не прятались. Фергюсон и Кидд не видели ничего предосудительного в том, что игроки пропускают рюмку-другую.

Игра на Кубок сезона с «Арсеналом» на «Уэмбли» стала моим первым официальным матчем в составе «Манчестер Юнайтед». Поскольку Брайан Робсон не был полностью готов к игре, я в паре с Полом Инсом отвечал за среднюю линию и хотел доказать себе свою силу и отместить все вопросы о моем соответствии цене в 3,75 миллиона фунтов как можно быстрее. Кроме того, я осознавал, что мне, Брайану Робсону и Полу Инсу предстоит борьба за два места в полузащите.

Соперник боролся за каждый мяч на каждом участке поля. Все приходилось получать тяжелым трудом. В конце матча мы заработали ничью 1:1 и выиграли в серии послематчевых пенальти. Я сыграл на нормальном уровне, но понимал, что «нормально» не пройдет. Тяжелая работа и голы были моей первой задачей. Я знал, что справлюсь с тяжелой работой, после которой, я надеялся, последуют голы.

В первом матче нового сезона премьер-лиги мы играли в гостях с «Норвичем». Райан Гиггз и Брайан Робсон забили по голу, и мы одержали легкую победу со счетом 2:0. Я также сделал свой вклад в победу, снабдив мячом Гиггза с фланга, после которого тот открыл счет. Через три дня я играл свой первый матч на «Олд Траффорд» в майке «МЮ». В тот вечер вторника атмосфера на стадионе была потрясающей. Я и раньше играл на «Олд Траффорд», но для болельщиков я был чужим. Теперь я играл за них. Нашим соперником был «Шеффилд Юнайтед».

Я был заряжен на матч, чувствовал себя взвинченным и полностью сконцентрированным на игре. Эрик Кантона был травмирован, поэтому Брайан Робсон, Пол Инс и я играли в полузащите. Андрей Канчельскис и Райан Гиггз играли впереди на флангах, а на острие атаки действовал Марк Хьюз. Робсон и Инс отвечали за среднюю линию, поэтому мне было поручено выдвигаться вперед. Бывают дни, когда у тебя все получается, и этот день был для меня как раз таким. Я забил свой первый гол за «Юнайтед», когда рискнул рвануться вперед к мячу, который отлетел от головы Райана Гиггза. Я точно рассчитал время для рывка и легко отправил мяч в ворота.

Иногда небеса тебе помогают. О таком дебюте можно было только мечтать. Для воплощения такого рывка в гол необходимы точно рассчитанное время и удача. Ты можешь делать рывки по пятьдесят раз и ни разу не получить мяч. Или же промахнуться.

Рок, в который я верю, был в тот вечер на моей стороне. Я забил второй гол, а Марк Хьюз установил окончательный счет — 3:0. С того матча бремя самого дорогого игрока стало переноситься легче. Вскоре этот вопрос и вовсе перестал существовать.

Мы провели серию из первых шести матчей чемпионата без поражений, из которых праздновали победу в пяти встречах, пока не уступили «Челси» со счетом 0:1. Старт в премьер-лиге выдался удачным, но после игры с «Челси» нам предстоял матч еврокубка в среду. Нашим соперником был венгерский чемпион «Гонвед», а первый матч мы проводили в Будапеште. Я забил еще два гола, Эрик Кантона добавил еще один, и мы одержали победу со счетом 3:2. «Гонвед» был не самой сильной командой, но победа есть победа, особенно гостевая.

Брайан Робсон страдал от непрерывающейся череды травм, поэтому в первых играх сезона я зачастую вставал в среднюю линию вместе с Полом Инсом. Мы были похожими во многих отношениях — выигрывали большинство единоборств, находясь в одинаковых с соперником условиях, и не уклонялись от борьбы, если ее кто-то нам предлагал. Большинство команд проигрывали нам еще до того, как их футболисты выходили из раздевалки. И не только на «Олд Траффорд», но и на их стадионах. Аура «Манчестер Юнайтед» была весьма мощной, да и перевес сил на поле также был в нашу сторону.

В наши первые семь матчей чемпионата в тот сезон мы пропустили лишь четыре гола. Петер Шмейхель безраздельно властвовал в штрафной. Стив Брюс и Гари Паллистер не давали соперникам спуска. Пол Паркер и Денис Ирвин могли защищаться и начинать атаки. Я, Инс и Робсон не собирались уступать середину поля. А в нападении мы имели скоростных форвардов в лице Гиггза и Канчельскиса. Марк

Хьюз великолепно обращался с мячом и легко поражал цель. Эрик Кантона завершал собою этот полный боекомплект.

Кантона пришел в команду в середине предыдущего сезона, когда после двадцати шести лет без чемпионства «Манчестер Юнайтед» отчаянно боролся за победу в премьер-лиге. Он делал свое дело, успокаивая своим присутствием в важных матчах, и забил девять голов, которые помогли Алексу Фергюсону завоевать свой первый чемпионский титул. «Юнайтед» получил Кантону почти задарма — 1,2 миллиона фунтов, когда тот поссорился с Говардом Уилкинсоном в «Лидсе». Он играл за множество клубов, но нигде не мог остаться надолго. Теперь же он нашел себе новый дом. Но и здесь он не мог успокоиться и делал все по-своему, показывая, что ему на все наплевать.

Мне было интересно узнать об Эрике побольше, когда я пришел в «Юнайтед». О загадочной личности Кантоны говорили все, особенно после того, как «Юнайтед» выиграл чемпионат. Мне он сразу понравился. Да, он отличался от других. Он старался делать свои упражнения на тренировках, что ему позволяли Алекс Фергюсон и Брайан Кидд. Он занимался разминкой по-своему, а после игр «пять на пять» оставался, чтобы отточить свое мастерство при взятии ворот соперника. Он и Петер Шмейхель испытывали друг к другу неприязнь. Пару раз в ход шли кулаки.

За мистической личиной скрывался настоящий профессионал, весьма серьезно относящийся к своему футболу, имеющий обширные знания об игре. С поднятым воротничком, прямой осанкой и грудью навыкат, он врвался на поле, как будто это чертово место принадлежало только ему. Любое поле, но в особенности «Олд Траффорд». Это была его сцена. Он ее любил, а болельщики обожали его.

Игроки тоже любили его, и для этого было множество причин, самая важная из которых заключалась в том, что он делал свое дело. Его укус в завершающей стадии атак был смертельным. Он не всегда возвращался назад, когда мы боролись за мяч. Нередко мы ругали его за это. Безусловно, мы больше, чем нужно, бегали и отрабатывали за него. Но вскоре, когда почти наступало отчаяние — что ему незамедлительно передавалось, — Эрик словно по волшебству разворачивал игру на 180 градусов в нужном для нас направлении. Он использовал полушанс — и бац — мяч в сетке! Я никогда не видел, чтобы кто-то забивал такие голы (и до сих пор не вижу). На поле Эрик играл свою роль. Да, он не был похож на остальных, но был чертовски великолепен. И не только, когда забивал победные голы. Ты мог отпасовать ему мяч в любой ситуации, и он мог его удержать — он был необычайно силен — и затем точно вернуть мяч тебе. Он забил столько же, сколько сделал голевых передач.

За пределами поля Эрик также идеально исполнял свою роль. Я не удивлен, что он стал сниматься в кино. Публика приписывала ему свойства темпераментной примадонны, но на самом деле он был лишь одним из нас. Для незнакомцев он всегда напускал на себя завесу таинственности — это была его игра, особенно с представителями прессы. В ответ на вопросы болельщиков и журналистов Эрик пожимал плечами и притворялся ничего не понимающим.

Он хорошо говорил по-английски. Его познания в языке впечатляли, особенно, когда дело доходило до ругательств. С нами он был веселым, любил выпить скорее шампанское, чем «Хайнекен», и был компанейским приятелем. Эрик был отличным парнем, одним из лучших — он всегда говорил начистоту, без обиняков. Его маской стало поведение эксцентричного и одинокого молодого человека. И таковым он частично хотел казаться.

К концу октября мы уверенно возглавляли премьер-лигу. Но мне не нравилась моя игра. Одной из причин этого было растяжение подколенного сустава, которое постоянно меня терзало. Я всегда был готов играть через боль по эгоистическим соображениям: из-за травм я не хотел терять свое место ни в какой команде.

В «Юнайтед» такие мысли были особенно своевременны. Я все еще боролся за место в основе с Брайаном Робсоном и Полом Инсом. После трех месяцев я был уверен только в том, что наша команда была хороша, но могла стать еще лучше. Я не был единственным футболистом, сознававшим, что в составе юношеской команды клуба, выигравшей молодежный Кубок в 1992 и 1993 годах, есть несколько футболистов, которые вскоре будут настойчиво пробиваться в основной состав. Молодые

игроки, включая Гари и Фила Невиллов, Дэвида Бекхэма, Ники Батта и Пола Скоулза, уже стали известны, и о них повсюду говорили. Время докажет, что эти разговоры были далеко не досужими.

Алекс Фергюсон ясно дал понять, подписывая со мною контракт, что успех в Европе является для клуба первейшей задачей. Европа была источником триумфа и трагедии для «Юнайтед». Он стал первым английским клубом, принявшим участие в Кубке чемпионов, несмотря на сопротивление футбольной ассоциации. Сэр Мат Басби реализовал свою мечту в 1968 году, когда «Манчестер Юнайтед» выиграл Кубок чемпионов. Но авиакатастрофа в Мюнхене в 1958 году, в которой погибли восемь игроков «Юнайтед», оставила неизгладимый след в истории клуба. Матчи еврокубков на «Олд Траффорд» всегда имели эмоциональный оттенок.

Когда мы встретились с чемпионом Турции «Галатасараем» во втором круге Кубка чемпионов, никто в этот момент не вспоминал о нашем великолепном старте в чемпионате Англии. Для нас эти матчи стали настоящим испытанием. Мы проиграли по результатам двух встреч. Поведя в счете 2:0 на своем стадионе, мы пропустили три гола. Игра завершилась вничью — 3:3, и по правилу гостевого гола турецкий чемпион получал огромное преимущество. Нам была необходима победа в Стамбуле в окружении агрессивно настроенных болельщиков, пользовавшихся дурной славой.

«Галатасарай» оказался крепким орешком. Его футболисты прибегали к различным ухищрениям — ныркам, затягиванию времени, спорам с судьей. Они играли довольно плотно в обороне, не давая нам прорваться сквозь нее. Игра завершилась безголевой ничьей. По ее ходу возникало множество стычек, а в конце игроки и вовсе потеряли над собой контроль. Эрик был удален. По пути в раздевалку полицейский ударил Брайана Робсона по голове. Кантона вступил в рукопашный бой.

В раздевалке Эрик словно сошел с ума. Если остальные хотели поскорее убраться отсюда, то он был настроен разобраться с полицейским, который охаживал дубинкой каждого, кто ему только попадался под руку. Эрик был крупного телосложения и был настроен серьезно. Он кричал, что собирается прибить этого ублюдка. Его успокоили лишь совместными усилиями тренера, Брайана Кидда и нескольких игроков. Обычно я не ухажу от боя, но даже я не был готов к тому, чтобы воевать. Там было столько турецких фанов! В любом случае результата не изменить. Мы вылетели.

В начале ноября я принял участие в своем первом манкунианском дерби на «Мейн Роуд». «Сити» сумел подняться до середины турнирной таблицы после слабого старта. Но место в таблице и репутация забывались в дерби. Матч был необычайно важен, особенно для болельщиков «Юнайтед». Поражение заставило бы их убиваться месяцами и в отчаянии бродить по городу. Победа же наделяла их щитом и оружием для торжества в магазинах, на заводах, в офисах и пабах в ближайшие несколько недель. Болельщики «Юнайтед» и «Сити» ненавидели друг друга. По очевидным причинам раздраженность поклонников «Сити» была большей. Успехи «Юнайтед» не шли ни в какое сравнение с жалким существованием «Сити», руководство которого сменялось одно за другим, а его боссы только и занимались тем, что увольняли тренеров. Его болельщики кричали, что лишь «Сити» был единственным настоящим клубом в Манчестере, который, в отличие от «Юнайтед», не является космополитическим и погрязшим в богатстве, а представляет настоящих манкунианцев.

В историческом аспекте можно было привести аргументы в пользу того, что «Сити» является коренным и самым важным клубом Манчестера. До прихода в 1945 году Мата Басби в «Юнайтед» «МЮ» был лишь одним из череды серых клубов. За короткий период в семидесятые Джо Мерсер и Малькольм Аллисон восстановили былую славу «Сити». Но все равно «Юнайтед» был на вершине большую часть современной эры.

Чтобы отметить наш вылет из еврокубков после встреч с «Галатасараем», болельщики «Сити», когда мы вышли на предматчевую разминку, закидали нас турецкими сладостями. Игра началась как обычно. Темп был сумасшедшим, футболисты стелились в подкатах по всем участкам поля. Соперники летели на всех парах, подгоняемые болельщиками, которым, как казалось, результат был более необходим, чем самим игрокам. Мы не были готовы к подобному повороту событий. Привыкшие контролировать темп игры в гостевых матчах, мы оказались неспособны сдержать натиск той сумасшедшей энергии, которую обратили против нас соперники в первые сорок пять минут матча. Я упустил отличную возможность

для взятия ворот при счете 0:0. А затем... мы пропускаем два гола. Свисток, извещающий о завершении первого тайма, был воспринят с облегчением.

Тренер предупреждал нас о том, что такое может произойти, если мы не будем выкладываться, как и соперник, с первых минут игры. Класс идет не в счет, если вы не можете выиграть физическую борьбу.

Выходя на второй тайм, мы точно знали, что будем делать. Сначала нужно выиграть единоборства и не спасовать каждому в его личной дуэли с соперником. Тогда и скажется класс. Несмотря на то что Алекс Фергюсон обладал репутацией крутого тренера, бросающего чашками чая в раздевалке — случалось и такое, — он обладал более тонким аналитическим складом ума, чем предполагают некоторые исходя из вышеописанной характеристики. В том матче его слова в перерыве были просты: окажите на них адекватное давление, забейте гол, и игра пойдет совсем в ином ключе. Выиграйте второй тайм.

Мы его выиграли. Эрик сократил разрыв в счете в начале второго тайма. Через двадцать минут футболисты «Сити» были непохожи на самих себя. Они отдали все силы в первой половине матча. При счете 1:2 я уже знал, что мы победим.

Девяносто минут — большой промежуток времени, а 2:0 — солидное преимущество. Если вы будете удерживать счет, отойдя в оборону и забыв о всяких попытках атаковать, если вы бросите все то, что помогло вам в первую очередь забить эти два гола, то ждите резкого поворота событий. Соревнования, состоящие из девяноста минут, имеют свои приливы и отливы. Каждая новая ситуация требует своего быстрого решения. Вам нужно знать, когда прибавить обороты и когда их сбавить, когда замедлить темп и когда его увеличить. Именно благодаря нашему пониманию этих вещей, а также способности применять на практике то, что мы знали в теории, мы выиграли тот матч на «Мейн Роуд». Брюс, Кантона, Ирвин, Хьюз, Инс, Паллистер — все они инстинктивно чувствовали приливы и отливы подобных матчей. Понятие «психология победителей» часто применяется к футболу. «Я — победитель». Любой может произнести эти слова. Но доказать это на деле могут лишь высококлассные профи. И только теперь я полностью понимаю, что именно благодаря характеру команды, частью которой я был, она и стала чемпионом. Брайан Робсон имел все типичные качества чемпиона. Но в матче против «Сити» он не играл. Тем не менее у нас было достаточно сил, чтобы сделать свое дело как надо.

Эрик забил второй гол. И тогда мы поняли, что три очка у нас будут в кармане. Не было ни единого шанса, что мы согласимся на ничью. Множество команд остановилось бы на этом. И снова опыт нам подсказывал, что нельзя успокаиваться и покидать поле, набрав лишь одно очко. Теперь, когда «Сити» бился в предсмертной агонии, было самое время его прикончить. Мы пошли вперед, встречая слабое сопротивление. Они лишь делали вид, что играют. По крайней мере, большинство. Денис Ирвин прорвался по левому краю. Я начал двигаться вперед из средней линии. Теперь лишь две вещи решали исход матча: точность подачи Дениса и выбранное время моего рывка в штрафную площадь «Сити». Вырвись я слишком рано, я мог бы оказаться либо в офсайде, либо пробежать мимо мяча. Рвани я слишком поздно — и не успею к мячу, если тот вообще полетит в моем направлении. В ходе игры ты делаешь десятки подобных рывков, но мяч так и не доходит до тебя. Другие рывки также делаются впустую, поскольку ты неверно рассчитываешь их время. Главное, нужно постоянно делать рывки. Такова была моя игра.

Прострел был идеальным — к дальней штанге, за спину защитникам «Сити», которые давно утратили концентрацию. На этот раз я получил свое. Мяч попал мне на ход, и я пробил по нему, практически не опуская на землю. Я отработал свой хлеб еще на неделю. Забив победный гол, я стал на некоторое время героем. Но правда заключалась в том, что этот гол, как всегда и происходит в футболе, был забит благодаря усилиям команды.

Наша победа стала возможной благодаря множеству различных факторов, самым главным из которых был сплав опыта тренера и ведущих игроков команды, которые точно знали, как подойти к выполнению задачи, стоявшей перед нами во втором тайме. Кроме того, мы были наделены необходимыми способностями, чтобы справиться с этой работой. У «Манчестер Сити» не было ни способностей, ни опыта. В матче встречались мужчины против мальчиков. Поэтому мы и выиграли.

Почти во всех отношениях «Манчестер Юнайтед» был воплощением мечты молодого футболиста. С такими великолепными профессионалами каждая тренировка была поучительна и требовала от тебя больших усилий. Я учился, например, настоящему характеру, который противопоставлялся болтовне и нытью. Такие футболисты, как Брюс, Робсон, Кантона и Гари Паллистер, не были особенно разговорчивыми — они просто выполняли свою работу. Пол Инс, «управляющий», как его звали, имел длинный язык, но он также обладал и качествами отличного игрока, и его не нужно было ждать, когда ход игры в решающих матчах доходил до точки кипения.

У Инса был свой, норовистый, характер, и, кроме того, он был моим конкурентом за место в составе. Но я с ним хорошо ладил. Он всегда был заводилой, когда мы выходили погулять и выпить пару-другую рюмок. Петер Шмейхель был великим позером. Он был наделен большим самомнением и зачастую играл на публику. Такова была его натура. Все эти тыканья пальцами и яркая жестикуляция, изображающая отчаяние, говорили болельщикам следующее: посмотрите на меня, я еще долго буду дарить вам свое волшебство, чтобы спасти эту команду. Это была его актерская игра, но мы в основном не обращали на нее никакого внимания, поскольку она помогала ему в тяжелые моменты. К тому же Шмейхель знал свое дело. Он был отличным вратарем. Именно это, а не его выходы, имело важное значение. Баловство недорогого стоило.

Хотя Брайан Робсон все еще не мог набрать нужную форму, в раздевалке чувствовалась его роль лидера. Он пользовался огромным уважением, порой переходящим в культовое поклонение со стороны других игроков. Это во многом объяснялось успехами капитана на футбольном поле, где он был настоящим бойцом — забивал голы, играл в отборе, защищался, отлично действовал «на втором этаже» и управлялся с мячом. Он без тени страха шел в отбор, не боясь получить травму. Когда Алексу Фергюсону приходилось тяжело в его первые годы в клубе, Робсон сражался, как лев, чтобы помочь команде. Он был великим игроком как в «Юнайтед», так и в сборной Англии. Но в его поведении не было и намека на тщеславие. Робсон не скрывал того, что наслаждается жизнью, и обладал сильным характером. Он мог пить так же упорно, как играл и тренировался. Он был очень умным и обладал чувством юмора. Его страстное желание жить помогло ему стать великим игроком и компанейским приятелем во время вечеринок.

В качестве капитана Робсон умело управлял игроками. Тренер консультировался с ним по большинству вопросов, касающихся игроков. Тренировки, организация поездок, любые мелкие вопросы, которые, если их не решить, могут превратиться в большую проблему...

С первого дня моего пребывания в клубе Брайан отлично относился ко мне. Я был застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, пытаюсь привыкнуть к крупным переменам в моей жизни — как на поле, так и вне его, — поэтому слова признания и похвалы значили для меня многое.

После дерби я вернулся в Дублин, в расположение сборной Ирландии, которая проводила в гостях решающий отборочный матч чемпионата мира в Северной Ирландии. Победив нас со счетом 3:1 в Дублине, сборная Испании вышла в фавориты группы в борьбе за путевку в США. За второе место спорили Ирландия и Дания. Если датчане переиграют испанцев в гостях, им достанется второе место в группе. Если же они проиграют — что представлялось наиболее реальным, — то мы едем на чемпионат, избежав, конечно, поражения в Белфасте.

Поскольку мы легко переиграли Северную Ирландию в Дублине со счетом 3:0, стоявшая перед нами задача не выглядела невыполнимой.

Теперь, я полагаю, было бы необходимым сказать, что я испытывал смешанные чувства, играя за Ирландию. Мне нравилось играть девяносто минут на поле, но к остальному я относился холодно. Организация дела в ирландской сборной находилась на самом низком уровне. Футбольная ассоциация делала все не так, как нужно, начиная от условий тренировок, самого тренировочного процесса, организации поездок, формы и медицинского обслуживания.

Попадая в этот бардак после профессионального клуба в Англии, я испытывал шок. Приезжая сюда из «Манчестер Юнайтед», где Алекс Фергюсон делал все, чтобы каждой мелочи было уделено свое самое

скрупулезное внимание, мое чувство отчаяния еще больше усиливалось. Еще хуже, чем из рук вон плохая организация дела, было чувство гордости, которое каждый должен испытывать за то, что ирландцы делают все по-своему. В отличие от других сборных, с которыми нам приходилось встречаться, мы были плохо подготовлены и непрофессионально подходили к делу, да еще и хвастались этим!

Никому другому, кажется, так не нравилось рассказывать анекдоты об отвратительной организации Футбольной ассоциации Ирландии, как Джеку Чарльтону. Его рассказы об этом были неотъемлемой частью послеобеденной рутины, когда рядом с ним находилась большая аудитория. Естественно, он был главным персонажем своих повествований, поскольку заставлял команду отлично играть, несмотря на то, что все были против него. Истории Чарльтона должны были произвести впечатление на слушателей, но, по правде говоря, они были откровенной чушью. Делал ли он все для подготовки футболистов к играм на самом высоком уровне? Если бы мы готовились, как надо, то повысили бы качество своего выступления на 5 — 10 процентов. И этот небольшой вклад имел бы важное значение. Но, судя по всему, тренеру было все равно. Напротив, «очаровательное» поведение ирландцев — делать все через задницу — только лило воду на его мельницу.

Игроки пожимали плечами и криво улыбались, поселившись в очередную убогую гостиницу, потренировавшись на «кочкарнике», не найдя приличного тренировочного костюма или же чего-то более простого, как, например, повязки на лодыжку, и, сев в заднюю часть самолета вместе с болельщиками и журналистами, принимали все как есть, в то время как Джек и другие руководители сборной летели в бизнес-классе. В самом деле, что мы не так сделали? Разве Большой Джек не сотворил чуда, выведя сборную Ирландии на Евро-88 и Италию-90?

Казалось, что предстоящая игра была словно проходным матчем, в воздухе не ощущалось настоящей атмосферы единой цели, никакой готовности, ни чувства того, что игра в среду была единственной причиной, по которой ты приехал сюда. Мы начали заниматься делом лишь в день самого матча.

Религиозная разобщенность в Северной Ирландии оказывала свое влияние на футбол, как и на другие аспекты жизни. «Виндзор Парк», где мы должны были играть, был стадионом «Линфилда». Как и «Рейнджерс» в Шотландии, «Линфилд» считался протестантским клубом.

«Виндзор Парк» был и остается запретной зоной для католиков, если они только не приезжают туда большой толпой поболеть за католический клуб. Из-за множества причин исторического характера лишь немногие представители католической церкви болели за сборную Северной Ирландии. Вместо этого они поддерживали сборную Ирландии. Многие католики Северной Ирландии приезжали на «Лэнсдаун Роуд», чтобы поболеть за сборную Ирландии.

Неудивительно, что атмосфера, царившая на «Виндзор Парк», была наэлектризована. Мы были встречены полными ненависти кричалками: «Фенианские отбросы!» (фений — член тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества. — В.С.) и «Католические ублюдки!». Футболисты нашей сборной, имевшие английские корни, были в замешательстве. Ничего не смыслив в истории, парни, такие, как Энди Таунсенд, Джон Олдридж, Тони Каскарино и Алан Маклафлин, смотрели друг на друга с изумленным видом.

Шокирующим было и то, что злоба исходила не только от мест, где сидела публика победней. Ненависть чувствовалась и на главных трибунах.

Мы легко переиграли Северную Ирландию на «Лэнсдаун Роуд». Теперь соперник был настроен на то, чтобы дать нам бой. Я считаю, что необычная атмосфера стадиона мешала некоторым нашим ребятам сконцентрироваться. Кроме того, меня удивило то, с каким остервенением сопротивлялись футболисты сборной Северной Ирландии. Они всерьез не хотели, чтобы мы вышли на чемпионат мира. Игра для них ничего не значила, за исключением того, что они могли помешать нам выйти на мировое первенство. Держа эту мысль в голове, они делали все, чтобы ее осуществить. К тому же на семьдесят третьей минуте Джимми Куинн вывел их вперед.

К счастью, через три минуты Алан Маклафлин сравнял счет великолепным ударом из-за пределов штрафной. Мы сумели отстоять нужный нам счет до конца, воодушевленные новостью о том, что Испания победила Данию.

Мы вышли в финальный турнир ЧМ-94. Я был рад, конечно, попасть на чемпионат мира, но когда шампанское залило пол раздевалки и празднества продолжились в нашем полуночном полете в Дублин, я чувствовал себя так, словно был лишним на этом празднике жизни.

Моя неприязнь к Чарльтону, отвратительная подготовка к матчам, наша примитивная игровая тактика, все эти похлопывания по плечу и прочая дурь не давали мне насладиться праздником. Я чувствовал себя не в своей тарелке.

Если не произвести кардинальных перемен, на чемпионате мира нас выведут на чистую воду.

После перехода в «Манчестер Юнайтед» я стал жить в отеле «Четыре времени года» возле аэропорта. Это было временное жилье, пока я искал квартиру или дом. Мне было одиноко. Кроме тренировок и игр, заняться было нечем. По крайней мере, раз в неделю я выезжал в Ноттингем, где у меня все еще был дом и старые друзья. Но большую часть времени я проводил, жуя перед телевизором приготовленную в отеле еду. Так как теперь я был «самым дорогим футболистом Британии» и звездой «Манчестер Юнайтед», обед в ресторане отеля доставлял массу неудобств.

Я обнаружил, что мне тяжело справляться с известностью, которая шла в нагрузку к карьере футболиста. Можете говорить об этом как о синдроме плаксивой актрисы. Мне хотелось быть одному. Иногда мне очень не хватало компании. Просто пойти с кем-то поесть или выпить. У других игроков «Юнайтед» были жены, семьи или подруги. И поскольку я не хотел, чтобы кто-то заходил на мою территорию, я пытался не вставать на пути у других. Вероятно, именно отсюда происходит миф о моем затворничестве. Глупость и гордость не позволяли мне сделать первый шаг навстречу дружбе.

Друзья и члены семьи из Корка регулярно приезжали в Манчестер на матчи «Юнайтед». Я заезжал за ними в аэропорт в пятницу вечером, развозил по гостиницам и затем решал, как мне достать билеты, чтобы хватило на всех. Билеты! Каждый игрок «Юнайтед» жил «билетным» кошмаром. Мой случай был более тяжелым из-за крупных размеров семьи Кинов и множества друзей и друзей друзей, которые были поклонниками «Манчестер Юнайтед». В Корке знали: Рой вас не обидит!

Отчаянно стараясь не ударить в грязь лицом и поддержать репутацию человека, который не забывает о старых друзьях, я проводил значительную часть недели, стараясь раздобыть билеты. В этом мне помогал Брайан Робсон. Как капитан команды он распределял билеты между игроками. Самыми важными были билеты в комнату отдыха игроков, где можно было встретиться после матча. Я беспощадно атаковал Роббо. Он был просто супер. Не помню, чтобы он меня когда-либо разочаровал, сколько бы я ни требовал от него.

Нам полагалось четыре билета на матч и два в комнату отдыха. Брайан давал мне шесть или даже семь билетов, когда я его умолял, говоря о том, что мои друзья проделали долгое путешествие из Корка. Иногда ко мне приезжали человек пятнадцать. Иногда я просто покупал десять-пятнадцать билетов, чтобы удовлетворить все нужды. Проблема решена? Как бы не так! Билеты без пропуска в комнату для игроков считались проявлением неуважения с моей стороны. Вновь к Роббо: «Нет ли лишнего билетика в комнату?» Комната отдыха для игроков на «Олд Траффорд» не очень просторна и вмещает порядка сорока человек. После одной игры я насчитал в ней восемнадцать своих родственников и друзей! Иногда проблема с билетами приводила меня в бешенство.

Вначале мне нравилось видеть знакомые лица. После игры мы ходили выпить и закусить. Всех интересовала моя жизнь, а я хотел оставаться близким к тем, кого знал перед тем, как выйти «на подмостки».

Стив Брюс, который в команде был вторым человеком после Брайана Робсона, иногда присоединялся к нам. Благодаря своему опыту он понимал трудности, с которыми сталкивается новичок, пришедший в

«Юнайтед», и особенно тот, который стоил клубу кучу денег и на котором теперь лежит ответственность, заключающаяся в оправдании возложенных на него надежд. Одиночество, бремя возложенных на тебя ожиданий, гостиничная жизнь и новая окружающая обстановка, которая сильно отличается от той, к которой ты привык — как на поле, так и вне его, — могут и делают пребывание игроков невыносимым в любом крупном клубе, включая и «Манчестер Юнайтед». Стив Брюс и Брайан Робсон понимали это и помогали мне привыкнуть к Манчестеру, оказывая помощь как в важных делах (например, билеты), так и в различных мелких — приглашение вместе поесть или выпить. Я чувствовал себя частью клуба, уважаемым и нужным. То, что ничего не имело общего с футболом, на самом деле имело важное значение. Я обрел большую уверенность и чувство причастности к клубу благодаря вниманию, оказанному мне Брюсом и Робсоном, что, в свою очередь, помогло улучшить качество моей игры.

Обычно после бурных выходных я чувствовал себя разбитым в понедельник.

«Ирландский уик-энд, Рой?» — спрашивал меня тренер, когда я появлялся на тренировочном поле утром весь помятый.

«Просто несколько друзей и семья», — отвечал я спокойно.

Алекс Фергюсон был строг, но в то же время часто менял гнев на милость. Если ты обращался к нему с вопросом, он всегда был готов тебя выслушать. Брайан Кидд также мог помочь тебе. Он всегда видел, что ты немного не в себе, и проводил тренировки в щадящем режиме. «Сегодня утром я не буду с вами слишком строг». И вновь, казалось бы, небольшая мелочь, но она имела для меня огромное значение, и я начинал прилагать невероятные усилия для нашего общего успеха на поле. Будучи во главе коллектива сильных личностей, Фергюсон и Кидд, которые и сами обладали сильным характером, понимали, что руководят не какими-то бойскаутами. Ведь те не выигрывают кубки!

Тренер чувствовал, если накануне произошла серьезная пьянка. Я вскоре узнал, что Алекс Фергюсон имел сеть агентов в Манчестере, которые информировали его о том, как ведут себя в обществе его игроки. Манчестер был большой деревней, и ты не мог сделать и шага без ведома тренера.

«Рой, — бывало, подзывал он меня по утрам. — Гулял прошлой ночью?»

«Да, всего несколько рюмок».

«Когда ты приехал домой?»

«Я не уверен, но не слишком поздно», — отвечал я, безнадежно надеясь на успех своих слов.

«Не слишком поздно... Разве ты не заезжал на такси полтретьего этим утром в Динсгейт?». Затем он называл клуб, в котором ты побывал, и точное время, когда ты приезжал домой.

Я вскоре сдался и говорил только правду, когда тренер начинал меня расспрашивать. Честность была лучшей политикой. Многие годы этот тезис срабатывал в мою пользу. Я откровенно признавался, когда находился не в лучшем состоянии, а таблоиды публиковали колкие статьи о моем «ночном стыде», хотя на самом деле в них не было и толики правды, Алекс Фергюсон верил лишь в мою версию событий.

Пьянство и так называемая культура питья в «Манчестер Юнайтед» были весьма чувствительными вопросами в отношениях с тренером. Я хорошо знал, что он боролся с пьянством, когда пришел в клуб. Продажа Пола Макграфа и Нормана Уайтсайда частично объяснялась и тем, что тренер хотел показать, что он не потерпит злоупотребления спиртными напитками.

В наши дни футбол сильно изменился. Теперь ваш пищевой рацион тщательно подбирается. Рекомендуются употреблять сок, фрукты и макароны. Иностранцы тренеры, игроки и диетологи, к услугам которых прибегают все ведущие клубы, убедили нас в необходимости следить за собой. Как новообращенный в эту веру я могу сказать, что тот строгий образ жизни, которого мы сейчас

придерживаемся, привел к существенному улучшению нашего состояния и игры. Английский футбол изменился к лучшему. В этом нет сомнений. Теперь я даже боюсь вспоминать о своих первых годах на «Олд Траффорд», хотя у меня остались самые теплые воспоминания о том времени. Я был молод, счастлив и играл за лучший клуб в стране. Именно в этом, считал я, и заложен смысл жизни. После одиночества первых дней гостиничной жизни я начал наверстывать упущенное. Я стал жить по однотипному графику, в котором все вращалось вокруг выпивки. После игры в субботу вся команда собиралась в «Четырех временах года». Перед гостевыми играми клубный автобус забирал там игроков, оставлявших свои машины рядом с гостиницей. После работы автобус отвозил нас снова туда, и «вечерника» начиналась в «Маллиганс», ирландском баре, расположенном в «Четырех временах года». «Маллиганс» был модным заведением в те времена. Для меня он был идеальным местом — мне было нужно лишь дойти до лифта, чтобы упасть в кровать!

Интересно, что тогда в нашей команде не было затворников, не желающих выпить. Редко когда игрок уходил домой, не пропустив рюмку-другую. Конечно, имелись исключительные обстоятельства, когда людям нужно было сразу ехать домой, но обычно нужно было быть смелым человеком, чтобы отказаться от участия в нашей послематчевой «вечеринке», не приведя в пользу этого веских доказательств.

Когда бар закрывался, мы переходили в ночной клуб, который также располагался неподалеку. Лишь в три или четыре утра, а иной раз и намного позднее я возвращался к себе.

(Теперь все по-другому. Мы встречаемся в «Четырех временах года» перед гостевыми поездками. Но когда возвращаемся, то сразу же садимся в машины и едем домой к своим семьям. Иногда я думаю, что, предложи я Лорану Блану провести «вечеринку» в «Маллиганс», он подумает, что я сошел с ума).

Если «Юнайтед» играл в середине недели, то мое общение с друзьями заканчивалось в воскресенье вечером. Мои ирландские гости уезжали домой, другие игроки шли к своим семьям, и тогда одиночество, которое я испытывал в английском отеле по воскресным вечерам, становилось невыносимым. Я часто посещал два местных паба — «Грифон» и «Стэнфорд». Иногда я туда ходил вместе с Ли Шарпом и Эриком, иногда один.

Ли был на два года старше меня и вел холостяцкий образ жизни. Он играл в «Юнайтед» в течение пары сезонов и был выдающимся игроком. Ли был способен встать на левый край защиты или на место правого атакующего полузащитника. Он был отличным, жизнерадостным и беззаботным парнем. Он мог меня развеселить и любил прожигать жизнь. Ли был дамским угодником. Я никогда не видел, чтобы другой мог произвести такое впечатление на женщин, как Ли.

Проводить ночные вылазки с Эриком Кантона было всегда весело. Он везде привлекал к себе внимание. Даже в «Грифоне», где завсегда и привыкли к посещениям Джорджа Беста и Брайана Робсона, загадочная аура Эрика притягивала к себе людей. Хотя он и производил впечатление отчужденного и погруженного в раздумья гения, что он отлично исполнял, в обычной жизни он был нормальным человеком. Ну почти нормальным. Он никогда не брал с собой денег. Всегда пил шампанское. Я помню, как всполошились продавцы в аэропорту Манчестера, когда он предложил свою золотую кредитку, чтобы расплатиться за пачку жевательной резинки. На вечеринках Эрик любил говорить о футболе. Он обладал обширными знаниями об игре и мог долго говорить о различных тактиках и режимах в европейских клубах.

Вспоминая те дни, я не могу поверить, какой образ жизни я тогда вел. Большинство из нас в «Юнайтед» не видело ничего зазорного в том, чтобы немного выпить за три или четыре дня до матча.

Я чувствовал себя отлично, а у клуба также все было в порядке. «Блэкберн» был нашим ближайшим конкурентом, у которого оставалось три игры в запасе. Когда мы выиграли у «Норвича» в 1/16 финала Кубка Англии и попали на «Уимблдон» в 1/8 финала, люди заговорили о золотом дубле. Игра с «Норвичем» транслировалась по Би-би-си. Эрик и я забили по голу, и мы выиграли со счетом 2:0. Футболисты «Норвича» были настроены решительно, и вскоре завязалась жесткая борьба. Наша позиция команды была проста. Если соперник хочет играть в футбол, пожалуйста. Но если он вышел на

поле и начинает брыкаться, мы тоже были не против этого. Поэтому, когда футболисты «Норвича» начали задирааться и играть жестко, мы отвечали им тем же. В премьер-лиге и сейчас такое можно наблюдать сплошь и рядом. Нужно сразу заявить о себе. Необходимо показать сопернику, что если он настроен на физическую борьбу, то он обречен. Жесткий отбор в самом начале игры является лучшим способом сообщить ему об этом.

В Норвиче Эрик ударил одного из игроков соперника, когда тот лежал на траве. На разных участках поля завязались драки. После игры Джимми Хилл и другие ведущие Би-би-си с раздражением говорили о нашем поведении. Чувство мести вышло из-под контроля, говорили Хилл и его друзья. Конечно, их-то не били. Когда нашего тренера спросили о поведении его команды, а при этом особенно обращалось внимание на Эрика и меня, Фергюсон назвал Джимми Хилла «пустословом». На следующий день газетам не нужно было выдумывать заголовки.

В том же месяце умер сэр Мэт Басби. Мы присутствовали на похоронах вместе с великими игроками «Манчестер Юнайтед» прошлых лет. Я почувствовал мурашки на спине, когда стоял в церкви и слушал хвалебные речи в адрес Басби. Церемония была торжественной. Несмотря на то, что смерть Басби не была моим личным горем, я мог понять чувство потери, которое испытывали множество людей в «Манчестер Юнайтед» и в самом городе. «Юнайтед» Басби был больше, чем футбольный клуб. Басби был пионером своего времени — первым, кто доверил молодым, первым, кто понял важность участия в еврокубках. Мне не нужно было выходить из семейного дома, чтобы увидеть волшебство, которое творится при произнесении имени «Манчестер Юнайтед».

Через пару дней мы играли с «Эвертоном» на «Олд Траффорд». Шотландский волынщик вывел обе команды на поле. Во время минуты молчания атмосфера была наполнена эмоциями. История постоянно напоминала о себе мне, игроку «Юнайтед». В подсознании всегда сидела мысль о том, что этот клуб был не таким, как другие. Ты должен был оправдывать большие надежды. В матче с «Эвертоном» мы утратили концентрацию. События последних дней явно сказывались на нас. Мы играли хреново, но выиграли 1:0 благодаря голу Райана Гиггза.

В ходе серии игр, особенно против так называемых середнячков, включая «Суиндон», «Олдхэм» и «Уимблдон», твоя принадлежность к «Манчестер Юнайтед» проявляется наиболее заметно. Для большинства клубов игры с «МЮ» были самыми важными в сезоне. Неважно, насколько плохо шли их дела в чемпионате, победа над «Манчестер Юнайтед» считалась самодостаточной. Стадионы, которые в лучшем случае обычно заполнялись на три четверти, на играх с «Юнайтед» были забиты до отказа. Болельщики хозяев поля заводились, передавая свой настрой футболистам, которые начинали играть на повышенных скоростях. Старое клише о том, что они воспринимали эти игры как финал Кубка, было верным определением. Поэтому в каждом матче нам было необходимо концентрироваться на все сто процентов, особенно в первые минуты.

Мне нравилась напряженность гостевых матчей «Юнайтед». Над нами не довлела опасность самоуспокоения, и я считал, что благодаря этому я непрерывно совершенствую свою игру. Самое главное, что задевало нас за живое, было то, что соперник выходил на поле, чтобы сделать себе имя, расправившись именно с нами. Какого хрена они не выкладываются каждую неделю? Может быть, тогда им не пришлось бы играть за эти чертовы «Норвич» или «Суиндон»? Поэтому мы не отступали, оказавшись в таких обстоятельствах. Нужно отвечать агрессией на агрессию, и тогда в конце матча класс побьет все остальное.

На Пасху, решающий период в премьер-лиге, в моей личной жизни наступили волнующие события: женщина, которую я любил, согласилась жить со мной в Манчестере. Теперь, когда она перебралась ко мне домой, моя жизнь вне поля стала более целостной. У меня появились цели и задачи. Тереза ждала нашего первенца, и это обстоятельство заставляло меня и дальше расти.

Нам понадобилось два матча, чтобы обыграть «Олдхэм» в полуфинале Кубка Англии. Нашим соперником по финалу был «Челси», который дважды обыграл нас в чемпионате. В лиге мы выдали серию из шести матчей без поражений. Самой важной игрой стала гостевая встреча с «Лидсом», в

которой мы одержали победу 2:0. Притязания «Блэкберна» на чемпионство были перечеркнуты после его гостевого поражения от «Ковентри».

Мы сыграли вничью — 0:0 с «Ковентри» на «Олд Траффорд» в последнем матче чемпионата этого сезона. Для Брайана Робсона этот матч был особенным — им он заканчивал свои выступления за «Манчестер Юнайтед». Роббо был одним из великих игроков своего поколения, легендой «Олд Траффорд», которого любили и почитали, как и любого другого выдающегося в прошлом футболиста «Юнайтед». Конечно, я хорошо помню тот день, так как впервые выиграл медаль чемпионата, но самым запоминающимся стал прием, оказанный Брайану болельщиками после того, как он поднял чемпионский кубок.

Игроки «Юнайтед», тренеры и работники клуба также находились под впечатлением от происходящего, как и поклонники нашей команды. Для нас всех Брайан Робсон казался воплощением профессионального футболиста. Он был почти идеальным игроком: забивал, отнимал, играл в пас, был хорош на «втором этаже», готовым к каждой игре, не боялся вступить в бой и вел за собой своим примером. Роббо был капитаном сборной Англии и клуба, но не обладал комплексом звезды. Он был весьма влиятельной фигурой в «Юнайтед», когда я перешел в клуб. Во всех делах, крупных и незначительных, как на поле, так и вне его, он всегда задавал тон. Основные игроки определяют стиль большинства команд. Характер чемпионской команды Алекса Фергюсона определялся Брайаном Робсоном больше, чем каким-либо другим футболистом. Теперь он переходил в «Миддлсбро» в качестве играющего тренера. Это стало большой потерей и для Алекса Фергюсона, и для нас.

В следующее воскресенье мы обыграли в финале Кубка Англии «Челси» на «Уэмбли». Эрик реализовал два одиннадцатиметровых и навел нужный лоск на табло, которое ласкало наш взор. Я был на седьмом небе от счастья, выиграв золотой дубль уже в свой первый сезон в «Юнайтед».

Дубль стал плодом усилий всей команды. Эрик записал на свой счет двадцать пять голов, Марк Хьюз — двадцать один, Райан Гиггз — семнадцать, Андрей Канчельскис — десять, Пол Инс — девять, а Ли Шарп — одиннадцать. В премьер-лиге мы пропустили тридцать восемь голов, что составило в среднем меньше одного гола за игру. Вспоминая тот сезон, я понимал, что самым главным достижением для меня стало постоянное место в основном составе.

«Рад, но не потерял голову» — возможно, самое точное описание моего настроения, которое я испытывал, когда вместе с Денисом Ирвиным отправился на чемпионат мира в Соединенные Штаты в составе сборной Ирландии.

Единственная задача, стоявшая перед нами, — избежать позора. Четыре года назад более сильная ирландская сборная достигла четвертьфинала в Италии-90, где проиграла с минимальным счетом хозяевам первенства. Я тогда наблюдал за чемпионатом по телевизору и вместе со всей страной с удивлением следил за достижениями нашей команды.

В своей первой игре чемпионата мы встречались со сборной Италии в Нью-Йорке. Другими нашими соперниками по группе были Мексика и Норвегия. Для подготовки к жаре и большой влажности наш тренировочный лагерь расположился в Орландо, штат Флорида. Условия подготовки, предоставленные американцами, были идеальны. Единственная мысль, которую вкладывали в тренировки Большой Джек и его помощник Сеттерс, состояла в том, чтобы гонять нас до полусмерти каждый день. Они считали, что мы так привыкнем к тяжелым нагрузкам и поэтому сможем устоять до конца в матчах.

Большинство ставило на то, что Италия станет чемпионом мира. Кроме великих защитников в лице Мальдини и Барези у них был первоклассный игрок атаки Роберто Баджо, а также Дино Баджо и Донадони в полузащите. Многие с сомнением относились к необходимости проведения чемпионата мира в США под палящим солнцем в середине лета. Было ясно одно: жара не будет на руку тактике Чарльтона «бей-беги». Он сделал единственную уступку влажности, подготовив обильные запасы воды у бровки поля. Теперь наш план был «пей-беги». Но, как это было всегда в ирландской сборной, наш дух был крепок. В автобусе по пути к «Джайнтс Стэдиум» мы пели песни ирландских повстанцев, в

которых рассказывалось об английском ярме и славной борьбе героев Ирландии. И о том, как их убивали. Или вешали. Футболисты с английскими корнями пели так же задорно, как и остальные.

Тысячи ирландских болельщиков приехали в Америку. Мы ожидали хорошей поддержки, в Нью-Йорке имелась огромная итало-американская община, во многом превосходящая ирландскую. Мы полагали, что стадион в своих пристрастиях разделится примерно пополам. К нашему удивлению, мы были встречены трибунами, раскрашенными в цвета ирландского триколора, когда вышли на предматчевую разминку. Было установлено, что в ту субботу на «Джайнтс Стэдиум» присутствовало 50 000 болельщиков сборной Ирландии, что само по себе было просто невероятно!

«Джайнтс Стэдиум» походил на огнедышащую печь. Я никогда не испытывал подобной влажности. Было трудно дышать, я уже не говорю о том, чтобы бежать.

Итальянцы начали матч в своей осторожной манере. Они были только рады играть в пас и заставлять нас бегать. Пока было рано говорить о том, что игра приняла определенный ход. Однако, зная о присутствии Роберто Баджо в стане соперника, мы думали, что моментальная потеря концентрации может стоить многого. На руку нам было то, что в нашем составе имелось множество опытных игроков. Пэки Боннер, Денис Ирвин, Стив Стонтон, Джон Олдридж, Рэй Хафтон, Энди Таунсенд и Пол Макграф, который проводил свои лучшие дни в «Астон Вилле».

Поскольку итальянцы не предприняли наступательного натиска в первые минуты матча, мы мало-помалу начинали завладевать инициативой. Болельщики помогали нам своей неистовой поддержкой и играли на нервах итальянцев. Словно из ничего, Рэй Хафтон забил гол. В штрафную итальянцев был наугад отправлен мяч с длинной дистанции. Барези, который обычно играет спокойно, выбил мяч, и тот попал к Рэю, стоявшему в тридцати метрах от ворот. Рэй обработал мяч, продвинулся на пять метров и пробил с подрезкой. Итальянский голкипер Пальюка выдвинулся с линии ворот, ожидая сильного и точного удара. Однако Рэй не попал как следует по мячу, и тот взлетел вверх и опустился за головой Пальюки в сетку ворот. Я так и не понял, как все произошло. Но это было неважно — в счет шли любые голы.

Во второй половине встречи итальянцы в течение двадцати пяти минут подряд не давали нам спуска. Мы оказались словно загнанными в угол. Пэки сделал пару великолепных «сэйвов». Я играл перед четверкой защитников, уделяя особое внимание Роберто Баджо, который то и дело уходил от своих опекунов. Именно такие моменты особенно ценят настоящие игроки. Битва требует от тебя как сообразительности и спокойствия духа, так и мастерства. Итальянцы, несомненно, обладали лучшим подбором игроков. Но на поле шла борьба духа.

Великий Пол Макграф проявил все эти качества, которые потребовались от нас в течение получаса в тот день на «Джайнтс Стэдиум». Для него определение «великий» подходило как ни для кого другого. Известный своим самообладанием, умением обращаться с мячом и уникальным талантом чтения игры, Пол показал в тот день все эти характеристики. Одним из главных его качеств был кураж. Когда итальянцы подходили к воротам, Пол представлялся им непреодолимым препятствием. Ему в конце удалось деморализовать Роберто Баджо и других итальянских игроков.

Это был удивительный матч, фантастическое начало чемпионата мира. В определенные моменты нам удавался неплохой футбол в пас. Подобное иногда случалось со сборной Ирландии Джека Чарльтона, когда она была в ударе. Забывали об установке на игру и просто играли так, как делали это в своих клубах.

Ирландские болельщики находились в отличной форме после победы, которая, возможно, была самой великой в нашей истории. Они праздновали так, словно мы выиграли чемпионат мира. Но я не испытывал иллюзий относительно того, что мы сделали на самом деле. Мы взяли верх над итальянцами, находившимися не в лучшей форме, и стали не первой сборной, которой это удалось.

Чемпионат мира для сборной Ирландии, можно сказать, закончился в тот день на «Джайнтс Стэдиум».

Жара во Флориде, где мы встречались со сборной Мексики, была невыносима, намного хуже, чем в Нью-Йорке. Соперники, переигрывали нас на всех участках поля. Они играли в пас, а мы бегали. Температура была более 43 градусов по Цельсию. За семь минут до конца матча мы сократили отставание в счете — 1:2. Этот гол Джона Олдриджа позволял нам сыграть вничью со сборной Норвегии в последнем матче группы, чтобы выйти в следующий круг.

Назад в Нью-Йорк. Наш матч с Норвегией, закончившийся нулевой ничьей, вполне мог рассчитывать на звание самого скучного в истории чемпионатов мира. После перепалки с помощником судьи в предыдущем матче Большой Джек был удален с тренерской скамьи и наблюдал за матчем из телестудии ITV. Сетгерс держал контакт с национальным героем через рацию.

Снова едем во Флориду. Переезды и жара начали оказывать свой негативный эффект на всех наших футболистов. Начинать матчи во Флориде в полдень было чьей-то злой шуткой. Это подходило телевизионщикам, но убивало игроков. Играть в футбол Чарльтона в таких условиях представлялось просто невозможным. Однако он продолжал верить в себя.

Нашим следующим соперником была сборная Голландии, команда настоящего мирового класса с такими игроками, как Деннис Бергкамп, Марк Овермарс, Франк Рейкаард, Рональд Куман и Франк Де Бур. Мы прибегли к нашей обычной тактике и проиграли 0:2.

Я думал, что ЧМ-94 показал всем грубый и примитивный подход Чарльтона к игре. У него не было никаких запасных вариантов, ничего.

Судя по вестям из дома, нация нами гордилась. Были вывешены флаги, чтобы отдать честь команде, переигравшей сборную Италии. Остальные события в США-94 были стерты из памяти. Мы вернулись, словно завоеватели, Большой Джек возглавлял парад. Я смутно помню прием у президента и остальные детали празднования нашего прибытия. Хотя я и был признателен всем, кто вышел на улицу, чтобы оказать нам свою поддержку, но, как и большинство игроков, пресытился всем этим. Нам нечего было праздновать.

VII

Сезон 1994 — 95 годов считался на «Олд Траффорд» провальным. Мы заняли второе место в премьер-лиге, отстав на очко от «Блэкберна», и проиграли «Эвертону» в финале Кубка Англии. Мы также не смогли выйти из группы в Кубке чемпионов, который теперь имел новый формат и назывался Лигой чемпионов.

Еврокубки, конечно, стояли первыми в нашей шкале ценностей. Но, чтобы иметь возможность успешного выступления в Европе, нам было необходимо победить в премьер-лиге. Поэтому давление ощущалось с первого дня. Но оно шло на пользу. Зная, что от «Юнайтед», выигравшего два последних чемпионата, ожидают только победы, мы еще выше подняли планку нашего уровня игры. Множество игроков жалуются на постоянное давление со стороны. Но если ты хочешь достичь чего-то крупного, ты должен понять, что в период между августом и маем у тебя не будет времени расслабиться. И так каждый год. Чем больше ты выигрываешь, тем больше с тебя спрос. Чем больше ты стараешься выполнить эти требования, тем лучше ты играешь. Это приятное давление. И, конечно, чем большего успеха «Юнайтед» достигал в эти годы, тем сильнее и печальнее ощущалась горечь неудач — игроками, болельщиками, и в первую очередь Алексом Фергюсоном. Любой игрок, испытывающий иллюзии по поводу того, что его репутация или трофеи, полученные в прошлом сезоне, гарантируют ему место в основном составе, вскоре понимает, что в «Юнайтед» все обстоит по-иному. Сезон 1994/95 это доказал.

Хотя я и пробился в основной состав, я никоим образом не успокоился. В ходе прошлого сезона я все больше и больше брал на себя обязанности плеймейкера по совету Брайана Робсона и... забивал меньше голов. Смотря старые игры по телеканалу «Манчестер Юнайтед», что делаю и по сей день, я приходил в ужас от того, как без выдумки и просто я играл в некоторых матчах, в которых тогда ощущал себя на высоте. Физически я и близко не подходил к оптимальной форме по причине своего разгульного образа жизни, а в моей игре в пас отсутствовали воображение и мягкость. Инстинктивно я тогда

чувствовал это... Но я играл в лучшей команде страны, что само по себе должно было говорить о том, что все идет как надо. Даже если, как показывают старые записи, мне было много чему еще учиться.

Еще одним источником давления на нас в сезоне 94-95 стало появление молодых талантов в дубле. О команде, победившей в молодежном Кубке в 1992 и 1993 годах, уже говорили в течение последних двух лет. Райан Гиггз сразу же попал в основу первой команды. Другие уже были готовы последовать его примеру. Люди в клубе, как и болельщики — настоящие болельщики, следившие за дублерами, а не те, кто поедал на трибунах сэндвичи с креветками, — спорили о том, кто будет следующим резервистом, который застолбит себе место в основе первой команды.

Пол Скоулз был выдающимся футболистом, прекрасно играющим в пас, забивным полузащитником, упрямым и трудоспособным парнем, никогда не уклоняющимся от борьбы. Ники Батту также прочили светлое будущее. Еще один футболист средней линии, который мог играть засучив рукава и забивать голы, — Дэвид Бекхэм. Он был лондонцем, но болел за «Юнайтед» всю свою жизнь. Бекс обладал отличным ударом и умел играть как на правом краю, так и в полузащите.

Горячие споры шли о том, кто лучше из братьев Невиллов — Гари или Фил? Гари был весьма зрелым игроком, который мог играть справа или в центре защиты. Пол обладал более разнообразным арсеналом технических средств и умел выполнять роль защитника на любом месте. Кейт Гиллеспи из Северной Ирландии слыл великолепным фланговым нападающим.

С самого начала мы знали, что у этих ребят все получится. Они тренировались с первой командой и чувствовали себя в ней как рыба в воде. Они были не только хорошими футболистами, но и уверенными в себе парнями, всегда держались вместе и были не разлей вода как на поле, так и за его пределами. Они были командой, и против них было трудно играть в тренировочных матчах, которые тренер затевал время от времени, чтобы мы не расслаблялись. Эти игры проходили в жесткой борьбе. Обеим командам было что доказать. В ход пускались самые жесткие подкаты, а качество футбола было невероятным. Они отчаянно хотели доказать, что готовы выступать за первую команду, мы же желали сказать, что нас еще рано списывать со счетов. Не было бы преувеличением сказать, что тесты, которыми подвергали нас молодые дублеры «Юнайтед», были намного труднее, чем в матчах с нашими соперниками в премьер-лиге. Мы чувствовали, что появление Бекхэма, Невиллов, Батта, Скоулза и Гиллеспи в списке состава первой команды было лишь делом времени. Теперь приходилось гадать, кто из игроков основного состава уступит дорогу молодым футболистам.

Первая неудача сезона постигла нас в Лиге чемпионов. Жребий свел «Юнайтед» с «Гетеборгом», «Галатасараем» и «Барселоной» в одной группе, откуда дальше выходили лишь две команды. Мы не смогли справиться с задачей. «Барселона» разгромила нас со счетом 4:0 на «Камп Ноу», пошла дальше по турнирной сетке благодаря лучшей разности забитых и пропущенных мячей. Из-за регламента УЕФА мы не могли выставить на поле больше трех иностранцев (и не более двух «ассимилированных игроков») на матчи Лиги чемпионов. Поэтому перед каждым матчем тренер сталкивался с трудной задачей. Он был вынужден решать, кого ставить на игру — Петера Шмейхеля, Эрика Кантона, Андрея Канчельскиса, Дениса Ирвина или меня. В угоду правилам УЕФА мы должны были жертвовать опытом и мастерством.

Но, несмотря на то, что регламент турнира, касающийся иностранных игроков, никоим образом не шел нам на пользу, это не может служить объяснением наших неудач. Если мы и были вынуждены оставлять на скамейке запасных талантливых игроков, то подобное требовалось и от других клубов. Наш провал в Европе объяснялся двумя основными факторами.

Во-первых, наш стиль игры был адаптирован к английскому чемпионату, где темп был сумасшедшим от начала и до конца и в нем отсутствовали тонкость и тактическая гибкость, с которой мы обычно сталкивались в Европе. Игра европейских клубов была более тонкой и умной, чем в премьер-лиге, а ошибки тут же наказывались. Во внутреннем чемпионате мы могли действовать небрежно в атаке, и если теряли мяч у чужих ворот, то вскоре вновь им овладевали. В защите же ошибки, в отличие от еврокубков, не приводили к серьезным последствиям.

Другой и, на первой взгляд, ничем не проявляющей себя проблемой являлись вредные привычки, которые укоренились и приобретались неделю за неделей в наших играх в премьер-лиге. Большую часть времени нам не нужно было играть в полную силу. На «Олд Траффорд» большинство команд выбрасывало белый флаг, почувствовав, что запахло поражением. Они сражались по-настоящему примерно двадцать минут. Большинство же гостей не верило в свой успех, лишь отбивало номер на поле и останавливались в буквальном смысле, когда мы выходили вперед.

Гостевые же матчи были совсем другим делом. Перед своими болельщиками соперник искал свою удачу, но на большинстве полей, за исключением «Энфилда», «Хайбери», «Элланд Роуд» или «Ивуд Парк», где «Блэкберн» и Далглиш показывали всю свою мощь, нам нужно было просто выходить и бороться в ожидании момента, когда скажется класс Эрика Кантона или Марка Хьюза. Статистика моих трех сезонов в «Юнайтед» говорит о многом. В то время как мы неизменно терпели неудачи в Европе, мы проиграли лишь шестнадцать матчей из 122, сыгранных в премьер-лиге. Правда заключается в том, что как тогда, так и в настоящее время успех в чемпионате Англии достигался малой кровью. Относительно легкий успех развивал у нас вредные привычки, которые проявляли себя во встречах с чемпионами других стран.

Премьер-лига разрасталась, словно монстр, который был весьма привлекателен и приносил большие деньги игрокам, агентам и Sky Television, чьи кривые продаж спутниковых «тарелок» взмыли ввысь благодаря футбольным трансляциям. В ответ Sky Television вкачивало все больше и больше денег в футбол.

Я подписал свой первый коммерческий контракт со спонсором бутсов Diadora в начале сезона 1994 — 95 годов. Теперь я зарабатывал больше, чем мог об этом мечтать.

По мере роста премьер-лиги разрастался и коммерческий успех, сопутствовавший ей. Видео, книги, спонсорские сделки, интервью с целью продвижения товара на рынке. Магазин «Манчестер Юнайтед» превратился в супермаркет, и планировалось вскоре сделать целую сеть таких магазинов.

Среди этой шумихи раздевалка и тренировочное поле казались оазисом разума. Целеустремленность тренера и его неутомимая жажда к движению вперед постоянно напоминали нам о том, что главной задачей являлось завоевание как можно большего числа призов. Алекс Фергюсон каждое утро первым приходил на тренировки. Он оставался на поле до самого конца работы. Он не пренебрегал самыми мелкими деталями. Тренер наблюдал за каждым игроком, стараясь заметить признак притупившегося аппетита, снижение требований на тренировке и проявление вредных привычек. Ничто не могло скрыться от его пристального взгляда.

В начале января тренер приобрел Энди Коула из «Ньюкасла» за 7 миллионов фунтов. Кейт Гиллеспи перешел в «Ньюкасл» в рамках этой сделки. Коул был хорошим бомбардиром в «Ньюкасле». Голы в составе «Юнайтед» за последние годы представлялись неразрешимой проблемой для большого количества самых лучших бомбардиров. Если у Энди все получится, то трансферный рекорд будет поставлен не зря. Эрик и Андрей Канчельскис неизменно поражали ворота соперника в течение всего сезона. Марк Хьюз тоже внес свою лепту.

Поскольку сумма трансферных сделок и зарплата игроков достигли астрономических размеров, преданность клубу стала цениться еще больше. В прессе в связи с переходом в другую команду все чаще стали появляться фамилии наших трех игроков. Ходили слухи о том, что Пол Инс собирался в Италию. Кроме того, постоянно говорили о желании Андрея Канчельскиса и Марка Хьюза подыскать себе новый клуб. Об Андрее говорили всякое, а самым тревожным слухом было сообщение о том, что якобы к нему проявляет интерес русская мафия. Я так и не узнал, что происходило с ним на самом деле.

Однажды утром Стив Брюс пришел в раздевалку с чеком на пятнадцать «штук». Первая команда получила немного денег за съемки одного видеоролика, и теперь их нужно было поделить на восемнадцать футболистов. Пытаясь выяснить, сколько кому причитается, мы решили бросить жребий, чтобы вся сумма досталась одному. Кроме того, можно было взять свою часть — около 800 фунтов. Некоторые молодые футболисты получали столько за две недели. Они взяли свои деньги. Только Пол

Скоулз и Ники Батт решили пойти ва-банк и вложить свою долю в общий джекпот, который составил около 12 тысяч после всех выплат. Когда был брошен жребий, то выигрыш достался Эрику Кантона. Он получил свой чек. И свою долю усмешек. На следующее утро Эрик пришел с двумя чеками по 6 тысяч на Пола и Ники. Это была их награда за риск, объяснил Эрик. Это было так похоже на него! Он вновь поразил своим неожиданным ходом. От него веяло чем-то высоким и пониманием того, что молодые парни нуждаются в деньгах больше, чем он сам. Двенадцать «штук» было большой суммой для красивого жеста даже в те сравнительно процветающие времена.

На поле Эрик показывал действительно первоклассный футбол. В матче с «Блэкберном» на «Олд Траффорд», в котором, можно сказать, разыгрывались шесть очков, Эрик забил победный гол. Если мы выиграем чемпионат, то он побьет рекорд из четырех подряд чемпионских титулов — три с нашим клубом и один с «Лидсом».

Встречаемся в гостях с «Кристал Пэлас» — в этой встрече мы должны одержать победу. Мы обыграли этот клуб со счетом 3:0 на своем поле, и в этом матче, казалось, все было решено после первого гола Эрика. Я чувствовал себя в порядке и думал про себя: «Это проходной матч, нет проблем». Но усилия соперников приводят к тому, что порядок бьет наш класс. Однако при счете 1:1 всегда есть надежда, и особенно на Эрика, что он сможет создать, словно ниоткуда, шанс для взятия ворот.

Но Эрик повздорил со своим опекуном Ричардом Шоу. Простая мелочь, ничего серьезного. Дергание за майку, нарушение правил и пара слов друг другу. На это ты не должен обращать внимание, но соперник всегда таким образом старается дезориентировать тебя, и с Эриком это у него зачастую проходит.

Эрик теряет контроль и ударяет Шоу. И покидает поле. Болельщики сходят с ума. «Селхерст Парк» забит до отказа. Некоторые фразы, которые доносятся с трибун, просто шокируют тебя. Расистские выкрики, речевки о личной жизни футболистов (Эрик от этого тяжело страдал), грязь, из-за которой ты начинаешь думать: зачем люди ходят на футбол и еще насмеваются над катастрофой в Мюнхене! Что это? Ответ один: английский футбол.

Когда Эрик пошел в раздевалку, игра возобновилась. Мы остаемся вдесятером. Теперь началась настоящая борьба. Без Эрика. Вдруг на дальней от меня бровке я заметил какое-то оживление. Что-то случилось.

Этот эпизод будет бесконечное количество раз прокручиваться по телевидению в ближайшие недели. Какой-то придурок попытался разозлить Эрика у входа в туннель. Эрик ответил ему не сразу. Но потом повернулся и напал на своего обидчика. Брюс Ли гордился бы ударом Эрика в стиле кунг фу. Хорошо, что он был в бутсах без шипов. Он всегда играл без шипов.

Игра закончена — ничья 1:1, и в раздевалке воцарилось молчание. Группа директоров, один из которых — Морис Уоткинс, юрист клуба, проводят с Фергюсоном совещание. Эрик сидит, повесив нос, уткнувшись лицом в колени. Полицейские стоят в коридоре.

Моя первая реакция: ничего не случилось. Эрик играл честно! Я бы, может, и сам так поступил. Приехав домой и включив телевизор, я увидел, что дело швах. Это был серьезный инцидент, а Эрик, конечно, потерял над собой контроль. Но мое отношение к нему не изменилось. Мое сердце было с ним. Все ребята ощущали примерно то же самое. Мы не похлопывали его по плечу и не одобряли его поступок, но Эрик был отличным парнем, и мы не собирались от него отворачиваться.

Очевидно, что клуб попал в серьезную передрягу. Тренер был рассержен. Для него случившееся было тяжелым испытанием, особенно когда об этом на каждом шагу трубила пресса. Пожизненная дисквалификация! Вон из страны! Пресса наслаждалась. В течение нескольких недель наш тренировочный стадион «Клифф» находился в осаде. Ворота были закрыты, но журналисты вскарабкивались на стены с помощью веревочных лестниц и делали фотоснимки.

Эрик сдался, нанял хорошего адвоката и «отпахал» по приговору суда на общественных работах, проведя несколько интересных тренировок с местными ребятами. У клуба не было другого выбора,

как дисквалифицировать его до конца сезона. Все, конец фильма. Жизнь продолжается, и тебе иногда нужно переносить невзгоды.

Мы одержали победу в восьми из девяти последующих играх, пропустив в чемпионате лишь один гол от «Эвертона», которому мы уступили 0:1.

Скандал вокруг Кантона еще не утихал. Ему предстояло предстать перед дисциплинарным комитетом ассоциации и пройти слушания в суде по обвинению в нападении. В полуфинале Кубка Англии в соперники нам достался «Кристал Пэлас». Мы показали посредственный футбол в первом матче на «Вилла Парк». Футболисты «Пэласа» практиковали футбол в длинный пас, совсем как команды Джека Чарльтона, против которых трудно играть, особенно когда такая тактика сочеталась с жестким прессингом со стороны соперника. Матч прошел в контексте происшествия с Кантоном — в этом не было никаких сомнений. Это было на руку соперникам. После дополнительного времени матч закончился вничью — 2:2.

Перед переигровкой тренер говорил об умопомрачении Эрика, предупреждал нас, чтобы мы были осторожны: «Ведите себя как следует. Вы знаете, что игроки «Пэласа» агрессивны, не поддавайтесь». Легко сказать, а трудно сделать. Английский футбол агрессивен по своей природе. Эту жесткую реальность я сполна ощутил в первом тайме. Даррен Питчер сильно ударяет меня и травмирует лодыжку. Больно. В перерыве доктор накладывает мне семь швов. Тренер спрашивает, смогу ли я продолжить матч. Дайте посмотреть, как все пройдет в начале тайма, говорю я ему. Это полуфинал Кубка, говорю я себе, соберись. Желание? Страх? Сумасшествие? Не знаю. Проиграй — и весь сезон пойдет насмарку. Внутренний голос, призывающий избегать конфликтов, особенно опасен для игроков «Юнайтед», где всегда есть кому сделать твое дело вместо тебя.

По истечении пятой минуты второго тайма тренер интересуется, в порядке ли я. Конечно, я не в порядке, но думаю, что могу бегать, преодолевая боль. Еще пять минут? Он соглашается. Гарет Саутгейт вступает со мной в борьбу, не нарушая правил, но задевает мою правую лодыжку, на которую только что наложили швы. Да чтоб тебя! Я встаю и наступаю на него. Боль, злоба, отчаяние. Я знаю, что не прав. «Какого хрена ты думал?» — спрашивает меня тренер. Я только и делаю, что извиняюсь.

Моя первая красная карточка в английском футболе значительно осложнила и без того незавидное положение Алекса Фергюсона. Хотя мы и обыграли «Пэлас» со счетом 2:0, результат оказался в тени очередного «дня стыда» «Манчестер Юнайтед». Газеты требовали от ассоциации наказать меня для устрашения других. Им было мало обычной трехматчевой дисквалификации за удаление. Я опозорил игру и должен понести адекватное наказание. Ни слова о Даррене Питчере и о моей лодыжке и семи швах. Никакого понимания того, что на поле играли две команды и что на «Вилла Парк» именно «Кристал Пэлас», а не «Юнайтед» навязывал физическую борьбу. Прыжок Эрика в стиле кунг фу и реакция клуба на это являлись фоном всему происходящему.

Кроме того, что Эрик был дисквалифицирован до конца сезона, на него наложили максимальный штраф в 20000 фунтов, что составляло двухнедельный заработок. Однако Алекс Фергюсон сопротивлялся требованиям продать Кантона или разорвать с ним контракт. Пресса, и не только спортивная, требовала крови. Если тренер не задаст Эрику перца, то тогда таким образом газеты поступят с самим тренером. Он требовал мужества от игроков, и теперь он демонстрировал эту черту характера сам. Он не отступал от своего мнения, которое в нашей раздевалке разделяли и другие, о том, что, хотя Эрик и потерял контроль над собой, он не совершил ничего такого, что бы поставило крест на его карьере.

Несмотря на то что Алекс Фергюсон постоянно меня отчитывал при личных контактах, в прессе он стоял на моей стороне. В пятницу после игры я вместе с тренером присутствовал на пресс-конференции. Я извинился за инцидент на «Вилла Парк» и показал журналистам поврежденную лодыжку. Судя по всему, она не произвела на них никакого впечатления.

Ассоциация не стала сопротивляться тем, кто требовал моей головы. Меня обвинили в том, что я опозорил игру. В ходе слушаний дисциплинарного комитета в Лондоне на меня наложили

автоматическую трехматчевую дисквалификацию и штраф в размере 5000 фунтов. «Юнайтед» оштрафовал меня на недельную зарплату. Хорошо, что хоть я могу сыграть в финале Кубка.

Судьба чемпионства решалась в последнем туре. Если мы обыграем «Вест Хэм», «Блэкберну» также понадобятся три очка на «Энфилде». За двадцать минут до конца счет в наших матчах был 1:1. Мы создали невообразимое множество моментов для взятия ворот. Эти шансы упускались один за другим. Это явно был не наш день, и счет так и остался без изменений. А вот на «Энфилде» «Ливерпуль» забил победный гол под занавес встречи. «Блэкберн» не выдержал экзамен...

В финале Кубка «Эвертон» выиграл у нас со счетом 1:0.

Если бы только Эрик сохранил самообладание на «Селхерст Парк»! Я не сомневаюсь в том, что вместе с Эриком мы бы завоевали второй золотой дубль. Но даже и без него мы могли бы сделать это, не потратив мы столько сил и энергии из-за скандала и его последствий.

Я безгранично уверен в том, что футбол — командная игра. Чтобы стать великим тренером, тебе нужны великие игроки или, по крайней мере, футболисты, имеющие самый профессиональный подход к своему делу. Чтобы достичь успехов как игрок, тебе нужно выступать за нужный клуб в нужное время и вместе с другими хорошими футболистами. Алекс Фергюсон принимал и принимает решения, определяющие судьбу футболистов «Манчестер Юнайтед». Без соответствующей структуры, команды, правильной подготовки ни Рой Кин, ни Дэвид Бекхэм, ни Эрик Кантона, ни другие «звезды» не сияли бы так ярко, а возможно, и вовсе угасли.

Большинство тренеров-управленцев вовсе не занимаются управлением. Они выбирают состав, покупают игроков, навязывают свою тактику, заигрывают с руководством клуба и прессой. Потом их увольняют. Фергюсон отличается от остальных. Он знает «Манчестер Юнайтед» от и до; наблюдает за матчами резервистов так же пристально, как и за играми первой команды; знает об игроке молодежной команды, его привычках, сильных и слабых сторонах, как и о футболистах первой команды, от которых зависит успех клуба. Он известен своей скрупулезностью и придирчивостью к каждой детали. Но что это значит на самом деле?

Это значит — повышенное внимание ко всем факторам, которые могут повлиять на развитие клуба: где вы провели прошлую ночь; с какими друзьями ты водишься; когда дать отдохнуть игроку, проявляющему признаки усталости на тренировках; когда бросить в бой молодого игрока, дав ему возможность показать себя в премьер-лиге, когда опытный ветеран уже не может справиться со своими обязанностями; кого покупать, кого продавать; когда выезжать на гостевые матчи; в каком отеле будет игрокам спокойно, но вместе с тем и не скучно; твоя диета; последние разработки в области медицины; решение личных проблем игроков — понимание и человечность; обеспечение всем необходимым, чтобы в «Манчестер Юнайтед» его игроки обладали максимальной поддержкой для концентрации исключительно на том, что является важным в любом футбольном клубе — результате. Размах и масштаб его деятельности в клубе огромны. Можно привести множество примеров. Вот один из них. Понимая постоянно растущее давление на игроков и их семьи и то, какое негативное влияние оно может оказывать, Фергюсон в прошлом сезоне распорядился организовать детские ясли при «Олд Траффорд», чтобы жены футболистов и их дети могли посещать домашние матчи, чувствуя себя в уюте. Вроде бы пустяковое дело, но в то же время имеющее большое значение, подчеркивающее важную роль в жизни футболистов жен и подруг. При таком подходе к делу жизнь игроков стала немного легче.

Алекс Фергюсон каждое утро приходил на тренировки. Его присутствие чувствовалось, даже когда он был в своем кабинете. Он незаметно выходил на поле, смеясь, шутя, болтая по своему мобильнику. Он всегда наблюдал, выискивая либо положительные, либо отрицательные стороны в игроках, которые заботили его больше других на данный момент. Два, три, а то и больше футболистов всегда находились в поле его зрения. Кого оставить на скамейке запасных, кого выставить на матч? Кого нужно подгонять пинками под зад? Кого нужно похлопать по плечу?

Заглаживание скандала вокруг Эрика Кантона и в то же время решение десятков других неотложных дел откроет вам почти все, что вы хотели знать об искусстве управления и Алексе Фергюсоне. Эрик

совершил серьезный проступок. Подобные обстоятельства были беспрецедентны для футбола. Нигде ни одному тренеру не приходилось сталкиваться с таким испытанием. Для начала вам необходимо отложить в сторону учебник по тренерскому и управленческому искусству. Фергюсон руководствовался исключительно инстинктами. Управление отождествляется с принятием решений, и первое решение Фергюсона, которое в дальнейшем будет влиять на все последующие его шаги, состояло в том, что, хотя Эрик и потерял над собой контроль, он не заслуживал пожизненного наказания. Какая бы кара для него ни была уготовлена, Эрик останется игроком «Манчестер Юнайтед».

Эрик сделал больше, чем кто бы то ни было, для Фергюсона, выиграв чемпионат и два дубля. Преданность была краеугольным камнем принципов Фергюсона, поэтому он сражался со всеми за воротами клуба, спасая карьеру Эрика и прилагая все усилия для его реабилитации. Он поступал верно. И, конечно, в интересах «Манчестер Юнайтед» было оставить талант Эрика в своем распоряжении. В этой жесткой игре нельзя было забывать и о своих собственных интересах.

Получив порцию яростной критики от всей нации, Эрик сбежал во Францию. Тренер поехал за ним и убедил Эрика, что проблема может быть решена.

Для футбольного клуба «Манчестер Юнайтед» этот момент был решающим. Это был решающий момент и в моей карьере. Я не думаю, что любой другой человек футбола мог бы проявить такие решительность, мастерство и силу духа, какие показал Алекс Фергюсон, управляясь со скандалом вокруг Кантона. Нам всем пошли на пользу усилия и тот результат, который достиг Алекс Фергюсон. Всем тем, кто выполнял его требования, которым он сам отвечал.

Тренер вновь оказался под огнем критики летом 1995 года, на этот раз со стороны болельщиков «Юнайтед» и прессы, когда он решил продать Андрея Канчельскиса, Марка Хьюза и Пола Инса.

Финансовые дела Андрея были тайной, которая обсуждалась на всех углах. В то время говорили, что он и тренер повздорили или что он хотел бы перейти в другой клуб из-за денег. В любом случае он ушел в «Эвертон», а потом играл и в других клубах.

Решение продать трех футболистов, профессионально

выполняющих свою задачу от августа до мая да еще выступавших за различные сборные, было смелым поступком. Давление в начале сезона на Алекса Фергюсона возросло из-за того, что Эрик Кантона не мог вернуться в строй до конца сентября, поскольку Ассоциация наложила на него дополнительные санкции, и никто не знал, в какой форме он находится после восьми месяцев без футбола. Просто невероятно, как могли подвергать сомнению с таким неистовством мастерство тренера, который всего за три сезона выиграл два чемпионата, Кубок Англии (да еще вывел команду в два финала Кубка лиги и Англии, в которых она уступила) и получил дубль. Но теперь ни болельщики, ни пресса не ожидали ничего другого от «Манчестер Юнайтед», как тотального превосходства над нашими соперниками.

Алекс Фергюсон теперь решал одну из самых сложных, как показывает футбольная практика, задач: плавная смена одного чемпионского состава на другой с наименьшими потерями. Подобная уловка удавалась лишь «Ливерпулю», который неизменно был на гребне успеха в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы. Со своим багажом трофеев Алекс Фергюсон мог легко выбрать два пути: ничего не делать или же попытаться штурмовать самые высокие вершины. Тяжелое и рискованное решение, которое он принял, состояло в том, чтобы довериться Ники Батту, Полу Скоулзу, Гари и Филу Невиллам, а также Дэвиду Бекхэму. Ему нравилось играть по-крупному, но мы, знавшие жизнь клуба изнутри, видели меньше риска в его решении, чем болельщики и его критики. Если тренер проиграет, то должен будет заплатить самую высокую цену.

Мы понимали это по реакции на результат матча открытия сезона 1995/96. Мы проиграли в гостях «Астон Вилле» — 1:3. Игра была показана по телевидению в тот вечер, когда комментатор Алан Хансен произнес свою ныне знаменитую фразу: «С детьми ничего нельзя выиграть». Газеты были столь же язвительны.

Критика больно ударила по нашему самолюбию. В следующую среду мы играли на своем поле с «Вест Хэмом». Обычно это была проходная игра, но на этот раз перед нами стояла сложная задача. Нам нужно было доказать что-то очень важное перед своими болельщиками. Встреча с «Ливерпулем» была бы легче, чем с «Вест Хэмом» в этих обстоятельствах. Анализируя состав нашей команды на игру с «Вест Хэмом», мы ясно видим, что в пику общепринятому мнению о том, что мы выставили «детский сад», необходимо отметить, что у нас было множество опытных игроков. Петер Шмейхель, Гари Паллистер и Стив Брюс (который пропустил матч с «Виллой» из-за травмы), как всегда, образовали ключевой оборонительный треугольник. Дениса Ирвина, Брайана Макклеера, Ли Шарпа и меня вряд ли можно назвать «детьми». У Ники Батта и Пола Скоулза было достаточно опыта выступлений в премьер-лиге. Лишь Гари Невилл и Дэвид Бекхэм, который готовился сыграть свой седьмой матч в составе первой команды, подходили под определение «детей».

Тем не менее мы ощущали давление, и «Вест Хэм» был настроен дать бой на «Олд Траффорд».

В матче, отмеченном вязкой борьбой, я забил гол, который помог нам избежать ничьей и критики в свой адрес. Конечно, победа со счетом 2:1 на своем поле над «Вест Хэмом» еще ничего не доказывала.

Эрик вернулся в команду 1 октября и забил гол с пенальти, принес нам очко в домашнем матче с «Ливерпулем». Он был хорош на поле, как и год назад, что говорило о его профессионализме и характере, поскольку лишь немногим игрокам, особенно «легионерам», удалось бы выдержать испытания, которым он подвергся за свой удар в стиле Брюса Ли (критика в его адрес не утихнет и в ходе всего сезона).

«Ньюкасл» придавал чемпионату свой неповторимый колорит. Кевин Киган заставлял свою команду играть в атаке, выпрыгивая из трусов. Циники смеялись над кавалеристским подходом Кигана к футболу. Я, должен признать, восхищался его страстью.

«Ньюкасл», возглавлявший таблицу, вырвался вперед на десять очков. Матч с ним имел огромное значение. Игра была похожа на ад, напряжение не угасало все девяносто минут. Энди Коул и я забили по голу, и мы выиграли 2:0. Но, к несчастью, мы ненадолго приблизились к «Ньюкаслу». «Тоттенхэм» разгромил нас на «Уайт Харт Лейн» со счетом 4:1 в первый день нового года. «Ньюкасл» увеличил отрыв на семь очков. Все кончено?

Критика в адрес тренера была уничижающей: былые дни «Юнайтед» прошли, мы уже не та команда, которая блистала в прошлом, летняя трансферная политика была ошибочна, эта команда уже не сможет выиграть чемпионат.

После того поражения от «Тоттенхэма» мы выдали сенсационную серию из двадцати трех матчей в премьер-лиге и Кубке Англии, в которых лишь однажды уступили в гостях «Саутгемпτονу». Эрик находился в ударе и забил десять голов в пятнадцати матчах чемпионата, добавив еще пять мячей в Кубке Англии.

Отставание от «Ньюкасла» становилось все меньше и меньше, но у него есть шанс избавиться от нас в начале марта, когда мы приедем на «Сент-Джеймс Парк». Это настоящая борьба, снова проходящая в течение всех девяноста минут. Эрик забивает сказочный победный гол, несмотря на преимущество хозяев поля.

После этого поражения стало ясно, что «Ньюкасл» не сможет выиграть чемпионат. Если мы не оступимся, мы возьмем свое. Несмотря на разговоры о «детях» — нет никаких причин говорить о Гари Невилле, как о «ребенке», — в нашей команде опыта было предостаточно для того, чтобы не сдать или успокоиться слишком рано.

Поездка в Лидс в апреле представлялась наиболее тяжелой. «Ньюкасл» сдавал с каждым туром. Теперь Кевин Киган понял, что вести разговоры о победе гораздо легче, чем побеждать на поле. Должно быть, футболисты «Ньюкасла» молились, чтобы наш матч с «Лидсом» закончился с нужным им результатом.

Мы получили свои три драгоценных очка после 90-минутной битвы. Мне необходимо было подключить свои запасы энергии, чтобы забить победный гол.

После скандала с Кантона и порции критики, которую он получил за продажу Канчельскиса, Хьюза и Пола Инса, тренер шел к своей цели. У него были и свои личные интересы. Лишь в конце сезона Алекс Фергюсон публично заявит о своем недовольстве контрактом. На этом этапе его переговоры с руководством клуба зашли в тупик. Невозможно представить, но это было правдой, что игроки получали более высокую зарплату, чем человек, отвечающий за успех клуба больше, чем кто бы то ни было. Еще один дубль добавит ему козырей.

Мы завершили чемпионат двумя легкими победами, обыграв «Форест» 5:0 на своем поле и «Миддлсбро» 3:0 — в гостях. Теперь нас ждал финал Кубка Англии с «Ливерпулем»!

Со дня первого приезда на «Уэмбли» с «Форестом» этот стадион меня никогда не заводил. Болельщики были слишком далеко, чтобы создать нужную атмосферу. По сравнению с «Олд Траффордом», «Энфилдом» или «Элланд Роуд» игра на «Уэмбли» проходила словно в вакууме. Поле было вязким и высасывало у тебя силы. Все эти глупые церемонии перед матчем лишь отнимали время и концентрацию. При рукопожатии с высокопоставленными особами им до тебя, как и тебе до них, не было никакого дела. Но мы встречались с «Ливерпулем». Для нас и болельщиков «Юнайтед» встречи с ним как в Кубке, так и в чемпионате, имели самое важное значение.

Нейтральные наблюдатели говорили, что финал Кубка Англии 1996 года был скучным. Конечно, так могло показаться, если ты в нем не играл. Матч был тяжелым и требовал от тебя всей концентрации, ты должен был играть на последнем дыхании. Моя работа заключалась в управлении серединой поля, чтобы не давать игрокам «Ливерпуля» ни времени, ни пространства, сбивать их с ритма, на корню пресекать всякие попытки и замыслы взять над нами верх. Поле «Уэмбли» было больших размеров, и приходилось отвечать за обширную территорию, но мне удавалось перекрывать все участки, вступать в единоборства, стараясь донести до футболистов смысл моих действий: нам предстоит тяжелая работа, чертовски тяжелая работа. Вместе с Ники Баттом мы выиграли борьбу за середину поля. Ники был не из робкого десятка и идеально подходил для подобной работы.

За пять минут до окончания основного времени мы владели инициативой, которая не была отражена на табло. Эрик, как иногда с ним бывает, был слишком спокоен. Мы получили право на угловой справа. Дэвид Джеймс достает мяч, но лишь выбивает его к линии штрафной. Мяч отскакивает к Эрику. Ему каким-то образом удается пробить с лета, и при этом ему хватило пространства, чтобы сгруппироваться. Через мгновение я увидел, как мяч затрепыхался в сетке, а игроки «Ливерпуля» опустили головы.

Еще один дубль. На этот раз вместе с «детьми». Момент победы короток — так и должно быть, но на этот раз он очень сладок. Дубль сезона 1995/96 оказался реваншем для тренера. Он чего-то достиг с «детьми». Эрик исполнял роль капитана в отсутствие Стива Брюса. После финального свистка он убедил Стива присоединиться к нам при получении Кубка в королевской ложе. Это был типичный благородный жест Кантона, который принял Стив, наш капитан. Одной из замечательных черт футболистов «Юнайтед» было то, что они не заболели «звездняком», который сопутствовал славе. Мы выиграли Кубок, и никого не заботила мысль, кто первым его поднимет.

Через четыре дня после нашей победы в Кубке газета «Манчестер Ивнинг Ньюс» вышла со статьей под заголовком «Ферги: Я уйду из-за спора о зарплате». Если новый контракт Фергюсона не будет подписан до того, как он уедет в отпуск, тренер уйдет из клуба. В футболе меня уже ничего не удивляло. Человек, который принес «Юнайтед» все что можно на внутренней арене в течение последних десяти лет, вынужден апеллировать к общественному мнению, чтобы заключить контракт. Вряд ли он заслуживал такого обращения. Он получал гроши — 300 000 в год, и это в то время, как игра была наводнена деньгами от сделок с телевизионщиками. Он получил свое: зарплата была повышена вдвое, и еще ему обещали призовые в случае успеха!

Когда Алекс Фергюсон вернулся из отпуска, я подписал новый контракт еще на четыре года и был рад этому.

Через год уйдет Кантона. Спустя неделю после нашей четвертой победы в чемпионате он объявил о своем уходе из футбола: «Я провел тринадцать лет в профессиональном футболе, что является долгим сроком. Теперь мне бы хотелось заняться другим. Я всегда планировал уйти, находясь в расцвете, а в «Манчестер Юнайтед» я достиг пика своей карьеры. В последние четыре с половиной года я показывал свою лучшую игру и провел здесь свое самое счастливое время. У меня были прекрасные отношения с тренером, его помощником, работниками клуба и игроками и, конечно, не в последнюю очередь, с болельщиками. Я желаю «Манчестер Юнайтед» достичь еще больших успехов в будущем».

Мартин Эдвардс и Алекс Фергюсон отдали дань уважения Эрику. Президент клуба сказал: «Мне невероятно грустно от того, что Эрик сделал такой выбор, но понимаю и уважаю его решения и те причины, которыми он руководствовался. Многие из нас считают, что Эрик стал катализатором самого успешного периода в нашей истории. Это время было поистине сказочным». Алекс Фергюсон продолжил: «Эрик оказал огромное влияние на развитие наших молодых игроков. Его профессиональный подход к делу служил примером для подражания. Он, несомненно, является одним из самых одаренных и наиболее приверженных своему делу футболистов, с которыми я имел удовольствие работать. Он уходит с наилучшими от нас пожеланиями, и мы всегда будем рады видеть его на «Олд Траффорд». Нам будет что вспомнить вместе».

Болельщики были в шоке. Сотни фанатов с майкой под седьмым номером Эрика стояли в трауре у «Олд Траффорд». У многих из глаз текли слезы. Как и на похоронах Басби или же во время матчей еврокубков, пронизанных эмоциями, эти события напоминали мне, что «Манчестер Юнайтед» был больше, чем простой футбольный клуб. Невозможно было представить, что что-то подобное происходило бы возле стадионов других клубов Британии.

Эрик был гордым человеком. Думаю, он решил, что если не может играть за «Юнайтед», то не может и вовсе играть в футбол. Я восхищался его поступком.

Мы выиграли чемпионат в последний для Эрика сезон.

В начале сезона тренер дал нам ясно понять, что первоочередной задачей является победа в Лиге чемпионов. Прогулки в большинстве матчей премьер-лиги вряд ли служили идеальной подготовкой к матчам с лучшими командами Европы. Для меня тот сезон был испорчен травмами и различными дисквалификациями. Я был удален за второе предупреждение, когда мы были повержены со счетом 3:6 на поле «Саутгемптона».

На этот раз, как и в прошлом, я не испытывал такой злобы к сопернику, как к самому себе и одноклубникам, за то, что потерял голову. Матч с «Саутгемптоном» служил хорошим примером того, как мы лишь притворялись, что играем, полагая, что наш класс наделяет нас божественным правом побить все остальное. Эти попытки уклонения от борьбы приводили меня в бешенство. Поэтому жесткими действиями и игрой в отборе, от которой трещали кости, я пытался хоть как-то придать матчу элемент конкурентной борьбы и состязательности. Я мог смириться с поражением, но не со сдачей. Если мы проиграем «Саутгемптону», то какой же, на хрен, шанс будет у нас во встрече с «Ювентусом» (который, как это часто случалось, и был нашим соперником на первом этапе Лиги чемпионов)? Понимание того, что ты не можешь управлять физическим состоянием, как выключателем лампочки, приводило меня в отчаяние во время игр подобно той, что проходила на «Делл». В результате я либо удалялся с поля, либо ссорился с одноклубниками.

Любой высококлассный игрок может настроиться на игру на «Энфилде» или «Хайбери». Но находиться в полной готовности к встречам с «саутгемптонами» из премьер-лиги было совершенно другим делом. В уме ты уже присваиваешь себе три очка, просматривая расписание матчей. «Энфилд»: там будет тяжело. «Хайбери»: еще одна важная игра. «Ковентри»: ну, все будет в порядке. «Саутгемптон»: нет проблем. «Вест Хэм»: должно все получиться. «Сандерленд»: легкая прогулка.

«Ювентус»!

Первый матч с «Юве» наглядно продемонстрировал, где таилась угроза. В субботу перед матчем еврокубков мы разгромили «Лидс» со счетом 4:0 на «Элланд Роуд». В следующую субботу мы обыграли на своем поле «Ноттингем Форест» — 4:1. В Турине же в среду между проходными играми премьер-лиги мы проиграли 0:1 в интересном матче.

Из-за травмы я пропускал игру. Но приобретенные мною знания накапливались по нарастающей в то время, как я следил за матчами со стороны.

Эрик, честно говоря, не мог тягаться с европейскими командами — это касалось и всех нас. Как я уже признал, он был великолепным на внутренней арене и идеально подходил для английского футбола, где его самообладание и техническое мастерство давали ему фору в царившем вокруг хаосе. На фоне летающих тел и стремительных подкатов холодный ум Эрика был ценным качеством. Да и поскольку мы были одними из лучших в стране, он мог не опасаться за тылы и иной раз позволял себе уклониться от борьбы и предоставить нам черновую работу. Иногда я думал: «Эрик, какого хрена, ты, ленивый ублюдок!» И уже через мгновение или за несколько секунд до того, как эти слова готовы были сорваться с моих уст, он словно взмахивал волшебной палочкой и забивал либо отдавал голевую передачу.

Такое положение дел устраивало нас в чемпионате и Кубке Англии. В Европе был иной футбол — более требовательный. Даже самые скромные по европейским меркам команды во встречах с нами ощущали себя хозяевами положения. Это было главным. Они привыкли к победам и получению нужного результата на поле соперника. Против венских «рапидов» или команд типа «Брондбю» мы могли достигать успеха с помощью Эрика. Но не во встречах с «ювентусами», «бавариями» или же с вполне ординарными, но высокопрофессиональными клубами, как «Гетеборг», который выиграл у нас со счетом 3:1 и выбил из турнира пару сезонов назад.

Будучи бесконечно полезным в матчах Кубка и чемпионата Англии, забивая победные голы несчетное

количество раз, Эрик отнюдь не блистал в Европе. Я не могу вспомнить ни одного еврокубкового матча, в котором он смог бы переломить ход игры. В Европе ты немного прибавляешь обороты. Внимание к себе привлекали не только высококлассные игроки атакующего плана типа Зидана или Дель Пьеро, но и крепкие, хитроумные защитники — парни, о которых никто и не слышал, обладающие хорошей скоростью и способностью перекрывать все подходы сопернику к своим воротам, вовремя принимать решение и вступать в отбор с идеальной точностью и инстинктивно занимающие нужную позицию в оборонительных порядках, а также великолепно читающие игру. Эрик так и не смог с этим справиться и взять верх над такими игроками. Успех же в Европе теперь был главной задачей «Манчестер Юнайтед» Алекса Фергюсона.

Наш выход из группы, в которой играли «Рapid» (Вена), «Фенербахче» и «Ювентус», прошел далеко не как по маслу. Проиграв в Турине, мы переиграли «Рapid» на своем поле и «Фенербахче» в гостях. Затем чемпионы Турции приехали на «Олд Траффорд» и одержали победу. Это поражение на своем поле стало первым для «Юнайтед» за сорок лет участия в еврокубках. Победа практически обеспечивала нам место в четвертьфинале, но «Фенербахче» не оставил нам ни единого шанса. Этот клуб представлял хороший пример так называемых средних европейских команд, о которых я говорил ранее, — без громкого имени, но решительно настроенные профессионалы, работающие в полную силу в течение всего сезона, не оставляющие пленников — особенно в защите. Мы уже не могли с такой легкостью создавать шансы у ворот соперника, как это было в премьер-лиге. Футболисты «Фенербахче» умели контролировать мяч, заставляя нас за ним бегать. Но они были всего лишь чемпионами Турции! Тем не менее они отказывались сдаваться, как поступало множество европейских клубов, приехавших на «Олд Траффорд». Стремясь во что бы то ни стало завоевать победу, бегая словно заведенные, мы получили удар за двенадцать минут до конца игры. Мяч срикошетил от Дэвида Мэя, и у Шмейхеля не осталось никаких шансов. 0:1. Все. Теперь нам было нужно играть с «Ювентусом» и «Рapidом» и бороться за нужный результат.

Многие качали головой в раздевалке: «Как такое могло случиться с нами?» Футболисты лишь в последнюю очередь думают о своей игре. Но иногда — нет, всегда — ответ кроется именно здесь. Если

ты достаточно хорошо играешь и обладаешь всеми необходимыми качествами, а этого у нас было не отнять, то поражение обычно объясняется лишь твоими собственными ошибками. Ни судьей, ни удачей, ни рикошетом, как бы ни утешало подобное объяснение твои неудачи. Именно в таких случаях качества настоящих профессионалов, таких, как Брайан Робсон, Стив Брюс или Денис Ирвин, становятся бесценными для твоей команды. Они знают, где искать ответ. Тренер тоже это знает. Поэтому-то у него и есть все то, что он заслужил и заработал.

После матча с «Фенербахче» он встал на нашу сторону при общении с прессой. Не повезло, и т.д. и т.п. Рекорд должен же был когда-нибудь пасть. В любом случае он только отягощал нас. Мы еще вернемся, и т.д. и т.п. Возможно, мы уже упустили шанс на выход в четвертьфинал еще четыре дня назад. В матче с «Саутгемптоном». Три-на-хрен-шесть. А до этого 0:5 «Ньюкаслу». Как случилось, что я потерял голову на «Делл» и заработал красную карточку? Потому что знал: от этого не уйдешь. Я чувствовал в своем сердце, что нельзя вот так выеживаться с «Саутгемптоном», а потом собирать все свои резервы в матче с настоящей командой четыре дня спустя. Это не пройдет. Может быть, иногда это и случается. Но «Манчестер Юнайтед» не играет «иногда». Мы играем, или должны играть, в стиле надень-майку-чтобы-сделать-свою-работу-до-конца.

Я понял это, глядя на мою семью и друзей — фанатов «Юнайтед». Три-шесть «Саутгемптону»! Они не могли высунуть носа из дома. Люди смеялись над ними на работе. Мальчишки, которые болели за нас, были посрамлены в школе и на улице. Насмешки, ухмылки, подначивания. Слишком много игроков забывают о том, что значит поражение для тех людей, на чьи деньги мы играем. Нам платят за то, чтобы мы играли. Пла-тят. Играть за «Манчестер Юнайтед». Болельщики, настоящие болельщики, выкладывают свои кровные, чтобы поддержать нас. А мы и ногой не можем пошевелить в матче против Мэа Ле Тиссье!

Поражение со счетом 0:1 в Турине означало, что мы должны обыграть «Рapid» в Вене и надеяться на то, чтобы «Ювентус» не проиграл на своем поле «Фенербахче». На этот раз мы не повторили «подвига» с «Саутгемптоном», выиграв у «Лестера» 3:1 в субботу перед игрой с «Рapidом». В матче против австрийцев мы показали себя хорошей командой. Тренер поставил передо мной задачу опекать самого опасного игрока в составе «Рapidа» — Кьюбауэра. Задача выполнена при счете 2:0 (голы забили Райан и Эрик), но я все еще чувствую приближение опасности. Они едва не забили гол, когда Кухбауэр прорвался к нашим воротам. Я догоняю его и вступаю в отбор. Успешно. Его шипы прорезают мне ногу. Чуть ниже колена мне накладывают девятнадцать швов. Еще один месяц вне игры. «Юве» сделал свое дело. Мы прошли дальше. Встречаемся с «Порту» в четвертьфинале.

Словно ниоткуда возникла еще одна проблема. Справившись с задачей выхода в четвертьфинал Лиги чемпионов, мы смогли лишь свести вничью наши две последующие игры чемпионата против «Вест Хэма» и «Шеффилд Уэнсдэй». Затем мы проиграли «Сандерленду» спустя всего четыре дня после того, как разгромили «Порту» 4:0 на своем поле в первом матче четвертьфинала. Мы прошли в полуфинал Лиги чемпионов, но в чемпионате Англии нас настиг кризис. Как будто для того, чтобы еще больше усугубить наше положение, мы проиграли в домашнем матче «Дерби» со счетом 2:3 за четыре дня до первого матча полуфинала в гостях с дортмундской «Боруссией».

Мы достигли того, чего хотели — быть в одном шаге от победы в Лиге чемпионов. Но я чувствую, что один-два игрока нашей команды начинают сдавать. Неожиданно, а может быть, и нет Эрик — один из них. Несмотря на то, что Эрик так много сделал для нас, у него так и не появилось шанса выступить за сборную Франции. Он является звездой в «Юнайтед», но если мы не добьемся успеха в Европе, заслуги Эрика никогда не будут поставлены в один ряд с истинно великими европейскими футболистами. Европейская арена является настоящим мерилем мастерства игроков. Возможно, Эрик не способен ее завоевать. И не сможет никогда.

Но пока мы на высоте в матче с «Боруссией» в гостях. Эрик упускает отличный шанс. Ники Батт попадает в штангу. На пути к мячу, посланному Дэвидом Бекхэмом, встает защитник, когда вратарь уже бессилён помочь своей команде. Все идет к нулевой ничьей, и развязка должна наступить на «Олд Траффорд». За четырнадцать минут до конца встречи Эрик уклоняется от борьбы в середине поля.

Третшок, у которого он не смог отнять мяч, прорывается вперед, бьет, и мяч меняет траекторию, задев ногу Гари Паллистера. Гол. Возможно, именно в этом моменте было решено будущее Эрика.

За четыре дня до ответного матча мы выполнили одну трудную задачу в премьер-лиге на «Энфилде», где победили «Ливерпуль» 3:1.

Получив желтую карточку в Дортмунде, я пропускал ответный матч на «Олд Траффорд». Несмотря на неплохую игру немцев, я считал, что мы можем переиграть их перед своими болельщиками. Но, пропустив мяч в начале встречи, нам нужно было забивать для полной победы три из-за правила гостевого гола. Но только не с игрой на таком уровне. В средней линии «Боруссии» заправлял шотландец Скот Ламберт, Колер руководил защитой, а их лучший игрок Андреас Меллер всегда был нацелен на ворота. С такими футболистами соперник мог играть спокойно. Мне было невероятно тяжело сидеть на скамейке запасных и наблюдать за игрой,

когда я не мог ничего сделать в матче, который похоронил наши надежды на выход в финал Лиги чемпионов. Когда «Боруссия» потом выиграла в финале у «Ювентуса», мы, по крайней мере, могли тешить себя мыслью о том, что имели команду, которая была почти способна стать клубным чемпионом Европы.

Но зато мы стали чемпионами Англии. Эрик Кантона заменил Стива Брюса на посту капитана клуба. Теперь же после его ухода это место снова оставалось вакантным. Тут же начали гадать, чью кандидатуру предложит тренер в качестве капитана. Петер Шмейхель, Гари Паллистер, Денис Ирвин и Гари Невилл были, очевидно, первыми кандидатами на этот пост. Я был удивлен, когда Алекс Фергюсон выбрал меня. Предложение капитанской повязки в «Манчестер Юнайтед» было огромным комплиментом, и конечно, соответствующей обязанностью. На поле я был уверен в том, что справлюсь со своей целью. Однако в миссию капитана входили и дипломатические обязанности за пределами поля, что, по моим представлениям, являлось куда более серьезной задачей. Одним из благоприятных обстоятельств, сопутствующих работе капитана, было распределение билетов как на матчи, так и в комнату отдыха игроков. Если я раньше донимал своими просьбами Брайана Робсона, Стива Брюса и Эрика, то теперь другие игроки будут домогаться моего расположения.

С уходом Эрика Кантона мы потеряли еще один голос профессионала. Раздевалка заметно изменилась после моего прихода в клуб четыре года назад. С тех пор ушли Брайан Робсон, Стив Брюс, Марк Хьюз, Пол Инс, и вот теперь настала очередь Кантона. Каждый из этих высококлассных игроков так или иначе был весьма влиятельной фигурой как на поле, так и за его пределами. Общую величину их влияния было трудно определить, за исключением того, что в отсутствие этих игроков наша раздевалка помолодела и уже не выглядела такой закаленной в боях.

На место Эрика был куплен Тедди Шерингем из «Тоттенхэма». Тедди приехал на свою первую тренировку в красном «Феррари», а все черты его поведения выдавали в нем уверенного в себе лондонца. Тедди и я знали друг друга по совместным выступлениям за «Форест». Отношения между нами всегда складывались непросто. Прогресс в нашем общении не наступил и на «Олд Траффорд». Тедди ничем не выделялся в свой первый сезон в клубе, но время покажет, что его приобретение было весьма выгодной сделкой. Шерингем был чертовски отличным игроком — он мог забивать и отдавать голевые передачи. То, что мы не ладили друг с другом, не имело значения, когда мы выходили на поле.

Мы выиграли первый официальный матч под моим капитанством, обыграв «Челси» в серии послематчевых пенальти в Кубке сезона. Мы оставались непобежденными в восьми матчах чемпионата на старте сезона 1997/98 и легко переиграли в гостях словацкий «Кошице» в первой игре Лиги чемпионов.

К субботнему гостевому матчу с «Лидсом» я подошел с полным отсутствием игрового тонуса.

В ходе матча я несколько раз сталкивался с Альфи Холандом. Он раззадоривал меня с начала игры. Я еще мог смириться с запоздалыми подкатами, которые он применял, — это было неотъемлемой частью футбола. Но другие вещи, такие, как цепляние за майку и тычки, когда я был без мяча, выбивали меня

из колеи. Иногда Холанд даже не следил за игрой, а просто бегал за мной. Я считал, что тренер «Лидса» Дэвид О`Лири, который знал, как меня достать, поставил перед Холандом эту задачу.

За пять минут до финального свистка, когда мы наседали на их штрафную, я в отчаянии напал на Холанда. Я попытался поставить ему подножку, а не ударить. Я знал, что, возможно, заслужу предупреждение, но, вот черт, получилось так, что он выполнил свою задачу. Когда я скользил по траве, мои шипы заделали дерн. Я даже слышал, как трещат мои связки. Агонизирующая боль поразила меня в одно мгновение. Холанд стоял надо мной и кричал: «Хорош притворяться! Вставай!». Его партнер Уэзеролл жестами показывал то же самое. Я знал, что случилось что-то очень серьезное, но не был уверен, что это было. Судья предъявил мне желтую карточку, когда меня вели к бровке. Дэйв Февр, наш врач, попытался вывести меня за пределы поля. Однако мы уже использовали все три замены, поэтому я остался доигрывать заключительные минуты матча. Когда, хромя, я уходил с поля, Дэвид О`Лири попытался меня успокоить.

«Да пошел ты, Дэйв. Ты выставил этого ублюдка, чтобы специально меня вывести из равновесия», — подумал я.

В раздевалку пришел доктор «Лидса». Язык жестов врачей подсказывал мне, что случилось худшее — я потерял крестообразную связку. Дэйв Февр, который работал врачом в регбийном клубе «Уиган», распознал соответствующие симптомы. Травма крестообразных является частым явлением в регби из-за жесткого характера этой игры.

Травму спровоцировали и мои ночные похождения. Цену этому необходимо было еще определить. Я вернулся в Манчестер для обследования в госпитале BUPA на Уэлли Рендж. По пути домой в нашем автобусе я молил Бога, чтобы травма оказалась не такой серьезной, каким был первоначальный вердикт врачей. В тот же вечер Дэйв без лишних промедлений отвез меня в госпиталь. Консультант, прошедший первоначальный осмотр, не казался настроенным на оптимистический лад. Врачи отправили меня домой, сказав, чтобы я вернулся в понедельник, и тогда они вскроют колено и осмотрят поврежденную зону.

В воскресенье Денис Ирвин отогнал мою машину к дому от «Олд Траффорда», где я ее оставил. Колено опухло и разрослось едва ли не до размеров воздушного шара. Боль была просто невыносимой. Я знал, что вляпался по-серьезному. Осмотр в понедельник подтвердил мои опасения. Меня отправили на восстановительные курсы, чтобы в течение шести недель я нарастил мышечную массу, необходимую для дальнейшей операции. Уже после девяти матчей чемпионата мой сезон был завершен. А возможно, и вся карьера. Пол Гаскойн был не единственным игроком, который не сумел вернуться на прежний уровень после операции на восстановление крестообразных связок.

Благодаря своему опыту в работе с регбистами Дэйв Февр знал, что нужно делать и чего не нужно делать для полного восстановления. В реабилитационном процессе имеются свои физические и психологические аспекты. После операции я провел в госпитале три дня. После этого я начал длительный, сложный и болезненный процесс восстановления физических кондиций.

Однажды ко мне приехал Ли Шарп (теперь он выступал за «Лидс»). Он также повредил связки колена через несколько недель после моей травмы. Я с нетерпением хотел услышать, как продвигаются его дела. «Я почти летаю, — был его ответ. — Бегаю, бью по мячу — почти готов играть». В течение примерно двух часов, что мы сидели вместе и вспоминали добрые старые времена, а я думал: Господи, я намного отстал от того, где мог бы уже быть, если Ли бегает и работает с мячом. Когда он встал, то едва не рухнул. «Я, должно быть, отсидел ногу», — солгал Ли неубедительно. Он прихрамывая подошел к своему «Порше», запрыгнул в машину и уехал. С легкой душой после всего увиденного я рассказал все Дэйву следующим утром. «Судя по всему, он торопится, Рой. Не волнуйся, мы подходим к своей цели», — заверил он меня.

Когда я начал участвовать в играх пять на пять, ребята старались не играть жестко со мной. Слишком легко для меня. Поэтому Дэйв Февр созвал команду и сообщил, что они не должны делать мне никаких поблажек. Отнимайте у него мяч. И вскоре все начали носиться за мной в отборе. Я вернулся... ну

почти. В последнюю неделю сезона «Арсенал» заполучил чемпионство. Я полагал, что мог бы сыграть в нашей последней игре чемпионата с «Барнсли». К счастью, врачи ничего не хотели и слышать об этом.

Отдохнув еще шесть недель, я летал на подготовительных тренировках и матчах перед сезоном 1998/99. Мы отправились в турне по Скандинавии. В мое отсутствие капитаном команды был Петер Шмейхель. Тренер сказал мне, что хотел бы, чтобы у Петера осталась капитанская повязка на время турне. Я не был слишком обрадован этим сообщением, а уж тем более когда перед игрой на Кубок сезона против «Арсенала» на «Уэмбли» Шмейхель не выказывал никаких признаков того, что готов вернуть мою капитанскую повязку. В конце концов тренер приказал ему подчиниться. Он уступил и стал чернее тучи. «Арсенал» забил два легких гола и выиграл матч со счетом 3:0. После игры тренер созвал команду и призвал Петера повзрослеть и не играть в детские игрушки.

Стремление тренера к успеху стало еще более заметным, когда он побил трансферный рекорд среди центральных защитников, купив Яапа Стама у «Эйндховена». Он также заполучил Йеспера Блумквиста у «Пармы». Когда же «Юнайтед» побил британский трансферный рекорд, приобретя Йорка за 12,6 миллиона фунтов стерлингов, в клубе по-настоящему начал ощущаться ветер перемен. Имея такой сильный состав осенью 1998 года, вряд ли можно было ожидать от игроков самоуспокоенности. Никому не было гарантировано место в основе, что, по моему мнению, было только на руку для развития клуба. Теперь мы были настолько пресыщены успехом на внутренней арене, что нам было больно, когда речь заходила о настоящем призе — Лиге чемпионов.

Покупка Дуайта Йорка была одним из самых смелых ходов со стороны Алекса Фергюсона. Как выяснилось, Брайан Кидд скептически относился к тому, что Йорк может оправдать выложенную за него сумму, об этом он заявил без обиняков. Как и главный тренер, Кидд напрямую говорил то, о чем думал. Если честно, то я не считал, что Йорк может забивать столько голов, сколько от него ожидали, хотя и не сомневался в его способности обращения с мячом и в том, что защитникам соперника придется попотеть, чтобы его «закрыть».

Яап Стам обеспечивал надежность обороне. Это было как нельзя кстати с уходом Гари Паллистера в «Миддлсбро». Стив Брюс и Гари Паллистер создали тандем, во многом благодаря которому и был достигнут наш успех в прошлом. У Стама и Ронни Йонсена, который был приобретен два года назад на смену Брюсу, имелось достаточно опыта.

Оле-Гуннар Солскаяр пришел в «Юнайтед» из норвежского «Мольде» в то же время, что и Йонсен. Он обошелся клубу всего в 1,5 миллиона фунтов, и, возможно, эта сделка стала самой выгодной в истории клуба. Его называли убийцей с лицом мальчика, и это правда — он был и убийцей, и у него было лицо мальчика. Когда он впервые пришел на тренировку и пошел вместе с командой фотографироваться, я подумал, что он один из школьников, болеющих за «Юнайтед». Ему можно было дать лет шестнадцать. Но когда к нему попадал мяч, я понял — все это поняли, — каким необычайным исполнительским мастерством в завершающей стадии атаки он обладал. Оле мог и забивал с каких угодно позиций. Он стал любимчиком в нашей раздевалке, будучи приятным в общении и при этом демонстрируя самый профессиональный подход к делу. Оле больше просиживал на скамейке запасных, борясь за место в основном составе с Энди Коулом, Дуайтом Йорком и Тедди Шерингемом. Но он никогда не жаловался, а когда ему представлялась возможность, почти всегда выполнял то, что от него требовалось. В командной игре, несмотря на весь ажиотаж вокруг некоторых игроков, каковой является и останется футбол, значение профессионалов типа Оле всегда бесценно. Таким он является для нас.

Я вновь обрел форму после нескольких матчей. Но я уже не был тем лунатиком, который охотился за Альфи Холандом (хотя я и не забыл его оскорбление в мой адрес, когда я лежал на газоне «Элланд Роуд»). Теперь я ценил каждый момент игры как во время матчей, так и на тренировках. Теперь я сам качал мышцы тела в спортзале. Я понял, — чего я никогда не осознавал до последнего сезона, — что твое время в футболе ограничено. Все может завершиться лишь одним приемом в отборе, и твоя карьера уйдет в прошлое в мгновение ока.

Еще одна коренная перемена произошла в моем образе жизни.

Вернувшись в строй, мне было нужно многое доказывать, и не только то, что я находился в отличной форме. По мере вхождения в сезон я начал играть в лучший футбол своей жизни. Это произошло во многом благодаря сильным игрокам, окружавшим меня. Защитная линия не вызывала опасений — Гари Невилл и Денис Ирвин действовали на позиции последних защитников, а Яап Стам и Ронни Йонсен добились отличного взаимопонимания в центре защиты. В полузащите Пол Скоулз, Ники Батт и я редко уступали сопернику в единоборствах. Дэвид Бекхэм и Райан Гиггз использовали многообразный арсенал наступательных средств по обоим флангам. Энди Коул и Дуайт Йорк стали друзьями за пределами поля, а для защиты соперника они представляли двойную угрозу. Теперь, когда мы проповедовали командный футбол, Фил Невилл, Оле и Тедди Шерингем предоставляли нам большую помощь, когда приходило время вступить в бой.

Матчи еврокубков — наша ахиллесова пята — теперь были не такими сложными. Завершив чемпионат премьер-лиги на втором месте, мы должны были пройти отборочный турнир Лиги чемпионов, в котором встречались с польской командой «Видзев». Мы легко справились со своей задачей. В результате попали в сильную группу, в которой играли «Брондбю», «Барселона» и «Бавария». Мы разгромили «Брондбю» дома (5:0) и в гостях (6:2) и сыграли вничью с «Барселоной» и «Баварией». Ничья — 3:3 на «Ноу Камп» показывала, насколько далеко мы ушли после того поражения со счетом 0:4 на том же стадионе в 1994 году. В матче с «Барсой» Дуайт Йорк оформил дубль, а Коул забил еще один мяч.

В премьер-лиге чемпион «Арсенал» представлял для нас главную опасность. Он переиграл нас со счетом 3:0 на «Хайбери» в сентябре и заработал очко на «Олд Траффорд» в феврале. Четыре матча за четырнадцать дней апреля решили судьбу нашего сезона.

Игра дома с «Ювентусом» в первом полуфинале Лиги чемпионов стала настоящим испытанием. Мы не показали хорошей игры. Конте вывел хозяев поля вперед и забил важный гостевой гол, а Райан Гиггз вызволил нас из затруднительного положения, на последней минуте сравнив счет.

Перед этим домашним матчем тренер неожиданно решил оставить команду на ночь в отеле «Моттрэм Хилл», в пяти минутах ходьбы от которого проживали многие игроки. Мелочь. Всегда в раздумьях. Это так похоже на него. После игры мы вернулись в отель на обед и провели собрание команды. На собрании было высказано много нелицеприятных слов. Бексу и Гиггзу досталась своя порция критики за то, что они не выполнили достаточного объема работы без мяча. Затем настала моя очередь. Я справедливо «пихнул» Дениса Ирвина за какую-то его оплошность, предшествующую голу соперника. Денис ответил. Тренер предложил, чтобы я извинился. Нет, стоял я на своем. Если мы пришли, чтобы анализировать игру, давайте проведем анализ.

«Извинись».

«Нет».

Атмосфера на некоторое время накалилась. Я отказывался извиняться. Затем мы пошли спать. Денис и я, как всегда, делили один номер. Мы без проблем поднялись к себе. Я не извинился, но мы рассмеялись над тем, что произошло. Ведут ли себя футболисты иногда по-детски? Конечно. Они должны быть детьми — в ином случае они начнут думать, что всего лишь участвуют в игре. И кто знает, к чему могут привести подобные игры! (Не к победам, уж это точно).

Через четыре дня мы встречались с «Арсеналом» на «Вилла Парк». Это была борьба характеров, как, впрочем, и футбольных школ. Ни одна из команд не желала сдаваться, и матч закончился вничью — 0:0. В дополнительное время ничего не изменилось. Переигровку, которая состоялась в следующую среду, все будут помнить за невероятный победный гол в исполнении Райана Гиггза. Мы играли с «Арсеналом», действующим чемпионом Англии, который разбил нас со счетом 3:0 на «Хайбери» и сыграл вничью — 1:1 на «Олд Траффорд». Для нас снять с них скальп было очень важно. Победа над ними в этом матче стала самоцелью. Насколько же, черт возьми, мы хороши?

Гол Райана Гиггза был просто потрясающ. Этот момент стал ключевым для нас в тот сезон. Победа над «Арсеналом» вдесятером (я был удален с поля за вторую желтую карточку) наперекор всему доказала, что мы были настоящей командой, обладающей редким свойством находить в себе силы и добиваться нужного результата, когда было нужно. Иногда даже «Манчестер Юнайтед» необходимо подтверждение своим качествам, а такие победы являются несомненным доказательством этого.

Через неделю в Турине нам вновь предстояло пройти тяжелое испытание наших способностей и решительности. «Ювентусу» была необходима лишь безголевая ничья. Зная менталитет итальянцев, мы понимали, что они, скорее всего, закроются в обороне и предложат нам атаковать. Уже через шесть минут об этих рассуждениях можно было забыть. Индзаги остался без присмотра на дальней штанге и с легкостью поразил ворота. Четыре минуты спустя он развил успех. Любой, кто хотел бы вывесить белый флаг, имел отличную возможность. Те же, кто хотел доказать, что они стоят того, чтобы играть за «Манчестер Юнайтед», также имели этот чертов шанс. Именно в такие минуты футбол — да и любой вид спорта — превращается в борьбу интеллектов. Насколько мы были сильны интеллектуально? Насколько был силен в этом плане «Ювентус»?

Конечно, пропущенные голы были плохим известием. Хорошей же новостью и позитивным ответом на наше положение было то, что впереди было еще восемьдесят минут футбола. Мы отставали на два гола по сумме двух встреч. Однако если мы сравняем счет, то проходим дальше благодаря лучшей разнице гостевых голов.

Когда мы начали с центра поля после второго гола Индзаги, я быстро сделал подсчет в уме. Любой идиот может начать с неистовством прыгать сопернику в ноги, отбирая мяч, и, используя навал, пытаться забить быстрый гол в нашей ситуации. Но это не пройдет в матчах с такими командами, как «Ювентус». Глядя на нашу команду, было легко получить положительный заряд уверенности благодаря умению забивать многих наших игроков. Йорк, Коул, Бекхэм — все они имели способность поражать ворота соперника (да и Скоулз мог забить гол-другой, выйдя на замену). Именно нам это и было нужно, чтобы вновь показать итальянцам, где раки зимуют. Поэтому нужно было отобрать мяч и играть, увеличивая темп, применить пару приемов в отборе, изменить ход игры. Шаг за шагом нам удалось переломить ситуацию. «Ювентус» успокоился, забив два гола. Они позволили нам навязать им нашу размеренную игру. Когда мы взвинтили темп, они никак на это не отреагировали. Я чувствовал, что они попали в капкан самоуспокоенности. Я был уверен в том, что они скорее будут рады удержать то, что имеют, а не попытаются забить гол, который решит исход матча. Мы набрали ход. Достаточно ли у них сил и способностей, чтобы сдержать «Манчестер Юнайтед»?

По мере развития событий в первом тайме мы все заметнее доминировали в открытой игре. С неким оттенком гротеска я начал наслаждаться гонкой, в которую теперь превратилась игра. Нам нужно было забить гол до перерыва. Бекс побежал подавать угловой слева. Я же начал движение к ближней штанге. Это было небольшой авантюрой — я не забивал головой после подачи угловых еще с моих выступлений за «Рокмаунт». Вам нужна удача, когда вы рассчитываете время прорыва в штрафную, но сначала вам нужно сделать прорыв. Я это и сделал. Подача Бекса была выполнена идеально. Я просто проводил мяч глазами в сетку ворот.

Равновесие в матче было нарушено. Они боялись нас. Мы же испытывали вдохновение, методично и сосредоточенно набирая ход. Перед самым перерывом я попытался догнать мяч, неточно пущенный Йеспером Блумквистом, но Зидан опередил меня. Было уже слишком поздно, я неумышленно врезался в него, и мы упали. Желтая карточка закрывала мне дорогу в финал. Но я настолько был поглощен игрой, что напрочь забыл обо всех последствиях предупреждения. Как и в матче с «Арсеналом», победа здесь и сейчас стала самоцелью. Мы еще не были в финале. Но если мы не получим здесь нужного результата, то ни о каком финале не нужно было и беспокоиться.

Они были в двух шагах от того, чтобы упустить победу, — мы видели это в их глазах, и это заставляло нас идти вперед. Йорк и Коул терзали их четырех защитников. Быстрота и хитрость Дуайта и Энди теперь проявлялись во всей красе. Гол, забитый Дуайтом, был организован с подачи Энди. При счете 2:2 мы выходили в финал. Соперник же был дожат. Зидан, Дешам и Давидс упустили возможность

сравнивать счет. Я вступил с Давидсом в борьбу, в которой шансы были равны, и с легкостью отобрал мяч.

Когда Коул забил наш третий гол, я осознал, что пропущу финал. Но меня тогда это не заботило (позже все будет иначе). Я был горд за свою команду в тот вечер, горд за себя, довольный тем, что оправдал свое существование в команде и оплатил свои долги тренеру, оправдав его доверие. Я полагал, что «Манчестер Юнайтед» по праву должен играть в финале Лиги чемпионов. Я ощущал, что это имело большее значение, чем вопрос, буду ли я там выступать.

Воскресенье,

16 мая 1999 года

Мы находились, как все знали, лишь в трех играх от исторического трембла. Все было просто: обыграть сегодня «шпоры», выиграть у «Ньюкасла» на «Уэмбли» в следующую субботу и взять верх над «Баварией» в последующую за этим среду в Барселоне, и мы достигнем того, что еще не удавалось ни одной команде в современном футболе. Но есть и иное развитие событий, которое может породить заголовки типа: «Юнайтед» профукал трембл!» или «Парни Ферги вновь не прошли европейский тест».

Доселе в этом сезоне у меня все шло хорошо. Год назад я не был уверен, что смогу снова играть. Из-за одного глупого приема против Альфи Холанда я мог потерять честь носить капитанскую повязку, и уже в двадцать семь обо мне могли бы говорить только в прошедшем времени. Я совершил ошибку и усвоил урок. Ой ли? Не совсем. Когда парни будут выходить на матч с «Баварией» на «Ноу Камп», я буду сидеть на гребаной трибуне. Почему? Еще один глупый прием против Зидана в матче с «Ювентусом» и совсем необязательное предупреждение за спор с арбитром, когда мы встречались с «Интером»!

Мы должны обыграть сегодня «шпоры». Под руководством Джорджа Грэма они попытаются навязать нам жесткий футбол, попытаются обмануть. Но если мы будем играть в свой футбол, мы сломим их. Мы знаем, что не уступим ни одной команде в том, что касается объема прилагаемых усилий, а затем скажется и класс. Ведь у нас есть Бекс, Райан Гиггз, Дуайт Йорк,

Энди Коул, Пол Скоулз, Тедди. Мы испытываем более сильное стремление к победе, а этого должно быть достаточно.

Мы слышим, как за стенами ревет толпа болельщиков. Они настроены праздновать победы, радостно ожидая еще одно великое событие на «Олд Траффорд», еще один чемпионский титул.

Мы здесь для того, чтобы работать. Футбол на том уровне, на котором играет «Манчестер Юнайтед», представляет собой жестокий бизнес. Да, вознаграждение велико. Ты можешь здесь заработать кучу денег и быть героем. Но ты можешь оказаться и в неудачниках, которого повсюду унижают, склоняют в прессе, освистывают болельщики или же просто выводят из состава команды, что равно публичному оскорблению, касающемуся не только тебя, но и твоей семьи, жены, детей, мамы, папы, братьев и сестер.

В этом клубе момент слабости может привести к позору. Отрицательный результат в матчах с «Реалом» и «Баварией» считается провалом. Если быть справедливым, это и есть провал. Провал и неспособность оправдать тот уровень, который был задан теми, кто пришел на «Олд Траффорд» до тебя: Мэт Басби, Бобби Чарльтон, Джордж Бест, Денис Лоу, команда, погибшая в авиакатастрофе в Мюнхене, Брайан Робсон, Эрик Кантона. Именно из-за них я хотел играть за «Юнайтед». Благодаря им вокруг каждого матча «Манчестер Юнайтед» создается ажиотаж. Все ждут чуда. Наша работа — оправдать ожидания. Это трудная задача. Всякий раз, как я надеваю красную майку, я осознаю на себе ответственность, которая ложится на плечи игрока «Манчестер Юнайтед».

По мере того, как тренер раскрывает перед вами задачи и цели на сегодняшний день, чувство тревоги улетучивается. Эта тревога, слабое и скрытое в подсознании чувство, объясняется тем, что в ближайшие десять дней нам предстоит сыграть три игры, которые могут привести нас либо к «славному тремблу»,

либо наложат на нас вечную печать проклятья «команды неудачников, нуждающейся в радикальном хирургическом вмешательстве». Победа в Кубке Англии была бы самодостаточной для некоторых клубов. Для нас же победа в Кубке лишь подчеркнет ужаснейший провал, если мы упустим победу в чемпионате и Лиге чемпионов. Даже дубль — чемпионат и Кубок — также будет расценен как провал. Успех на европейской арене является главной задачей «Манчестер Юнайтед» — уровень, который задала команда 1968 года. Именно поэтому тренер купил меня шесть лет назад. Пока мы безуспешно штурмовали эту вершину. Пока мы не выиграем Лигу чемпионов, эта команда никогда не сможет называться успешной.

Несмотря на то, что эта игра имеет большое значение, матч со «шпорами» еще более наглядно демонстрирует точку зрения тренера, — а я ее разделяю — о том, что так называемые мелочи нельзя игнорировать. Соперник постоянно на полметра отстает от нас в борьбе за потерянный мяч. Он неуверенно действует в пас. Он старается играть в отборах, но лишь, скорее, обозначает борьбу, нежели всерьез пытается отнять мяч. «Тоттенхэм» выходит вперед. Лес Фердинанд откликается на прострел, но неточно прикладывает к мячу внешней стороной стопы, и мяч летит по сумасшедшей траектории над Шмейхелем. Проигрываем один мяч.

Теперь нам нужно поднажать. Снова мелочь. Не нужно бежать сломя голову — просто взвинтить темп. Делать все, что нужно, передавать мяч, заставить этих ублюдков работать, выматывать их.

Бекс демонстрирует волшебство, создав гол из ниоткуда. На самом деле это только кажется, что ниоткуда — гол в действительности стал результатом нашего непрерывного давления на ворота соперника в течение пятнадцати минут, с чем «Тоттенхэм» не может совладать. Бексу нужен только метр. Они дают ему пять... Удар великолепен, и мяч по дуге влетает в верхний угол ворот. Мы вырываемся на свободу.

В перерыве тренер заменяет Тедди на Энди Коула. Мы знаем, что нам делать... и знаем, как.

На второй минуте второго тайма Энди Коул забивает не гол, а алмаз. Он укрощает неточный пас и перекидывает мяч через Яна Уокера — мастерство применяется в нужное время и в нужном месте. Теперь можно расслабиться.

Самое сильно чувство, которое я испытываю в этот момент, — расслабление. Черт возьми, мы сделали это! Бросаю взгляд на часы. Играть еще долго. Целых сорок минут. Мы начинаем терять концентрацию. Снова мелочи, в которых мы стали уступать. Позволяем им быть впереди на полметра. Менее охотно идем вперед на территорию соперника, боясь потерять мяч. Инстинкт, заставляющий тебя защищать то, что ты сделал. Опасный инстинкт.

Одна случайность, промашка арбитра, и будет слишком поздно. Последние десять минут проходят словно в другом измерении. Ну, дуй же, судья, в свой гребаный свисток, пожалуйста!

Грэм Полл свистит. Чувство облегчения переполняет меня. Работа сделана. Слава Богу. Я не чую под собою ног. Тренер обнимает меня. Теперь мы можем немного выпить!

Манкунианцы — прекрасные, теплые и остроумные люди. Они имеют большое сходство с выходцами из Корка, которые также славятся своей простотой и отсутствием вычурности и напыщенности. Я не люблю различные приемы «в галстук». Слишком много на них происходит всякой ерунды. Пустые разговоры ни о чем.

Это не по мне. Но, конечно, не сегодня. Райан Гиггз и Ники Батт, как обычно, шутят, насмехаясь над людьми и заводя их. Они представляют опасный тандем в подобных словесных перепалках. Гиггзи является характерным героем. Парень из Сэлфорда — плут, который вырос на улице. Со своим невозмутимым выражением лица и невинными манерами он действует на окружающих успокаивающе. Хитрый Ники, мистер Надежность, такой же шутник и проказник. Как обычно, сегодня он и Гиггзи в ударе. Бекс, Пол Скоулз, Гари и Фил Невиллы от них не отстают.

Эти шестеро всегда были вместе с детства. Они составляют костяк команды как на поле, так и за его пределами. И они держатся особняком, не принимая нас в свое общество. С этим проблем нет. Напротив, я полагаю, что это является огромным фактором в успехе клуба. Все, кроме Бекхэма, выходцы из Манчестера, а Бекси играет за «Юнайтед» с двенадцати лет. Поэтому в современном футболе, где деньги имеют значительный голос, обычно иностранный, такая преданность, которую олицетворяет эта шестерка, является ценным качеством. Это есть у «Ливерпуля». А вот у «Арсенала», «Челси» и «Лидса» — нет. В самом сердце нашей команды есть нечто твердое, что-то настоящее, что-то, присущее только Манчестеру, отношение к игре Шести Амиго, которое представляется фундаментальным в команде и ее успехе.

Мы празднуем не достижение славы либо исполнение заветных мечтаний, а именно то, что у нас имеется такое качество. Это истинно счастливый вечер для истинно счастливого клуба. До финала Кубка Англии на «Уэмбли» остается шесть дней, а до встречи с «Баварией» на «Ноу Камп» — десять, и поэтому мы можем расслабиться и забыть о дисциплине, строгости и страхах, присущих слишком длинному футбольному сезону в Англии. Мы поздно уходим домой — усталые, в отличном настроении и удовлетворенные.

Понедельник, 17 мая

Я проснулся, чувствуя себя великолепно. Похмелье — да. С ноющей лодыжкой, которую будет необходимо осмотреть и опробовать, чтобы убедиться в моей готовности к финалу Кубка с «Ньюкаслем», но это будет еще через пять дней. Поскольку я не буду играть в Барселоне, то мой сезон закончится досрочно.

Между тем у меня был выходной, и единственное, что мне нужно было сделать, — посетить врача, который должен осмотреть мою лодыжку и предложить лечение. После этого у нас намечен выход в город с ребятами. «Юнайтед» уже не был тем клубом, в котором процветала культура питья, когда я в него пришел. Давно ушли в прошлое ставшие неотъемлемой чертой клубной жизни регулярные попойки по субботним вечерам вместе с Брайаном Робсоном, Стивом Брюсом, Эриком, Ли Шарпом и другими футболистами. Игра изменилась, и к лучшему. Мы повзрослели. Теперь мы следили за своей комплекцией, ели макароны, пили креатин и спокойно ужинали со своими женами. Профессионал Рой Кин принял с радостью новый режим, его требования дисциплины и сопутствующие этому победы. План был согласован. Мы встречаемся в «Маллигансе», ирландском баре в Манчестере, в пять часов. К первому часу я ушел от доктора. Прогноз был положительным. Я буду в строю к субботе — не на сто процентов, но достаточно готовым, чтобы сыграть свою последнюю игру в сезоне.

«Маллиганс» — небольшой ирландский паб, спрятанный в переулке, и представляет собой отличное место для таких желанных для нас вечеров, для нормальных застолий, на которые собираются обычные коллеги по работе после нормальной трудовой недели. Негативная сторона славы игрока «Юнайтед» — отсутствие нормальной обстановки, что подчеркивается наличием у нас трех телохранителей.

Но это не мешает нам отлично провести время. Райан Гиггз и Ники Батт выискивают жертву. Гари Невилл не закрывает рта. Петер Шмейхель рисует (что в этом нового?), заставляя людей скучать. Дуайт Йорк находится в хорошем плутовском настроении. Бекс слушает Гари. Тедди спокоен и крут. Он же из Лондона! Денис Ирвин и Пол Скоулз, спокойные парни, раскрепощаются.

Мы решаем перейти в другое место. Один из телохранителей идет в бар «У Генри», что по другую сторону улицы, чтобы разведать там обстановку. Нет проблем, докладывает он. Некоторые из парней — завсегдатаи «У Генри», поэтому мы можем занять пару столиков и продолжить наше празднество.

Некоторое время все идет хорошо, но вскоре нарисовывается проблема в лице двух женщин и мужчины, которые следили за нами в «Маллигансе». Я говорю с Райаном, когда одна из женщин просит меня купить ей что-нибудь выпить. Мы ее не замечаем. Но она продолжает настаивать на своем. В этот раз к ней присоединяются ее подруга и парень. Мы идем в другое место. Они идут за нами.

«Ты не хочешь купить девушке выпивки, козел?» Этот парень встал перед самым моим носом. Отвечать агрессией на агрессию?.. Да, разумным поступком в этой ситуации было бы позвать телохранителей. К несчастью, после выпитого разумное поведение уже не является моей отличительной чертой.

«Пошел отсюда и оставь нас в покое!» — отвечаю я.

«А почему бы тебе самому не убраться отсюда? Какого хрена ты о себе возомнил?» — отвечает женщина номер первый.

Неожиданно я получаю удар стаканом под глаз. Я толкаю парня. Затем наступает полный кавардак. Последующие мгновения проходят словно в тумане. Но позднее я узнал, что две женщины вышли из бара, чтобы позвонить. Одна — в газету «Сан», чтобы продать историю (да, это было так!), другая — в полицию, чтобы сообщить о нападении на них со стороны Роя Кина. Это обвинение позднее было опровергнуто хозяином бара, подтвердившего, что «Рой Кин ушел от девушек, которые к нему приставали, а одна из них бросила стакан, который попал ему в лицо. В этот момент девушек попросили выйти из бара. Они грубо себя вели как по отношению к работникам бара, так и к его посетителям и были выдворены из бара в соответствии с его политикой».

Прибыла полиция, светя фарами и мигалками. Собралась небольшая толпа людей. Я уже вижу заголовки завтрашних новостей.

«Пройдите, мистер Кин». Вежливо, но твердо. Я сижу на заднем сиденье полицейской машины. «Ты, болван. Почему я, как обычно, — почему я? Я не был единственным, к которому они приставали, но лишь я попытался вмешаться. Опять», — думал я.

В полицейском участке я объясняю, что произошло. Они слушают меня. К несчастью, мой вид после кутежа не внушает доверия.

Меня заточают в камеру, чтобы я проспался. Ночь была длинной. Большую часть ее я не спал.

В первую очередь я думал о Терезе и детях. Тебя вскоре отрезвляют сожаление и стыд. Возле дома будет толпа журналистов, когда Шэннон пойдет в школу. Потом будет клуб: ему предстоит провести две важнейшие игры, одна из которых является самой главной в истории «Юнайтед», а его капитан сидит в камере за пьяную выходку и нарушение общественного порядка!

Да, это была подстава, но это не является оправданием. Не было никаких оправданий моему поведению — я вел себя как дурак. Сумасшедший, дикий Кин. Я позвонил Майклу Кеннеди, который призвал меня взять себя в руки и не беспокоиться. Я думал о моих в Корке. Они открывают газеты, читают заголовки, стараются избегать встречи с соседями и вынуждены выносить весь этот стыд за своего Роя. Опять. Ну и болван же я.

Тренер приезжает на следующее утро. Ему позвонил Майкл, хотя это было вовсе и не нужно. Манчестер — большая деревня. Если ты что-то натворил, то тренеру об этом станет известно уже следующим утром. Такой-то пробыл в ночном клубе до полтретьего ночи. Он сел в такси в довольно пьяном виде и т. д. Тренер тебя вычислил, и бесполезно отнекиваться. Я всегда был с ним честен, поднимал вверх руки, и теперь я вознагражден за такое поведение — когда я объясняю, что произошло «У Генри», он поверил мне. «Я тебя вытащу». Он далеко не рад моему заключению за четыре дня до финала Кубка. В таких ситуациях тренер всегда находит выход и проявляет себя наилучшим образом. Он знает, что на душе у меня скребут черти. И в это время со мной лучше не затевать серьезных разговоров.

Я был отпущен под залог. Меня заверили, что если все обвинения окажутся бездоказательными, я больше ничего не услышу об этом деле. С легкой душой я отправился к Терезе и детям, дав себе клятву, что больше не совершу подобную ошибку. Конечно, я и раньше давал себе такие обещания.

Суббота,

22 мая 1999 года

Моя последняя игра сезона. Победа над «Ньюкаслем» будет означать третий дубль в девяностые годы и место в истории.

Меня никогда особо не трогали все эти разговоры о «мечте» на «Уэмбли». Условия для игроков и зрителей там не отвечают высоким стандартам. Поле, кажется, находится в нескольких милях от трибун, атмосфера же не самая подходящая.

Когда я начал разминаться перед матчем с «Ньюкаслем», то понял, что моя левая лодыжка все еще не восстановилась. Я пошел на риск, не зная, смогу ли провести весь матч.

Я смог сыграть всего восемь минут. Гари Спид сыграл грубо против меня. Запоздалый прием в отборе. Он, несомненно, «вырубил» меня — на этот раз порвались связки моей правой (здоровой) лодыжки. Если бы я был готов на все сто, Спид не смог бы меня догнать. Через пару минут я, хромая, покинул поле. Мы еще встретимся с Гари когда-нибудь.

Тренер выпустил на поле Тедди, что оказалось мудрым ходом. Тедди забил гол и ассистировал Полу Скоулзу. Мы выиграли дубль. Несмотря на скептическое отношение к «чудесам» «Уэмбли» и «мечте» о том, чтобы поднять Кубок Англии, я испытывал настоящее удовлетворение, когда повел ребят по ступеням, чтобы получить этот трофей из рук принца Чарльза. Работа сделана.

Следующая работа, как бы печально это ни звучало, предназначена, увы, не для меня...

Понедельник, 24 мая

Нам предстояло провести самую важную игру в истории клуба после финала Кубка чемпионов 1968 года. Полет на «Конкорде», возможно, был напоминанием со стороны тренера нам и всему миру, что «Манчестер Юнайтед» достоин лишь самого лучшего. Никогда не знаешь, что предпримет Алекс Фергюсон. Он всегда стремился вперед.

Окончание сезона выдалось не совсем таким, каким я себе его представлял и на которое надеялся. Было здорово, что мы выиграли дубль и теперь имели отличную возможность присовокупить к нему победу в Лиге чемпионов, которая была главной задачей для клуба с моих первых дней пребывания в нем. Но, с другой стороны, мне было не по себе от того, что я провел ночь в полицейской камере, получил травму в начале финала Кубка и вот теперь лечу в первом классе в качестве балласта на решающий матч Лиги чемпионов.

Я очень хотел, чтобы ребята выиграли. Несмотря на доминирующее положение в премьер-лиге в течение нескольких лет, нет смысла отрицать наши провалы в Европе. Выход в финал предоставлял нам отличную возможность избавиться от репутации неудачников.

Мне было больно из-за того, что я не имел возможности помочь команде, особенно когда вспоминал слова тренера по приходе в клуб: «Рой, «Манчестер Юнайтед», с тобой или же без тебя, но станет сильнейшим клубом в Англии. С тобой мы сможем добиться успеха в Европе». Теперь же, когда это достижение было на расстоянии вытянутой руки, я буду всего лишь сторонним наблюдателем. Как и Пол Скоулз, также получивший предупреждение в Турине.

Желание играть в финале Лиги чемпионов и победить двигало мной с первых дней в «Юнайтед». Теперь же, когда мы его достигли, я ничем не мог помочь команде. Я буду лишь частью массовки в этом кинофильме, частью шума и цвета. Мне было почти так же обидно за Скоулза, как и за себя. Он, возможно, был самым одаренным игроком в нашей команде. Он был футболистом «Манчестер Юнайтед» до мозга костей. Должно быть, ему было очень больно пропускать такое событие, особенно смотря на то, как его партнеры, выигравшие с ним молодежный Кубок в 1992 и 1993 годах, теперь сражаются за самый престижный трофей европейского клубного футбола. Пол — идеальный профессионал. Великолепный на поле, скромный и рассудительный за его пределами. Никакого

«звездняка», никакой саморекламы и охоты за славой. Невероятно одаренный игрок, остававшийся неиспорченным человеком. Странно, но то, что мы находились с ним в одной лодке, немного скрасило мое разочарование.

Я выпил несколько пинт пива в среду перед тем, как мы отправились из отеля на «Ноу Камп». В автобусе царило спокойствие и не было никакой обычной предметчевой болтовни. Даже Райан Гиггз и Ники Батт сидели тихо. Тренер также был весь собран и серьезен. Наша команда проделала длинный путь, побив множество рекордов на внутренней арене. Мы выиграли три дубля. Но все в автобусе знали, что нам предстоит сыграть важнейшую игру. Мы были во многих местах, но здесь — никогда. Неизвестная земля. Впереди нас ждала далеко не очередная встреча.

Для тренера ставки были особенно велики. Я был уверен в том, что он не будет ощущать завершенность работы своей жизни, пока мы не выиграем Лигу чемпионов. Я многим ему обязан, как и мы все, и этим вечером нужно было оплатить долги.

Все, что я мог сделать, — лишь наблюдать.

Поскольку Пол и я не могли играть, тренер переместил Бекса в середину поля вместе с Ники Баттом. Райан Гиггз перешел на правый фланг, а Йеспер Блумквист — на левый. Я сидел рядом с Джимми Райаном, Хеннингом Бергом и Полом. Я старался напустить на себя бравый вид, но в душе я испытывал самые тяжелые переживания за всю свою футбольную карьеру.

Мы с «Баварией» играли дома и в гостях на групповом этапе турнира. Обе игры завершились вничью. «Бавария» была хорошей командой, которую, однако, можно было победить. Она не могла «порвать» вас, как, скажем, «Реал» или «Барселона». Она — крепкий орешек. «Бавария» будет хорошо обороняться, играть в пас, терпеть и ждать своего шанса. Эффенберг в центре поля был ее главной фигурой, он диктовал темп игры команды.

На шестой минуте матча мы подарили им легкий гол. Ронни Йонсен сфолил на их высоком центрфорварде Янкере, и Марио Баслер забил вполне берущийся мяч со штрафного. После этого никаких событий почти не происходило. Ни одна из команд, судя по всему, не могла взвинтить темп и освежить игру. Конечно, «Бавария» забила гол, и ее игроки чувствовали себя куда более комфортно на фоне такого предсказуемого рисунка игры. Мы должны брать контроль над игрой и не забывать об опасности контратаки со стороны соперника. Дважды во второй половине встречи они попадали в каркас ворот. Любопытно, что эти промахи соперника вдохновили наших игроков.

Постепенно я почувствовал, что ход игры изменил свое направление. Взглянув на часы, я увидел, что до конца матча осталось менее пятнадцати минут. Тренер заменил Йеспера Блумквиста и Энди Коула на Тедди и Оле. Вы вряд ли найдете лучших игроков, выходящих на замену. Тедди может делать рейды в стан соперника и отнимать мяч, Оле был едва ли не лучшим бомбардиром в Европе. Темп игры должен был поменяться в любом случае.

Смогут ли теперь немцы ответить на вопрос, поставленный в несколько ином свете?

Ответ был отрицательным. Наблюдая за игрой, я чуть не потерял голову. «Бавария» ждала окончания матча. Теперь ее четверка защитников не уходила далеко от своих ворот, а полузащитники сгрудились на своей половине поля. «Они кончены, — сказал я Джимми Райану. — Мы их поймали». Нам был необходим прорыв. Если вы все делаете верно, то в любой игре у вас наступает прорыв. Но немцы продолжали держаться за гол, выстроившись вдоль своей штрафной. Для команды с такой репутацией, которая была у «Баварии», она в этот момент являла жалкое зрелище, какое только возможно представить... С такой игрой они вряд ли смогут выиграть Лигу чемпионов. Или нет? Несмотря на весь прессинг, который мы оказывали на соперника вблизи его ворот, «Юнайтед» не смог создать ни одного реального шанса.

Возле бровки поля помощник судьи поднял табло, на котором было показано, что арбитр добавил еще три минуты. Еще один угловой. Петер Шмейхель бежит вперед. Я никогда не видел, чтобы такая

тактика срабатывала. Удивительно, но на этот раз она помогла. Бекс отлично подал угловой, мяч был отбит к Райану, находящемуся на краю штрафной. Он не попадает как следует по мячу, и тот летит прямо на Тедди, который тычком отправляет его мимо немецкого вратаря.

«Ноу Камп» взорвался. Даже теперь я не могу адекватно описать охватившие меня тогда эмоции. Облегчение? Да. И удовлетворение — поскольку я чувствовал, что ребята заслуживали остаться в живых, так же как немцы не заслуживали выиграть этот приз, ничего не предпринимая. Но больше всего я был рад за тренера. Не в первый и не в последний раз он мудро разыгрывал карты замен.

Оставалась минута, когда «Бавария» начала с центра поля. Теперь она полностью потеряла контроль. Мы мгновенно возвращаем себе мяч. Восставшие из мертвых, мы теперь изо всех сил старались забить победный гол. «Бавария» дает нам возможность выполнить еще один угловой. Бекс закручивает мяч на ближнюю штангу. Тедди переправляет его дальше, и Оле забивает гол.

Я сомневаюсь, что мы когда-нибудь вновь станем свидетелями трех минут такого футбола. В итоге приз за победу в Лиге чемпионов 1998/99 получила команда, которая желала этого больше других. В тот день победил дух. Я играл в двенадцати из тринадцати матчей Лиги, но я никогда не чувствовал себя настолько уставшим, как это было по окончании этих девяноста трех минут в Барселоне. Даже в самые радостные моменты я никогда не был среди тех, кто бурно празднует победу после матча (обычно я сохраняю силы для бара). В тот вечер на «Ноу Камп» тренер с трудом заставил меня и Пола пойти и получить медали. Да, мы сыграли свою роль в той европейской кампании, но вечер принадлежал другим парням, которые сделали свое дело в матче против «Баварии». Пол и я находились словно на футбольной обочине и представляли яркий пример истины профессионального футбола: ты играешь для твоей команды, твоего клуба, болельщиков, но в первую очередь — для себя. Футбол — весьма эгоистичная игра. И сколько бы мне ни говорили, что я заслужил медаль Лиги чемпионов, я знаю, это не так. На самом деле можно сказать, что мое недисциплинированное поведение едва не привело к крупным неприятностям для нас.

Мы отлично провели ночь в отеле. Те, кто чувствовал себя причастным к команде, созданной Алексом Фергюсоном, разделяли истинное чувство достижения чего-то великого. Еврокубки представлялись тяжелым испытанием, которое мы с честью выдержали. Безусловно, это было его достижением. Я мог с легкостью забыть про разочарование от того, что пропустил финальную игру, потому что на самом деле мне было почетно быть капитаном команды, принесшей успех великому тренеру и великому клубу. Именно поэтому я пел, смеялся и пил всю ночь. Некоторые парни во главе с Дуайтом Йорком решили поближе познакомиться с ночной жизнью Барселоны, а я остался в отеле. На следующий день нам устроили незабываемый прием в Манчестере.

XI

В середине сезона, в котором мы выиграли «требл», Брайан Кидд перешел в «Блэкберн» в качестве главного тренера. Он посчитал, что настало время самому стать хозяином, попробовать свои силы на посту главного тренера клуба. Несмотря на то, что Кидд был неотъемлемой частью нашего клуба, меня не удивил его шаг. Меня ничто не удивляет в футболе. Я уверен, что деньги были одной из причин, по которой Брайан покинул клуб. Он играл ключевую роль в трансформации «Юнайтед» в девяностые, работая правой рукой главного тренера. Но по мере роста нашего богатства его зарплата даже не могла сравниться с тем, что получал обычный игрок низших дивизионов. Только глупцы не думают о зарплате, когда все вокруг тебя заколачивают бабки. Разве мог Брайан отказаться от предложения Джека Уокера, который дал ему столько, сколько он не смог бы заработать и за всю жизнь на «Олд Траффорд». Я уважаю его и как личность, и как тренера. Мне было жалко, что он ушел от нас.

На его место пришел Стив Макларен. Новый голос, новые идеи, которые я также принял.

В то время я думал о деньгах и новых контрактах. Мне было двадцать восемь, когда истек последний год контракта. Майкл Кеннеди вел переговоры с клубом в течение нескольких месяцев. Дела шли далеко не так, как хотелось.

Мне нравилось играть за «Манчестер Юнайтед». Для меня Алекс Фергюсон был отличным тренером. Он диктовал свою волю и был голодным до успеха. Он не любил болтунов и тех, кто блефует, и всегда боролся с такими людьми в нашей раздевалке. Лично я был обязан ему многим. Случались ли передраги в жизни, как это происходило со мной на поле и вне его, — он всегда был рядом. Он не хотел иметь рядом с собой послушных бойскаутов и принимал все черты моего характера — отрицательные, положительные и безобразные.

Мне также нравилась обстановка в раздевалке «Юнайтед». В это время у меня была возможность уехать за границу. Большое количество клубов Европы, ведущих клубов, прошупывали подо мной почву. С 1 января 2000 года я уже мог вести переговоры с другими клубами. В июне 2000 года по правилу Босмана я мог перейти в другой клуб в качестве свободного агента. У меня были лучшие карты. Майкл знал, как ими распорядиться.

Я всерьез подумывал о «Ювентусе» и «Баварии». Оба эти клуба были готовы предложить мне огромные деньги, чтобы я мог обеспечить себя на всю жизнь. Однако уход из «Юнайтед» было трудно себе представить.

Несмотря на то, что обо мне пишут, что я неудачник, наполовину отгородившийся от других игроков клуба, правда является куда более сложной. Я немного старше «детей» и не состою в банде Бекса, Невиллов, Ники Батта, Райана Гиггза и Пола Скоулза. Они ужинали вместе, общались друг с другом, участвовали в своих общих делах. Со мной все по-другому. Я больше общался с парнями из команды 1994/95. Я участвовал в попойках с Роббо, Брюси, Инси и Эриком. Другая команда, другое, беззаботное, время. Те парни были моими друзьями. Теперь же вокруг меня лишь коллеги. Но они все мне нравятся, все. У нас общие шутки, каждый из нас играет свою роль. Они принимают меня таким, какой я есть, так же как и я их. В отличие от команды девяностых наши связи более крепки на поле, чем в баре.

Я понимаю, что «дети» потенциально являются величайшей силой, которая имеется в арсенале клуба. Они составляют основу тех, кто предан «Юнайтед», они то, что необязательно есть в каждом клубе премьер-лиги. Арсен Венгер выиграл дубль с «Арсеналом», и тут же клуб покинули Пети и Овермарс. Вьейра может, а возможно, и не может, перейти в «Реал» или же в какой-нибудь итальянский клуб. Подобная нестабильность разрушает основу клуба и в «Лидсе», и в «Челси». Но только не в «Манчестер Юнайтед».

Я был счастлив на «Олд Траффорд». Переговоры шли до упора, пока соглашение не было достигнуто. Я был рад подписать новый четырехлетний контракт.

В первые недели сезона 1999/2000 Майкл вел мои дела, а я работал изо все сил, чтобы на поле доказать клубу свою цену. Я забил два гола на «Хайбери», когда мы взяли верх со счетом 2:1, и принес победу в финале Межконтинентального кубка в Токио, где мы играли с бразильским клубом «Палмейрас».

Мы выиграли шесть матчей и сыграли вничью три встречи в наших первых девяти играх премьер-лиги. А потом «Челси» разгромил нас со счетом 5:0 на «Стамфорд Бридж». В то лето из команды ушел Петер Шмейхель. Тренер взял на его место двух вратарей: Марка Боснича из «Виллы» и Массимо Таиби из «Венеции». Боснич был славный малый. О нем можно написать книгу. Но, хотя он и был одаренным голкипером, судя по всему, у него было не все в порядке с профессионализмом. На свою первую тренировку он опоздал на час. Тренер отсутствовал по какой-то причине. Когда Боси пришел на поле в 11 часов, я спросил его, где он был.

«Я заблудился по пути из отеля», — ухмыльнулся он самодовольной улыбкой. Он всегда был немного самодоволен.

«Заблудился он, на хрен!» — усмехнулся я.

«Да, дружище», — сказал Боси.

«Твой первый гребаный день в «Манчестер Юнайтед», а ты опаздываешь на час на гребаную тренировку», — «пихнул» ему я.

Смешно звучит, но это происшествие задело меня. Как и я шесть лет назад, Боснич был поселен в отеле «Четыре времени года». Боясь заблудиться в мой первый день проживания там, я заказал такси и сказал водителю, чтобы он ехал на «Клифф», а я следовал за его машиной. Я приехал за час до начала тренировки. Необходимо принимать во внимание все мелкие детали, которые и выдают ваше отношение к работе. И в этом случае эти детали говорили многое. Я раззадорил его, чтобы он немного проснулся, и дал ему понять, чего ожидают от игрока «Манчестер Юнайтед» в наши дни. Боси уже был в «Юнайтед», но тогда ему отказали в разрешении на работу.

Марк Боснич остался на «Олд Траффорд», но он так и не понял, что я хотел ему сказать. Он и Дуайт Йорк были отличными парнями и во многом походили друг на друга. Дуайт отлично провел сезон, когда мы выиграли «требл». В пятьдесят одном матче он забил двадцать девять голов и великолепно вел за собой атаку, неизменное количество раз ассистируя другим. К несчастью для него и для нас, успех на поле привел к тому, что он слишком много времени веселился после игр. Он пока мог одновременно выполнять свою роль и футболиста, и плейбоя, но его часы безжалостно отсчитывали время.

Массимо Таиби был по-настоящему хорошим профессионалом и хорошим парнем. Безусловно, он был отличным вратарем. Но, увы, его дебют выдался ужасным. За неделю до разгрома в игре с «Челси» он пропустил безобидный мяч между ног после удара Мэта ле Тиссье во встрече с «Саутгемптоном». Матч с «Челси» стал концом карьеры Массимо в «Юнайтед». На следующей неделе место в воротах вновь занял Боснич. Массимо вернулся в Италию.

Но это уже было неважно. Проиграв «Шпорам» 1:3, мы выдали серию из одиннадцати матчей чемпионата без поражений.

Мы уверенно выступали в Европе. Переговоры о моем контракте оставались незавершенными, а я продолжал забивать. За день до игры с «Валенсией» Майкл позвонил мне, чтобы сообщить о заключении нового контракта.

В октябре 1999 года тренер собрал команду и сообщил, что по причинам, не зависящим от «Юнайтед», мы не будем играть в Кубке Англии. Англия участвовала в конкурсе на принятие чемпионата мира 2006 года — решение о хозяевах мирового первенства принимала ФИФА. Ее же руководители хотели, чтобы «Манчестер Юнайтед» сыграл в первом клубном чемпионате мира, который должен состояться в Бразилии в начале января 2000 года. Правительство и Футбольная ассоциация оказывали на клуб давление, чтобы заставить его участвовать в этом турнире. Для «Юнайтед» ситуация была безвыигрышной: обидеть ФИФА, ФА и правительство... или проигнорировать старейшее в мире футбольное соревнование и обидеть, как это оказалось впоследствии, почти всех.

Истина же состояла в том, что Кубок Англии утратил свою былую славу, по крайней мере для меня. Да, на матчи Кубка ходили наши семьи и все те, кто трудился в клубе. Миф об «Уэмбли», фольклорное повествование о выходе из раздевалки по туннелю, красный ковер, встреча с большими «шишками», поход в Королевский бокс за медалями, похлопывание тебя по спине королевскими особами, получение самого Кубка — все это было полной чужью. Мы лишь стремились выиграть премьер-лигу и Лигу чемпионов.

Конечно, в этом был свой смысл. Традиции в Англии умирают медленно. Но они все же умирают. Когда вышли новости

о том, что обладатель Кубка Англии не будет отстаивать свой титул, началась настоящая шумиха. Мы все напустили на себя грустный и важный вид, сожалея о случившемся. Но внутри мне было наплевать. Меня радовали перспективы поездки в Бразилию в январе. Даже если так называемый клубный чемпионат мира вряд ли представлялся турниром, в котором нужно было отдавать все силы для победы.

Мы улетели в Бразилию в хорошем настроении и хотели выиграть. Ты всегда хочешь победить. Мы представляли «Манчестер Юнайтед». Тренер напомнил нам о наших обязанностях, требуя от нас, чтобы мы доказали звание лучшего клуба в мире.

В Рио было жарко. Отель располагался на пляже. Статус турнира был далеко не всем ясен. «Некакса» из Мексики, «Васко да Гама» из Бразилии и австралийская команда «Саут Мельбурн» были нашими соперниками по групповому этапу. На нашей первой игре с мексиканским клубом обновленный, но все же потрепанный стадион «Маракана» был пуст. Широкий бетонный овал, в котором эхом раздавались наши голоса. Атмосферы — ноль. Несуветная жара. Результат — 1:1.

Стадион был заполнен во время нашего второго матча с «Васко да Гама», местным чемпионом. Из-за двух непростительных ошибок Гари Невилла «Васко» забил два легких гола. Мы проиграли 1:3. Турнир закончен. Но никто не плакал. По разному роду причин наша миссия была невыполнима. Сопровождавшие нас журналисты изо всех сил пытались создать впечатление, что мы здесь лишь наслаждались отдыхом. Да, так оно и было. Но мы держали это в секрете. Однако вместе с тем мы выполняли требования Футбольной ассоциации, правительства и ФИФА. Тренер дал отдохнуть нескольким игрокам во встрече с «Саут Мельбурн», который мы обыграли 2:0.

По возвращении из отпуска нам было необходимо сконцентрироваться на игре. Избавленные от груза матчей Кубка Англии, мы могли сосредоточиться на премьер-лиге и Лиге чемпионов. Нам предстояло сыграть два важных домашних матча с «Арсеналом» и «Миддлсбро». Встречи с «Арсеналом» всегда были важными. На этот раз матч имел особо важное значение из-за критики, обрушившейся на нас. Мы играли отвратительно — медленно, уступали в борьбе в важные моменты и проигрывали один мяч, пока Тедди не спас нас, сравняв счет под занавес игры — 1:1. Подводя итог встречи, Энди Грэй из Sky Sport сделал следующее замечание: «Мы все ждали и смотрели, как будет играть «Юнайтед». Игроки «Арсенала» летали по полю, и «Манчестер Юнайтед» понадобилось целый час, чтобы завестись. И лишь Рой Кин был великолепен. Любой, у кого есть видеозапись этой игры, может ее посмотреть и увидеть, как Кин завел свою команду. Он вышел и начал их заводить, подначивать и жестко играть против соперника. Вдруг его команда поднялась, и это объясняет, почему Алекс Фергюсон решил выдать ему такую огромную зарплату, чтобы оставить на «Олд Траффорд»».

Следующая встреча с «Миддлсбро». Еще одна опасная игра, если не подойти к ней с нужным настроем. Так и вышло. Наши мысли все еще были в Рио. 0:0, а мы все еще чего-то ждали. Яап Стам нарушает правила в штрафной — пенальти. На самом деле Яап коснулся мяча, когда Жуниньо пытался пройти мимо него. Судья Энди Д'Арсо ошибся. Мы подбегаем к нему и умоляем не наказывать нас. Он отступает, а мы наступаем. Фотографии теперь уже этого печально известного инцидента поражают. Тот псих с венами, вздувающимися у него на шее, — это я. Позднее я шутил, что если бы Д'Арсо перестал бежать задом наперед, мы бы прекратили его преследовать. Это не шутка. Я знаю, что мы не были правы, а я был самым главным обидчиком. Теперь я понимаю: несмотря на то, что Энди Д'Арсо совершил ошибку, мы не должны были изливать на него всю нашу желчь. Мы были виноваты в том, что счет был 0:0. Поэтому-то я и выступал против нашего самоуспокоения, которое теперь было усугублено ошибкой судьи. Мистер Д'Арсо был лишь козлом отпущения.

Таково было разумное объяснение происходящему. К несчастью, ты никогда не мыслишь разумно во время игры. На том уровне, где выступает «Манчестер Юнайтед», футбол всегда жесток и беспощаден. В нем нет бесплатных обедов и мягкого приземления по прилете из Бразилии. Это мы постигли благодаря жестким урокам. К счастью, Марк Боснич отбил удар Жуниньо с пенальти. Бекс же забил победный гол за три минуты до финального свистка.

После этой игры мы словно проснулись, проиграв лишь в одном из оставшихся семнадцати матчей чемпионата. В том единственном проигранном матче — со счетом 0:3 «Ньюкаслу» — я был удален из-за двух предупреждений. Одно я получил за споры с арбитром, другое — за нарушение, которое я не совершал.

У нас были все шансы на победу в премьер-лиге ко времени нашей встречи с «Реалом» в четвертьфинале Лиги чемпионов. В первом матче в Мадриде нам пришлось побегать. Они были хороши

— Рауль, Роберто Карлос, Морьентес, наступавшие на нас со всех сторон. Это были крепкие ребята. Игра доставила удовольствие всем, кто мечтал сыграть на самом высоком уровне. «Бернабеу» был заполнен — время фиесты. Такие вечера, особенно в Испании или Италии, были замечательны — другие виды, звуки и запахи, создающие экзотическую атмосферу. Я часто думал: как это — играть за великие европейские клубы? В Мадриде мы зарывались в землю, бежали, закрывали своих подопечных, играли в футбол, когда владели мячом. Нулевая ничья была подходящим результатом.

В ответном матче «Олд Траффорд» был наэлектризован. Встречи «Манчестер Юнайтед» с «Реалом» имели свою историю, уходящую корнями еще дальше, чем времена команды Басби до катастрофы в Мюнхене. «Юнайтед» обыграл «Реал» в полуфинале 1968 года. На этот раз «Манчестер Юнайтед», как и «Реал», показал себя во всей красе. Встреча получилась классической, обе команды создали уйму моментов. «Реал» заработал важный гостевой гол, когда я отправил мяч в свои ворота мимо Раймонда ван дер Гоува, пытаясь остановить фланговый прострел. Мы начали нагнетать обстановку у ворот соперника, но вскоре после перерыва Рауль забил второй гол и еще один через пару минут. Мы создали себе непреодолимое препятствие. Несмотря на голы Бекса и Пола Скоулза, мы не смогли одолеть «Реал».

Поражение всегда больно, но по крайней мере мы проиграли хорошей команде. Прорыв Редондо и его уход от Хеннинга Берга, после чего он великолепно выдал один из голевых пасов Раулю, представлял из себя футбол высочайшего класса. Именно к таким стандартам мирового класса нам и нужно стремиться. Множество аспектов игры «Реала» удивили меня. Невероятное обращение с мячом. Экономия движений, никакой бесполезной беготни, каждое движение имеет четко поставленную цель. Рауль ждет, словно партнера, своего полушанса. И использует его, когда он наступает. Соперник играл бесстрастно и уравновешенно, даже когда мы были жесткими. Они были настолько техничны, что нам ничего не оставалось, как бегать за тенью, а также сильны в «физике» и выносливы. Я часто смотрю испанский футбол по субботним вечерам. Они установили высокую планку, которую нам необходимо взять, идти вперед и защищаться. Да, проигрывать больно, но эта игра предоставила нам столько тем для размышлений! Но самое главное — нам нужно было подумать о голах, которые мы должны были забивать на «Олд Траффорд». Должны, но их не было.

До и после матча с «Реалом» мы играли с «Вест Хэмом», «Миддлсбро», «Сандерлендом» и «Саутгемптоном». Мы разгромили «Вест Хэм» — 7:1, обыграли «Боро» в гостях — 4:3, «Сандерленд» — 4:0 и завоевали чемпионский титул, взяв верх над «Саутгемптоном» со счетом 3:1 в субботу, после того, как нас обыграл «Реал». Несмотря на легкую победу в премьер-лиге, нам угрожала опасность в виде самообмана.

Мы не смогли защитить титул победителей Лиги чемпионов. По-честному, я не был удивлен. После взятия «требла» я знал, что будет трудно выработать в себе голод, чтобы стать первыми в премьер-лиге и Лиге чемпионов в следующем сезоне. Мною овладевали сомнения, еще когда я стоял в раздевалке на «Ноу Камп» после победы над «Баварией». Рекой лилось шампанское, люди сходили с ума. Конечно, такое поведение для человека было нормальным и объяснимым. Но я чувствовал, хотя и не говорил, что нам лишь повезло, что мы обыграли «Баварию» в тот вечер. Я не мог это сказать в тех обстоятельствах. Я не сделал своего вклада в общую победу. Так я, по крайней мере, полагал. «Бавария» сама сдала игру, дав нам все козыри. Может быть, я лишь занудствую из-за того, что пропустил такую важную игру. Не будь желчным, Рой, пусть ребята порадуются своему достижению. Но этот аргумент контрастировал с другой мыслью: нам крупно повезло, когда другая команда сдалась.

Когда я слышу послематчевые интервью, сомнения еще больше терзают меня. Пара игроков поведали прессе, что после этого им уже безразлично, смогут ли они выиграть другие трофеи или нет. Ого, думаю я. Может быть, они слишком перевозбуждены, но какого хрена, что же мы будем делать на следующий год? Все кончено? Мы вошли в историю. Теперь настало время собирать манатки? Не важно, если вы не выиграете еще один трофей? Господи Иисусе! Начни так думать, и ты точно больше не выиграешь ни одного трофея. Не будь желчным, Рой, говорит мне тоненький голосок внутри меня.

То, что произошло с Дуайтом Йорком после той ночи, возможно, стало самым драматическим примером нашего провала. Но другие футболисты сдали, хотя на каждом из них это отражалось по-

своему, более мягко и более незаметно стороннему наблюдателю. Не поймите меня неправильно. Я очень люблю Йорки, он классный парень. Но на «Олд Траффорд» запахло гнильцой после того победного вечера, когда мы получили «требл». В последующие месяцы за нами непрерывно следовала его тень, куда бы мы ни приезжали. Еще в середине следующего сезона нас встречали, словно героев, делающих историю, превзошедших команду 1968 года; нас называли командой столетия. Мы подписывали фотографии с тремя призами, говоря о том великом вечере, который никогда не будет забыт. И неважно, что мы делаем сейчас. Это продолжается и по сей день! Я прихожу от этого в ярость. А что же дальше, как же быть с другим шагом, который приведет нас к славе, не сравнимой с премьер-лигой, и поставит на один уровень с «Реалом»? Мы должны были отметить тот вечер и идти дальше. Но мы не сделали этого. За это мы заплатим сполна. Поражение от «Реала» было воспринято спокойно, потому что ты не можешь все время выигрывать. Почему нет? Ведь у «Ливерпуля» это получалось. У «Реала» получалось. У «Ювентуса» получалось. У «Баварии» получалось. Я держу язык за зубами. Но не в общении с семьей и близкими друзьями.

Через пару недель после поражения от «Реала» мне позвонил приятель, владелец сезонного абонеента на «Олд Траффорд». Он получил письмо от клуба, в котором говорилось, что увеличение цены на абонемент вызвано затратами на выполнение моего нового контракта. «Ты уверен в этом?» — спросил я его. «Да», — ответил он, заметив, что держит это письмо в руках. Оно было подписано секретарем «Юнайтед» Кеном Мерреттом.

На следующее утро я отправился к секретарю. Я спросил, правда ли, что подорожание сезонных абонементов объясняется моим новым контрактом? Он заверил меня, что все обстояло совсем не так. Я позвонил моему приятелю, и он сказал: «Рой, я вышлю тебе письмо». В одной части письма было написано: «Все глубоко вздохнули с облегчением, когда Рой Кин согласился подписать новый контракт, который гарантирует то, что он останется игроком «Манчестер Юнайтед», по крайней мере, еще на три года. Сохраняя преданность Рою, руководство клуба полагает, что тем самым оно сохраняет преданность и болельщикам. Фанаты «Манчестер Юнайтед» привыкли к самому лучшему. Поэтому наша обязанность состоит в том, чтобы мы оставались на таких позициях, занимая которые, мы могли быть лучшими. Рост цен никогда не воспринимается с радостью, но мы уверены, что болельщики поймут важность того, что мы ставим на нашу конкурентоспособность и способность соперничать не только на трансферном рынке, но и выполнять задачи по удержанию в клубе наших игроков».

Я был разозлен, когда вернулся к Мерретту. Как он не мог предвидеть, что подумают люди? Я положил письмо ему на стол, а потом пошел к тренеру. Он согласился, что клуб действовал неверно. Ничто не удивляет меня в футболе.

Но, несмотря на разочарование, постигшее меня за пределами поля, в конце сезона я был назван лучшим футболистом года по версии журналистов. Я был рад призу, но знал, что он не будет ничего значить, если мы как команда станем почивать на лаврах.

Фабьен Бартез стал хорошим приобретением клуба в сезоне 2000/01. Эрик всегда положительно отзывался о Фабьене, который стоял в воротах сборной Франции, выигравшей чемпионат мира и Евро-2000. Наблюдая за финальной частью Евро-2000, я решил поставить на Италию. Я особо не увлекаюсь азартными играми, но мне по-настоящему нравились итальянцы. Я позвонил в букмекерскую контору Ladbrokes и поставил 5 000 фунтов на Италию. Я с гордостью расплатился своей золотой кредиткой. Ставка сделана. На следующее утро тренер устроил мне головомойку.

«Я не знал, что ты играешь в азартные игры», — сказал он.

«Да я и не играю», — был мой ответ.

«Отлично. А что же ты делал, когда вчера поставил пять «кусков» на Италию?»

«Ну, а... мне они нравятся, тренер».

«Но ты был не прав, не так ли?»

На меня настучали. Майк Диллон из Ladbrokes дружил с тренером.

«В любом случае, только по операции с твоей золотой кредитной карточкой ушло пятьдесят фунтов. Тебе больше не захочется играть в такие игры», — заметил он в конце разговора. «Уж, конечно, не с Ladbrokes», — подумал я.

В матче Кубка сезона с «Челси» я был удален с поля за грубую игру против Гуса Пойета. Джимми Флойд Хассельбайнк сфолил на мне несколькими минутами ранее, и ему это сошло с рук. Мы играли лишь в Кубке сезона, но встреча выдалась грубой. Пресса всю ругала меня. Почему Кин вновь оказался в центре событий? Ответ прост. Ты не можешь позволить себе исполнять роль жертвы. Если они попытаются сыграть против тебя грубо, запугать, испытать тебя на прочность, тебе нужно сопротивляться и дать им понять, что с тобой шутки плохи. Ты выполняешь свою работу и даже не думай сдаваться. Ты должен защитить себя.

В ноябре мы возглавляли премьер-лигу, на восемь очков оторвавшись от ближайших преследователей. В Лиге чемпионов мы встречались с киевским «Динамо» на «Олд Траффорд». Тедди вывел нас вперед в начале матча. Но мы играли из рук вон плохо. Нам нужно было победить, чтобы выйти во второй этап. Во второй половине встречи «Динамо» нас придавило. За пять минут до финального свистка мы едва не вылетели из Лиги чемпионов. Они без особых усилий подошли к нашим воротам и вывели на ударную позицию Деметрадзе, но тот промахнулся с пяти метров. Мы были только рады побыстрее уйти с поля.

Мы были близки к вылету из турнира. Метастазы гниения укоренялись в команде. Болельщики ничего пока не замечали от радости. Любопытно, что, когда мы попали под настоящий пресс во втором тайме, трибуны затихли. Было похоже на то, что они протестовали из-за отсутствия зрелища, ради которого пришли на стадион. Полная сетка мячей, выбивание дерьма из «Саутгемптона», 4:0 или 5:0, и они от радости едва не разносили стадион. А как же быть в трудные времена, когда необходима моральная поддержка болельщиков?

После матча настала моя очередь общения с прессой. На вопрос об игре я дал следующий ответ: «Множество людей, приходящих сюда, ждут от нас три или четыре гола, но это происходит не всегда. Наши болельщики на выезде заслуживают добрых слов, как и фанаты любой другой команды, но во время домашних матчей ты иногда думаешь: а понимают ли они игру в футбол? Некоторые идут на «Олд Траффорд», но я не думаю, что они даже могут правильно написать слово «футбол», не говоря уже о его понимании. В конце дня ты должен прийти и поддержать свою команду. В гостях наши болельщики просто великолепны, я бы их назвал самыми отъявленными фанатами, но дома они немного выпивают и, возможно, жуют свои бутерброды с креветками и не понимают, что происходит на поле. Это неправильно».

Мои слова о бутербродах с креветками на следующий день появились во многих газетах. Мне приписывали то, что якобы я имел в виду болельщиков в VIP-ложах. На самом деле было не совсем так. Клубу были необходимы деньги, полученные от продажи мест в VIP-ложах. Такова жизнь. На самом деле я говорил обо всех болельщиках «Юнайтед», в общем, как на дорогих местах, так и на обычных трибунах, которые могли потерять чувство реальности. «Юнайтед» не был наделен божественным правом на успех. Настоящие, разбирающиеся в футболе болельщики понимали это.

Вероятно, меня не только беспокоило поведение болельщиков. Где-то внутри я чувствовал опасения, что мы деградируем как команда. Атмосфера была не та. Успех, особенно в премьер-лиге, питал самоуспокоенность. Слишком много людей в клубе были отравлены треплом. Воспоминания, восхищения, разговоры о легендах и героях, самая великая команда в истории «Юнайтед», и т. д. Слова Петера Шмейхеля о том, что наша команда разгромила бы состав образца 1968 года со счетом 10:0, стали кульминацией этих досужих разговоров. Откуда, на хрен, ему знать? Откуда вообще это кто-то может знать? Тогда они были великими игроками своего времени: Бобби Чарльтон, Денис Лоу, Джордж Бест. Да кем мы себя возомнили, говоря, что эти игроки не достигли бы ничего в современном футболе? «Трепл» был историей. Но люди не хотели знать этого. Такое положение шло нам во вред. Я чувствовал это. Я видел это на тренировочном поле. Люди опаздывали на тренировки, отбывали номер, но выигрывали в матчах со слабыми командами премьер-лиги каждую неделю. А затем — бац, киевское

«Динамо», а не мадридский «Реал» едва не выбивает нас из Лиги чемпионов. Оглядывая раздевалку, я понимаю, что это еще недостаточная встряска.

В начале февраля наше лидерство в премьер-лиге составляло шестнадцать очков. Мы разобрались с «Панатинаикосом» и «Штурмом» в Лиге чемпионов. Вершина айсберга сияла, но под водой все было плохо.

Апрель, лидерство в тринадцать очков в гонке с одним участником. «Бавария» приезжает на «Олд Траффорд» в первом матче четвертьфинала Лиги чемпионов. Признаки слабости проявляются во встрече с «Ливерпулем», который обыграл нас со счетом 2:0 на «Энфилде» за три дня до матча с «Баварией».

«Бавария» — хорошая, профессиональная команда. Они просто так не дадут нам получить то, что мы хотим. Эффенберг, Шолль, Йеремис, жесткий работяга в полузащите, Элбер и Пауло Сержио, составляющие линию атаки бразильцы, хотя и не самые лучшие. У этой команды все линии идеальны, в них нет слабостей. Они выстроены тренером Хитцфельдом. Они нам не по зубам, Пауло Сержио, вышедший на замену, забил победный гол за четыре минуты до конца встречи. Они далеко ушли по сравнению с 1999 годом, а мы же не сделали ни шагу вперед.

Мы с легкостью выигрываем у «Чарльтона» и «Ковентри» перед ответным матчем в Мюнхене. Вопрос о победителе был практически решен, когда Элбер забил уже по истечении пяти минут встречи. Мы обманывали себя. Много говорили и мало делали. Мы сошли с рельсов.

Мы выиграли премьер-лигу с преимуществом в десять очков.

Возвращаясь домой из Мюнхена, у меня ныло сердце. Мы должны были тратить большие деньги на новых игроков после «требла»; быть беспощадными; заполучить лучшее, что есть в Европе; освежить команду; бороться с самоуспокоенностью; заставить тех, кому было все равно, «выиграют ли они еще один приз», перейти в команду, которая никогда не знала побед. Может быть, эта команда уже кончена. Включая меня. Я ничего не делал в мюнхенских играх. Я выдохся, был зол и опустошен. Меня засосала трясина премьер-лиги. Будь лучше, Рой, иначе ты пропадешь.

Мы пришли на тренировку в пятницу. «Кэррингтон», наш новый тренировочный стадион, был мечтой профессионала. Все, что вам нужно для оптимальной подготовки. Все прекрасно. Завтра играем на своем поле с «Манчестер Сити». Его игрок Альфи Холанд не закрывал рта: «Если Роя Кина так беспокоят ярые болельщики и VIP-боксы, почему он не пойдет на снижение зарплаты?» (Это было еще перед игрой на «Мэйн Роуд» в этом сезоне). Я не забыл Альфи. Брайан Робсон посоветовал мне не торопиться. «Ты получишь свой шанс, Рой. Жди».

Еще одна говенная игра. Соперник настроен серьезно. Мы — нет. «Сити» мог выйти вперед, но тут Тедди реализовал пенальти. Оставалось двадцать минут. Хоуи восстановил равновесие за пять минут до финального свистка. Я ждал Альфи почти 180 минут, или три года, как вам нравится. Теперь он держал мяч у дальней бровки. Он словно издевался. Я долго ждал. У него, как я полагаю, был мяч. Получи, гад! И больше не стой и не ухмыляйся над тем, будто я притворяюсь. И скажи своему приятелю Уэзероллу, что у меня и для него приготовлен подарок. Я не ждал, пока Эллерей покажет мне карточку. Я развернулся и пошел в раздевалку.

Вскоре после матча с «Баварией» я подошел к Стиву Макларену, чтобы поделиться тем, что беспокоило меня. Стив был хорошим тренером, новатором, всегда ищущим оптимальные пути решения. Я уважал его. Он стремился к лучшему. Он был амбициозным и голодным до успеха. Я рассказал ему о своих чувствах, что мы уже не те и нам уже не с кем играть в премьер-лиге. «Арсеналы», «ливерпули», «челси» и «лидсы» просто не могли нам противостоять. Из-за этого мы начали думать, что мы лучше, чем есть на самом деле. Он знал, о чем я говорю. После игры в Мюнхене я ответил журналистам, что нынешняя команда, возможно, не так уж и сильна. Возможно, нам надо ее расформировать и набрать новых игроков, чтобы начать все снова. «Кин обрушился на одноклубников», — гласил один заголовок на следующий день. Я имел в виду и себя самого. Я почти так же испытывал самоуспокоенность.

Стив заверил меня, что перемены должны вскоре наступить. Тренер собирается взять в команду несколько ведущих игроков. Он согласился с моей характеристикой наших соперников по премьер-лиге. Он также разделил мое мнение о том, что с новым регламентом Лиги чемпионов, позволяющим играть в ней трем лучшим командам внутреннего чемпионата, нам нет необходимости бороться за титул сильнейшей команды премьер-лиги, чтобы получить право на участие в самом престижном еврокубке. Если нам не нужно выигрывать чемпионат, то сможем ли мы поддержать то настроение в команде, которое царит в ней сегодня?

Страх оказаться в объятиях самоуспокоенности в возрасте двадцати девяти лет еще больше проявил себя, когда мы получили приз за победу в премьер-лиге, проиграв дома «Дерби». Болельщики радовались за нас. Мы купались в лучах славы. Нам это нравилось. Затем мы проиграли две последние игры.

Но одно достижение все же было необходимо отметить. Алекс Фергюсон стал единственным тренером в истории Англии, выигравшим три чемпионата подряд с тем же клубом. Он заслужил свое место в истории игры. И ему все было мало.

Финал Лиги чемпионов в мае 2002 года должен состояться в Глазго на «Хэмпден Парк» — в родном городе тренера. Он поставил эту цель перед нами на новый сезон. Он также объявил, что это будет его последний сезон в клубе. Переговоры о его работе в иной ипостаси на «Олд Траффорд» были сорваны. Ничто не удивляет меня в футболе. Сегодня ты здесь, а завтра тебя уже нет — это касается даже такого человека, как Фергюсон.

Мы приобрели дорогих игроков и заключили хорошую сделку со свободным агентом. Хуан Себастьян Верон пришел из «Лацио» за 28 миллионов фунтов. Себа был полузащитником мирового класса. Рууд ван Нистелрой, которого клуб приобрел у ПСВ за 19 миллионов, являлся нападающим с внушительным послужным голевым списком. Лоран Блан перешел к нам на правах свободного агента. Я всегда восхищался этим защитником, который великолепно смотрелся в сборной Франции, выигравшей чемпионат мира 1998 года и Евро-2000.

Все ожидали немедленных успехов, но футбол не так прост. Особенно для иностранных футболистов, которые не привыкли к игре в Англии и незнакомой культуре повседневной жизни. Нельзя ожидать чудес. К несчастью, люди ждали мгновенных результатов. Когда же они не наступали, то критика обрушивалась самая серьезная.

Яап Стам был продан за 15 миллионов фунтов — клуб получил прибыль в 5 миллионов. Тренер получил за это свою порцию критики. В основном за то, что Лоран действовал неуверенно в защите. Он слишком медлителен и не может приспособиться к местному футболу. Продажа Стама была ошибкой. Возможно, он был продан из-за признания в своей книге о том, что тренер вел с ним закулисные переговоры? Сомневаюсь. Я чувствовал, что, несмотря на то, что Яап был отличным парнем, его способности были ограничены для игры на самом высоком уровне. Он действовал великолепно в борьбе за мяч, был быстр, и его присутствие ощущалось на поле. Но он был слаб в позиционной игре. Яап с трудом справлялся с лучшими нападающими. У него отсутствовало инстинктивное чутье, которое присуще сильнейшим защитникам.

Мне нравился Яап и его семья. Он был искренне предан «Манчестер Юнайтед». Он купил дом в Уилмслоу, что прямо по дороге от нашего стадиона. Он пользовался популярностью в раздевалке.

Мы едва сводили концы с концами в первые месяцы чемпионата. Поражение со счетом 0:1 от «Вест Хэма» на своем поле в начале декабря стало шестым в сезоне. Простые подсчеты подсказывали, что ты не можешь проиграть пять или шесть матчей и стать чемпионом. Не было сомнений в том, что нас постиг кризис.

Большинство критических стрел было выпущено в сторону Лорана Блана и Хуана Верона. Это было абсолютно несправедливо. Говорили, что они не могут приспособиться к премьер-лиге. Игроки мирового класса не могут справиться с беготней и бесцельными ударами? Чепуха. Лоран и Себа были

великолепными профессионалами, не столько сильными, как выносливыми, чтобы играть в сумасшедшем ритме английского футбола. Да, нужно было к этому приспособливаться, но лучшие футболисты встречаются с более серьезными задачами, чем эта. Команда пропускала голы. Команда. Не было необходимости показывать пальцем на отдельных игроков. Мы утонем либо выплывем. Вместе. В игре с «Арсеналом», например, мы все получили сполна. Бартез изо всех сил держал нас на плаву. В конце игры он все же сдал. Но веревочка вела к остальным игрокам, включая меня.

Другие наблюдатели объясняли нашу потерю формы тем, что тренер объявил о своем уходе. Возможно, в этом что-то было, но и это не могло объяснить падение. Кроме того, причину кризиса видели в том, что Стив Макларен перешел в «Миддлсбро» главным тренером. Стив был великолепен. Но я не думаю, что этим объясняется все.

Мы больше не чувствовали желания биться за победу. Я вспомнил то чувство, которое испытывал в Барселоне, когда мы выиграли трофей. Подозрение превратилось в навязчивую идею. Мы испытали славу, стали героями, мы были чертовыми живыми легендами. Мы выиграли чемпионат с отрывом в десять очков, что с тобой, Рой? Я чувствовал, к чему все идет. Пропало желание, его уже не было ни у кого из нас. По крайней мере, в недостаточном количестве. Вместо того чтобы самим активно идти вперед, мы ждали, что один из наших героев все сделает за нас. Вперед, Бекс, принеси нам победу. Теперь я. Скоулзи, твоя очередь. Давай, Райан. Себа, ты стоишь 28 миллионов фунтов, не мог бы ты выиграть этот матч для нас? Руд, давай, у тебя получится. Руд и впрямь забил несколько победных голов. Бекс также записал на свой счет несколько великолепных голов (шестнадцать за сезон), к тому же он несколько раз удачно ассистировал в атаке. Оле, как всегда, был палочкой-выручалочкой. В то время как мы все ждали игры друг от друга, существенного прогресса не наступало.

Я понял и другое. В матче на Кубок сезона «Ливерпуль» выиграл у нас 2:1. «Арсенал» также прогрессировал. Теперь они испытывали большую жажду побед. Больше, чем мы.

Мы начали чемпионат с тяжелой победы со счетом 3:2 над «Фулхэмом» на своем поле. Соперник дважды выходил вперед, но Рууд всякий раз спасал нас. Затем мы сыграли вничью с «Блэкберном», который, как и «Фулхэм», получил прописку в премьер-лиге по итогам прошлого сезона. Еще одна ничья с «Виллой» перед тем, как мы смели ужасную команду «Эвертона». Счастливые деньки вернулись.

В середине сентября играем в гостях с «Ньюкаслем». Мы проигрываем 1:3. Гиггзи и Себа сравнивают счет. Ширер забивает победный гол за восемь минут до финального свистка. Господи Иисусе! Какой бардак, в котором я играю хуже всех! Я беру мяч, чтобы выбросить его из аута. Идет добавленное время, а мы находимся глубоко на нашей половине поля. Ширер мешает мне выбросить мяч. Он издевается. Я теряю контроль над собой и швыряю мяч в него. «Ты — урод», — ухмыляется он. Он произносит это уверенно и самодовольно. Я бегу за ним, стараясь вцепиться ему в глотку. Он смеется. «Ты — урод». Сверкает красная карточка. Ширер прав. Я — урод. Попался в ловушку.

В раздевалке все молчат. Я виновник «торжества». Я могу сказать по поведению тренера, что довел его до точки. Он слишком уязвлен, чтобы учинить надо мной расправу. Я чувствую опустошенность. Пустота. Ничего нет. Только сожаление. Обычно я нахожу себе оправдание, когда не прав. Это я, и т. д. и т. п., я такой, какой есть, — и остальная чушь подобного рода. Но не в этот раз. Я по-настоящему понимаю, что подвел тех, кто защищал меня в прошлом. Терезу, мою семью, тренера, ребят, клуб. На этот раз мне нет оправданий.

Возвращаясь домой, тренер не проронил ни слова.

По прибытии в «Четыре времени года» он пожелал мне доброй ночи. Я что-то промямлил в ответ.

«Не делай глупостей, Рой».

Той ночью я решил сдаться. Тебе только исполнилось тридцать, Рой. Уйди, оставь все, займись чем-то другим. Тебе нужно перестать причинять боль самому себе и твоим любимым, тем, с кем ты работаешь.

Я поговорил с Терезой. Она сказала, что я буду скучать по футболу. Нет, я не буду, ответил я. Любое занятие будет лучше, чем это сумасшествие. Приходить в ярость, чувствовать беспомощность, изливать злость на других. Я чувствовал, что в раздевалке никто не понимает мои слова о самоуспокоенности, я проиграл этот спор. Слишком многие почивали на лаврах и были довольны тем, что у них уже есть. Пусть будет так, как они хотят. Это не для меня, поэтому мне нужно уйти.

На следующее утро в восемь часов я ждал тренера возле «Кэррингтона». На этот раз он опоздал. В 9.15, когда я уже собирался уходить, появился тренер. Мы вошли в кабинет и сели. Я сообщил ему, что собираюсь уходить. «Нет, Рой, это всего лишь импульс». «Нет, все не так, — объяснил я. — Я не справляюсь со своими обязанностями, никто из нас с ними не справляется — я больше так не могу». Мы долго говорили, тренер больше слушал меня. Он все понял. Он согласился с моими доводами о самоуспокоенности, о том, что все разваливается, и о том, что нас ждет, если мы не предпримем решительных шагов. Я утверждал, что все решил, и пошел домой. Я сказал ему, что не буду играть в следующем матче Лиги чемпионов с «Лиллем».

В понедельник днем ко мне приехал сам тренер. Он сел рядом со мной и Терезой. «Рой, ты все правильно подметил о плохих результатах и слабой игре. Ты бы совершил безрассудный поступок, уйдя из футбола. Подумай о своей семье». «Я уже все решил, тренер». «Если ты уйдешь сейчас, в самом расцвете сил, ты будешь сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь», — настаивал он. Тереза встала на его сторону. «Сыграй завтра, Рой. Мы решим все проблемы». «Тренер, все мое естество говорит, что я прав. Я чувствую, что все делаю так, как надо. Я больше не могу терпеть этого блефа и всякой ерунды. Мы обманываем себя». «Подумай, Рой. Приходи завтра, если хочешь».

Подумав и поговорив с Терезой, я решил вернуться в клуб и сыграть против «Лилля». Я сделал это для Алекса Фергюсона. Он стоял на моей стороне, что бы ни случилось, и уйти сейчас было бы все равно, что дать ему пощечину, а это вряд ли ему нужно, когда и так в клубе дела идут не лучшим образом.

Мы с трудом играли против «Лилля». Никто высоко не оценивал силы этой команды, но уже после двадцати минут мы поняли, что нам предстоит трудный матч. Бекс забил один гол на девяностой минуте. Один ноль с «Лиллем»!

Через пару недель мы поехали в Ла-Корунью. Скоулзи вывел нас вперед перед самым перерывом. Во второй половине поля соперники прибавили обороты. Но мы чувствовали себя уверенно. Так было, пока за шесть минут до конца встречи они не сравняли счет. На последней минуте Гари не смог оставить Найбета вне игры — 1:2. Мы не должны были пропускать два гола в течение последних пяти минут.

Встреча с «Депортиво» на своем поле обрела степень особой важности. Мое колено ныло — то же колено, которое мне обновили. Оно по-настоящему разболелось, когда я вышел на разминку перед матчем с «Депортиво». Я не мог его согнуть или повернуть без резкой боли. «Я не смогу играть, — подумал я. — Мне нужно играть, ведь эта игра так много значит, и ее нельзя пропускать». Я сжал зубы и провел на поле все девяносто минут. Это было сумасшествием. Рууд вывел нас вперед, но Фабьен сделал две ошибки, и мы проиграли 2:3, хотя в конце концов вместе с «Депортиво» вышли в следующий этап.

Но самой показательной игрой стала встреча на «Энфилде» в ноябре. Я не играл из-за травмы. «Ливерпуль» победил со счетом 3:1, а мог забить и все шесть голов. Мы сдались. Теперь уже «Ливерпуль» проявлял целеустремленность, присущую нам, когда мы того хотели. Оуэн, Джеррард, Мерфи, Каррагер, все они были истинными игроками «Ливерпуля». Они боролись за мяч с остервенением, а мы же вновь отбывали свой номер. В тот день разница между нами и остальными нивелировалась.

Затем, конечно, последовал «Хайбери» и еще одна взбучка от команды, находящейся на подъеме. Мы с трудом сдерживали натиск соперника. Игра в гостях с «Арсеналом» стала гребаной катастрофой. Мы открыли счет благодаря Полу Скоулзу. А сразу после перерыва Гари Невилл потерял мяч возле центральной линии поля. Пирес вывел на ударную позицию Фредди Юнгберга — 1:1. Гари говорит, и

он прав, что футбол — игра командная, и у нас было множество шансов, чтобы исправить его ошибку. Фабьен спасал нас, «Арсенал» же создавал момент за моментом. За пять минут до конца игры Фабьен неудачно отбил мяч, и Анри забил гол. Длинный пас от Вьейра позволил Анри повторно добиться успеха. Теперь все шишки валились на Фабьена.

Продолжались разговоры о том, кто сменит тренера. Капелло, Хитцфельд, Мартин О'Нилл, Эрикссон...

Не нужно лишний раз говорить, что я уважал Алекса Фергюсона. Я не хотел, чтобы он уходил из клуба, и не верил в то, что «Юнайтед» позволит ему уйти. В то же время я был заинтригован вопросом о нашем будущем тренере. Нужно было предпринять какие-то радикальные меры, чтобы остановить наше падение — именно это и происходило с нами.

Однажды в конце февраля тренер сказал мне, что думает отказаться от своего решения и остаться. «Ты сошел с ума», — рассмеялся я. Но он был настроен серьезно. Он договорился о новом контракте с руководством. Я был рад. По правде говоря, я не мог представить, чтобы в субботу он собирался играть на скачках, в то время как его команда — да, его команда, выходила на поле. Он выглядел отлично, был полон сил и жажды борьбы. Почему бы и нет?

Вскоре он созвал собрание команды, чтобы официально объявить о своем решении. Кто-то написал, что на этом собрании пара игроков пустила слезу и что тренеру все начали аплодировать. На самом же деле лишь пара человек неловко захлопали в ладоши, когда он выходил из помещения. Он повернулся и сказал: «Да пошли вы на хрен!» — думая, что мы над ним смеемся. Конечно, все были очень рады.

Этот поворотный момент настал слишком поздно, чтобы мы могли спасти сезон. Были матчи, важные матчи, в которых мы побеждали лишь на классе. Рууд забивал голы почти всегда, когда этого хотел. Фабьен спасал нас во множестве игр. Но его вопиющие ошибки, хотя и были редки, смазывали его в общем отличное выступление в сезоне.

Я растянул подколенные сухожилия еще в одном матче с «Депортиво», над которыми мы взяли верх в обеих играх 1/4 финала — 2:0 и 3:2. Четыре недели вне игры.

Я смог вернуться к первому матчу полуфинала с «Байером», выйдя на замену. Мы сыграли вничью — 2:2, что было не совсем здорово, имея в виду следующую встречу в гостях, но, по крайней мере, у нас еще имелся шанс на попадание в финал.

Я вышел в ответном матче в стартовом составе и на двадцать восьмой минуте забил гол. В конце первого тайма «Байер» сравнял счет. Этого было для них вполне достаточно — 1:1. Мы не смогли сделать еще один шаг к настоящей славе. Мы успокоились тем, что выиграли «требл». Нас убаюкала успокоенность, которая появилась из-за последних успехов. В последний сезон мы заслужили то, чего заслуживали, — ничего.

После матча я осмотрел раздевалку. Некоторые из игроков по-настоящему не испытывали горечь поражения. Лоран чувствовал себя мерзко. Мне было жаль Себу. Он со своей ценой в 28 миллионов фунтов стал козлом отпущения за проваленный нами сезон. Другим удалось избежать наказания. Возложить всю вину на Себу. Слишком просто. И неверно. Слава, вера в непобедимость, раздутая в прессе, обошлись нам дорого. Часы «Ролекс», гаражи, полные машин, гребаные дома, обеспеченность на всю жизнь — мы забыли об игре, потеряли жажду, которая и принесла нам «Ролекс», машины и дома.

Предпоследняя игра сезона, в которой мы встречались на своем поле с «Арсеналом», только еще больше обнажила существующие проблемы в нашей команде. Мужики против детей. Они просто убили нас. Мы не смогли и близко подойти к их воротам. Не могли даже навязать им борьбу. Мы скатывались в пропасть — в этом сомнений не было. Вот куда мы пришли. Герои вчерашних дней.

Мик Маккарти сменил на посту тренера сборной Ирландии Большого Джека в феврале 1996 года. До этого он тренировал «Миллуолл». Он был знаком с ирландской сборной и подходил на роль ее тренера.

Он и я никогда не были близкими друзьями. Маккарти, Пэки Боннер, Герри Пейтон и Дэвид О`Лири были основными игроками в сборной Ирландии. Я же был одним из парней, всегда сидящих на задних сиденьях автобуса. Большие мальчики обычно ходили вместе ужинать, мы же предпочитали пить пиво. Маккарти являлся частью легенд о Чарльтоне. «Капитан Фантастик».

Свою первую игру под руководством Маккарти я провел против сборной России на «Лэнсдаун Роуд». Капитаном в том матче был Энди Таунсенд. Когда же Энди был заменен, капитанская повязка перешла ко мне. Я был удален за то, что ударил русского футболиста. «Бесчестие Кина» — гласил один из заголовков на следующий день.

Из-за травм я пропустил несколько игр. Но газеты говорили о том, что я не хотел играть за свою страну. Подобные разговоры вызывали во мне протест. Во мне было больше ирландского, чем вся эта патриотическая бравада, окружавшая сборную Ирландии. Пропустив несколько игр, я был вызван на отборочный матч чемпионата мира против сборной Исландии, который мы проводили дома. Маккарти поставил меня на место последнего защитника. Кэтэл Дервэн, приятель Маккарти, написал в то утро колонку, в которой обвинил меня в предательстве моей же страны и призвал болельщиков освистывать меня, когда я появлюсь на поле. Кто-то последовал его совету, но не многие. Мы сыграли вничью — 0:0.

Мы не смогли выйти в финальную часть чемпионата мира 1998 года, которая прошла во Франции, проиграв Бельгии в стыковых матчах. Если бы мы выиграли у сборной Исландии в Дублине, мы вышли бы на чемпионат. Если быть честным по отношению к Маккарти, то он сумел изменить стиль игры сборной. Он настаивал на том, чтобы мы играли в пас. Мне было приятно играть все девяносто минут. Когда Энди Таунсенд ушел из команды, меня назначили капитаном. Мы были близки к тому, чтобы выйти на чемпионат Европы-2000 в Голландии и Бельгии, но проиграли Турции в очередных стыковых матчах.

Жеребьевка отборочных групп чемпионата мира 2002 года поместила Ирландию в непростую компанию. Португалия и Голландия были опасны. Мы должны были играть свои первые два матча на выезде именно с этими командами.

После жеребьевки чемпионата мира я договорился встретиться с Маккарти в Манчестере. Он пришел ко мне домой. Как капитан я решил держаться с ним на одном уровне, чтобы доказать ему необходимость реформ. Нужно попробовать сделать все как надо, решить все детали. Мы обсудили существующие проблемы. Он согласился со мной. «Конечно, ты прав», — сказал он.

Кроме всего прочего, мы затронули вопросы диеты. В «Юнайтед» и других ведущих клубах знали, что макароны, фрукты и различные каши были лучшими блюдами для подготовки к играм. Было понятно, что пищевой рацион за день до матча имел большую важность, чем еда в день игры. Диетологи настолько досконально изучили науку подготовки к матчам, что мы знали, что лучше поесть за три часа до начала игры, чем за четыре. Он со всем согласился. Я полагал, что мы ударили по рукам.

Но все, судя по всему, стало только еще хуже.

Мы проводили свой первый отборочный матч со сборной Голландии в Амстердаме. За день до игры мы должны были провести тренировку на стадионе «Аякса». Нам нужно было подкрепиться перед уходом из отеля. Я спустился в ресторан и увидел, как несколько парней из сборной сидят за столом и едят сэндвичи с сыром. Я не мог поверить своим глазам. Мы обсуждали вопросы диеты. Гребаные сырные сэндвичи — за полтора часа до начала тренировки! За двадцать четыре часа до важного отборочного матча. С Голландией.

Я подошел к столу, за которым сидели руководители сборной.

«Где макароны, фрукты и каша?» — спросил я.

Молчание. Когда я с отвращением повернулся, чтобы уйти, раздался голосок: «Ты должен был заказать это сам». Это был Ян Иванс, правая рука Маккарти.

Я вернулся в номер. Господи, я что, впустую потратил свое время? На «Олд Траффорд» тренер прислушивался ко всему, желал узнать твое мнение обо всем, о любой мелочи, которая могла дать нам какое бы то ни было преимущество. «Ты должен был заказать это сам». Я так и поступил. Ведь я разговаривал с Маккарти и Миком Бюрном, нашим врачом, о предматчевой подготовке.

Я заказал пиццу, которую продают на вынос, так как в отеле не смогли приготовить ничего лучшего за оставшееся время.

Когда мы приехали на стадион, Маккарти подошел ко мне.

«Что с тобой случилось?» — спросил он.

«Что со мной случилось?! — ответил я. — Что со мной случилось? Мы, на хрен, играем с Голландией завтра в отборочном матче чемпионата мира! Ты думаешь, что Джимми Флойд Хассельбайнк сейчас ест эти гребаные сэндвичи с сыром или гребаную пиццу на вынос?»

Мы вели в матче со счетом 2:0. Голландцы ссорились между собой, как это обычно с ними бывает, мы же заставили их попотеть. Но во втором тайме они бросили в бой все свои силы. Мы же сумели удержать ничейный счет — 2:2.

Мне было противно. В такой группе нам было необходимо каждое очко, которое только могли взять. Мы только что потеряли два очка. Все же вокруг радовались.

В Португалии мы тоже сыграли вничью — 1:1. Игроки продолжали удивлять и получать результат вопреки всем раскладам.

Несмотря на то, что нам пришлось попотеть в игре с Кипром, в конце концов мы добились победы. Я забил два гола. Теперь я завелся. Несмотря ни на что, я хотел попасть на чемпионат мира. Я хотел этого больше, чем перед США-94. У нас было несколько хороших молодых игроков: Робби Кин, Дэмьен Дафф, Стивен Карр, Стив Финнэн, Шэй Гивен, а также несколько хороших профессионалов: Марк Кинселла, «Стэн» — Стонтон, большой Куинн, Кенни Каннингем. У нас было достаточно потенциала, чтобы ставить перед собой крупные задачи. Дух в команде был великолепным. У нас всегда есть возможность победить, и мы старались, а старание является половиной успеха в международных матчах.

Мы вышли на чемпионат мира, заняв второе место в группе и выиграв в стыковых матчах у Ирана. У меня болело колено. Я не играл за «Юнайтед» три с половиной недели перед первым матчем на «Лэнсдаун Роуд». Я сказал Алексу Фергюсону, что очень хочу играть за сборную. Он опасался, что я усугублю травму и не смогу помочь команде в Лиге чемпионов.

Судьба клуба и тренера в Лиге висела на волоске, но он, как всегда, проявил свои лучшие черты характера. «О'кей, Рой, я знаю, как тебе это нужно. Иди и играй в домашнем матче, и если вы добьетесь нужного результата, ты можешь пропустить ответную встречу. По рукам».

Мы переиграли Иран со счетом 2:0. Их команда не показала хорошей игры. Я не мог представить, чтобы они выиграли у Ирландии с перевесом в три мяча в ответной встрече. Мое колено ныло в ходе всего матча. На следующее утро я был разбит. Позвонил тренер. Я все ему рассказал. Он поговорил с Маккарти. Нет проблем, согласился тот. Я мог вернуться на «Олд Траффорд» и пройти курс лечения.

...Мы прилетели в Корею. Отель великолепен. Мы отдыхаем в воскресенье. Вечером Маккарти собирает команду. У нас возникли проблемы. Мы еще не получили ни тренировочной экипировки, никаких медицинских препаратов и оборудования. Специальной жидкости, которая нам нужна для

акклиматизации, также нет. Никто не знает, в какое время мы начнем тренировку. Маккарти говорит, что мы просто займемся пробежкой.

В тот вечер я пришел к Маккарти. В его номере было тихо.

«Что все это значит, Мик?» — «Они подвели меня», — отвечает он. «Кто они?» — подумал я и сказал ему, что все необходимое должно было быть здесь уже две недели назад. Мы на чемпионате мира.

На следующее утро мы слоняемся по отелю, пытаюсь понять, как нам дальше быть. В конце концов мы садимся в автобус, чтобы поехать на тренировочное поле. Поляна похожа на бетонный пол, с рытвинами. Повсюду разбросаны камни. Мне с моими болячками на таком поле играть опасно.

В понедельник вечером прибыл наш багаж. Возле поля стоял грузовик для полива. Полоса поля шириной примерно в двадцать метров утопала под водой. Остальная же его часть была, как и прежде, жестка, словно камень. На нем было опасно играть. Я рассмеялся. Мы все же провели тренировку, организация которой была из рук вон плохой. Как всегда. Хренов фарс. Как всегда, фарс.

Ли Карсли и Стив Финнэн получили травмы на так называемом поле. Такая подготовка никак не могла служить делу всей нашей жизни. Разве вы могли представить немцев, французов, итальянцев и англичан, работающих в таких условиях? Или испанцев, парагвайцев — всех, кроме ирландцев? Когда я вернулся в отель, то чувствовал себя опустошенным. С меня было достаточно. Это не для меня. Я не для этого тренировался в поте лица весь сезон.

В отеле я принял душ, чтобы остыть. Выходя из комнаты, я встретил Маккарти в коридоре.

«Можно мне с тобой поговорить, Мик?» — «Да, да, а в чем дело?» — «С меня достаточно. Я хочу домой». — «Что ты имеешь в виду?» — «Я уезжаю домой». — «Ты уверен в том, что правильно поступаешь?» — «Да, и не пытайся переубедить меня. Просто позволь мне уехать». — «А почему? Из-за меня, тренировок, поля?»

Конечно, мне следовало бы дать утвердительный ответ: из-за тебя, тренировок, из-за такой подготовки. Все это было позором. Но я этого не сказал.

«Нет, просто дело во мне. С меня достаточно». — «Отлично, отлично, — сказал он. — Что я должен сказать прессе?» — «Скажи им... проблемы личного характера».

Мы договорились, что Эдди Коркорэн (отвечающий за материально-техническое обеспечение) забронирует мне билеты на самолет. Мы ударили по рукам.

«Пусть все останется между нами тремя», — сказал я ему.

«Да, конечно», — согласился он.

Я пошел прогуляться. Когда я вернулся, ко мне зашел врач Мик Бюрн.

«Что случилось, Рой?»

«С меня достаточно, Мик. Я больше не могу это терпеть. Это не просто плохой сон — это самый страшный ночной кошмар. Я люблю тренироваться в полную силу, работать в полную силу. Мне нравятся шутки, ночное веселье, выпивка. Но это чемпионат мира...» Несколько минут мы просидели в тишине. «Я знаю, Мик, мне следовало бы подождать окончания чемпионата и прикусить язык».

«Рой, подожди, пока не пройдет чемпионат. Дай мне все исправить».

«На хрен, — ответил я ему. — Давай. Скажи Маккарти, что я подожду до конца турнира».

«Отлично», — сказал Мик.

Через две минуты Мик вернулся вместе с Маккарти. Тот был настроен довольно-таки агрессивно.

«Что происходит, Рой?»

«Я подумал, что мне надо подождать конца турнира. Я хочу остаться».

«Я позвонил Колину Хили, чтобы он прилетел и заменил тебя», — сказал он.

«Как быстро», — подумал я. Возникла пауза. Теперь я был несколько смущен. Мне нравился Колин, он отличный парень. Возможно, он заслужил своего часа.

«О`кей, — сказал я. — Может быть, ты прав. Я улечу. Давай оставим все, как есть».

«Хотел бы я, чтобы ты подумал и обо мне», — сказал он.

«Мик, мне не по себе от всего происходящего. Я могу сказать по твоему поведению, что тебе по душе мое решение...» Но где-то глубоко в подсознании я думал, что, может быть, у меня есть право поменять решение, может быть, я заслуживаю привилегии сомневаться. Люди ведь часто меняют свои решения.

«Давай тогда все оставим, Мик, я возвращаюсь».

«Так, — ответил он. — Что бы ты хотел услышать от меня?»

«Ты тренер, тебе и решать».

Он ничего не сказал. Вышел из номера.

Да, я знаю, что поступаю по-детски, что не говорит в мою пользу. Но произошло то, что произошло. Я чувствовал, что мне нужно было выговориться. Я был нерешителен. Я отчаянно хотел играть. Но я не мог терпеть всякой чепухи. Из таких ситуаций никто не выходит героем.

Я вошел в номер Мика Бюрна.

«Скажи ему, что я ухожу».

На самом деле мне хотелось бы достойного и великодушного ответа: ты сделал ошибку, давай ее забудем.

Вскоре все узнали о случившемся. Мне позвонил из Англии Майкл. Мы поговорили. Я все ему рассказал. Он напомнил мне о последствиях моего ухода. Я же сказал ему, что, возможно, из-за того, что я останусь, возникнут свои, иные последствия. Я просто сойду с ума. Майкл попросил меня позвонить Алексу Фергюсону. Тренер держал связь с Майклом. Он все узнал. «Тренер в отпуске на Мальте, — сказал Майкл. — Позвони ему на мобильник».

«Нет, Майкл».

«Рой, ты должен это сделать для него».

Я разговаривал с тренером в течение получаса. Я рассказал ему обо всем. Он согласился, что все походило на фарс. Как и Майкл, он вновь заговорил о последствиях моего решения. Алекс Фергюсон также согласился с тем, что у меня есть право изменить свое решение.

Незадолго до восьми часов вечера в дверь кто-то постучал. Это был Мик Бюрн.

«Рой, у тебя есть три минуты, чтобы принять решение. Нам нужно отправлять факс с составом команды в ФИФА».

«Я остаюсь», — сказал я.

В обед на следующий день Маккарти созвал команду.

«В последние дни произошло много событий. Теперь мы должны забыть обо всем, нам нужно продолжать делать свое дело». «Да, — подумал я. — Я очень хочу играть на чемпионате мира. Прикуси язык».

Я согласился на два интервью с Томом Хамфризом и Полом Киммэджом. Я уважал этих двух ребят. С ними интересно общаться. Они задают интересные вопросы, под своеобразным углом, а не типа того: «Кто выиграет? А такой-то и такой-то хорошие игроки?» У них был талант интервьюера. Они задавали обычные вопросы. Я так же им отвечал. В четверг утром около 7.45 мне позвонил Том Хамфриз. Разница во времени с Дублином составляла восемь часов, и газета «Irish Times» вот-вот выходила в печать.

«Рой, могу ли я с тобой встретиться, чтобы просмотреть это интервью и убедиться в том, что в нем все изложено верно?» Я спустился, прочитал статью и дал положительный ответ. Я был признателен Тому, что он попросил меня об этом.

Статья появилась в четверг утром. В ней было точно передано все, что я чувствовал. Я полагал, что у людей в моей стране есть право знать правду. Тысячи из них купили дорогие туры, чтобы поддержать нас на чемпионате мира, мои родные братья и двоюродный брат также собирались прилететь. Для них эта поездка была главной в жизни. Еще миллионы будут наблюдать за матчами дома, как я в 1988 и 1990 годах. Заслужили ли люди к себе неуважительное отношение? Они потратили свои деньги, заработанные тяжелым трудом, на которые мы получали зарплату, а мы должны оскорблять их всеми возможными пиар-ходами. Может быть, нам следовало воздать им должное и оплатить долги. Как, например, объединиться и идти к поставленной цели. И рассказать им всю правду здесь и сейчас.

В качестве капитана «Манчестер Юнайтед» я часто делаю подобные заявления, когда считаю, что пришло время поведать публике о происходящем. Тайная завеса вокруг событий в сборной Ирландии висела слишком долго.

В 6.30 я пошел поужинать. За столом никого из руководителей не было. Нам сказали, что в 7.30 состоится собрание команды. Я отлично знал, что происходит. Статья Тома.

В 7.30 в ресторан пришел Маккарти. Остальные руководители команды также были с ним.

«Отлично, парни, нам нужно выдвигаться завтра в восемь часов утра. Пакуйте чемоданы и прикрепите к ним ярлычки. А пока мы все здесь, — продолжил он, — я бы хотел выслушать любого, кто хочет что-либо высказать о том, что ему не нравится». Я знал, к чему он клонит. Но я был спокоен — моя совесть была чиста. Ведь я рассказал ему обо всем с глазу на глаз. Как капитан команды я уже все сказал, и не было нужды повторяться.

Все чувствовали, что затевается скандал. Все знали, для чего проводится собрание. Он собирается разобраться со мною у всех на глазах. Будь взрослым.

Я был спокоен.

«Рой, тебе, кажется, что-то не нравится».

«Отлично, Мик, — сказал я. — Почему тебе нельзя было начать сразу с этого? Мы говорили об этом между собой. Почему бы нам не продолжить этот разговор отдельно от других?»

«Ты же это сам вынес на люди», — сказал он, держа газету со статьей Хамфриза у себя за спиной.

«Что ты имеешь в виду «вынес на люди»?»

«Это интервью в «Times».

«Послушай, я видел это интервью. Я обещал Тому в воскресенье, что я дам ему интервью. Я разговаривал с ним вчера. Я не отказываюсь ни от единого слова. Интервью отличное».

«Ты пошел против своих партнеров, — повторил он. — Ты никогда не хотел играть за свою страну. Ты должен был поехать в Иран, а сам притворился, что получил травму, чтобы только не играть за свою страну». Теперь он вошел в раж.

«Ты знаешь, что это неправда, — ответил я. — Ты разговаривал с моим тренером, и ты знал, что я не был в форме перед матчем с Ираном в Дублине. Ты же сам поблагодарил меня за то, что я приехал в Дублин. Ты согласился, что 2:0 — отличный результат». Я был вне себя от ярости — он передергивал факты: «Ты же знал всю правду. Ты лжец!»

В этом плохом фильме я должен был стать плохим героем. Я сидел и выслушивал самые невероятные и гнусные обвинения. Я обвинялся в том, что симулировал травму. Нет, я не могу этого терпеть. От этого обманщика. Маккарти выбегает на поле после нашей ничьей с Португалией в отборочном матче и обнимает меня. «Просто постой со мной, Рой, пятнадцать секунд. Пусть нас сфотографируют вместе. Я буду смотреться великолепно».

«Ты — гребаный козел. Я не считал тебя за хорошего игрока. Я не считаю тебя за хорошего тренера и я не считаю тебя за хорошего человека. Ты — гребаный козел и можешь засунуть себе этот Кубок мира в задницу. У меня нет к тебе никакого уважения».

«Если ты не уважаешь меня, я не думаю, что ты можешь играть в моей команде».

После этого я встал и вышел. Люди говорят, что с Алексом Фергюсоном так никогда нельзя разговаривать. Неверно. Если бы Алекс Фергюсон обвинил меня в симуляции травмы, я бы сказал ему, куда идти. Всю свою карьеру, включая матч с Ираном в Дублине, я провел много встреч, играя через боль. Для меня самым серьезным обвинением, которое только можно было придумать, являлось то, что я якобы симулировал травму.

Когда я пришел к себе в номер, то понял, что он получил то, что хотел. Это была подстава. Он намеренно подначивал меня, ожидая ответной реакции. Унижение перед всеми игроками — то, что ему было нужно. Может быть, даже он не ожидал такого.

Вскоре раздался стук в дверь. Стэн и Куинни. «Какого хрена нужно этим марионеткам?» — подумал я.

«Рой, мы не можем поверить в твои слова, мы не можем поверить в то, что произошло», — сказал Куинн.

И снова Куинн: «Мы не можем поверить в то, что ты пропустишь чемпионат мира. Мы стоим за тебя».

«Спасибо, ребята, всего вам наилучшего», — сказал я, провожая их из комнаты.

Я еще тогда не знал, что они уже вместе с Маккарти дали пресс-конференцию перед тем, как зайти ко мне и выразить свое сочувствие.

Пришел Алан Келли. «Рой, ты, по-моему, зашел слишком далеко, — сказал мне. Но затем продолжил: — Ты имеешь право на свое мнение». Зазвонил телефон. Это был Майкл Кеннеди.

«Тебя только что выгнали», — сказал он.

«Господи, Майкл, как быстро распространяются новости». Было всего 8.15.

«Об этом говорится в новостном бюллетене».

«Что? Уже?» Я повернулся к Келлсу: «Все уже есть в новостях у нас дома».

«Да, — ответил он. — Мы провели пресс-конференцию — я, Стэн, Нэйл и Мик. Сразу же после собрания. Мик попросил нас встать рядом с ним и поддержать его. Я высказал свое мнение. Возможно, ты меня будешь презирать».

«Нет, Алан, у тебя есть право на свое мнение».

Вот и все.

Я позвонил в «Юнайтед». Я объяснил Энн Уили, которая взяла трубку, что мне нужно попасть домой как можно быстрее.

Очередная глава в книге моей жизни закрыта. То, что я пережил перед чемпионатом мира, еще больше заставило уважать клуб, за который я играл, еще больше помогло понять его величие. Я еще больше сблизился с друзьями — старыми и новыми — и укрепил дружбу, которая была краеугольным камнем моей жизни.

Какая бы то ни было возможность примирения была исчерпана, когда игроки сборной Ирландии подписались под заявлением о том, что я не должен возвращаться в команду. Я буду только мешать. Я могу только гадать о том, кто придумал это заявление. И кто заставил молодежь под ним подписаться.

Я надеюсь, что когда-то снова буду играть за сборную Ирландии. Но не с Маккарти. Как и я, он сам выбрал свою дорогу. Наши мнения расходятся по принципиальным футбольным позициям, но он имеет право на свой выбор, так же, как и я.

